

Нагрудный знак лауреата премии

Медаль и Премия имени Людвиг Нобеля, старшего брата Альфреда Нобеля, выдающегося промышленника, внесшего огромный вклад в развитие многих отраслей российской промышленности была утверждена в 1888 году Русским Техническим Обществом в Петербурге.

В первые годы вручалась «за выдающийся труд» Дмитрием Менделеевым.

После Октябрьской революции была вместе с именем самого Л. Нобеля передана забвению Советским Правительством.

Вновь восстановлена в 2004 году.

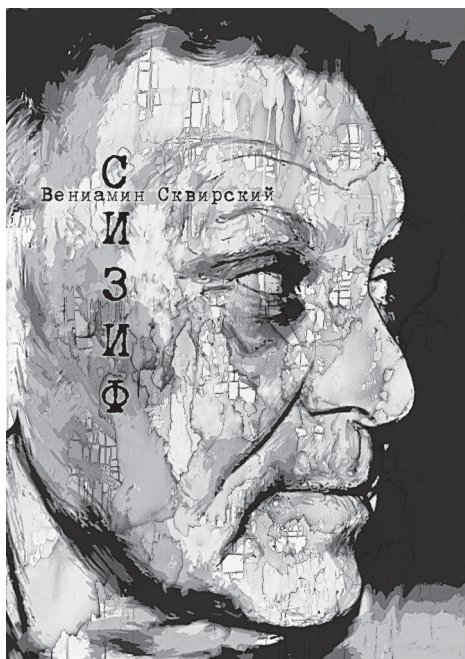
Лауреатами становятся знаковые личности, внесшие существенный профессиональный вклад в развитие нашего общества.

Академик Вениамин Сквирский был награжден этой престижной Премией и Золотой Медалью в 2007 году вместе с Чингизом Айтматовым, Евгением Евтушенко, Анатолием Карповым, Мстиславом Растроповичем, Владимиром Васильевым, Алексеем Леоновым, Юрием Григоровичем и Ярославом Голко.

Медаль и нагрудный знак изготовлены на Петербургском Монетном Дворе по эскизам 1888 года.

Вениамин Сквирский

СИЗИФ

**Потусторонние
истории**

**Книжная лавка-клуб писателей
Санкт-Петербург
2010**

ББК

Сквирский, В. Я.

Сизиф. Потусторонние истории. —

СПб.: Изд-во «Книжная лавка-клуб писателей»; Изд-во «Любавич», 2010. — 560 с., ил.

ISBN 978-5-86983-170-5

Эту книгу написал Вениамин Сквирский — ученый с мировым именем, значит в ней можно найти много интересного.

Но автор еще и драматург, написавший более двадцати пьес для театра, значит эта книга очень зрелищна.

Но Вениамин Сквирский работал и в юмористическом жанре, сотрудничая и с Театром Аркадия Райкина, и со многими известными артистами эстрады. Значит в этой книге будет много веселого.

Хотя могут ли потусторонние истории вызывать улыбку?

Для того, чтобы ответить на заданный вопрос, надо просто прочитать эти интересные, зрелищные, веселые, а часто и наполненные мистическим содержанием, **ПОТУСТОРОННИЕ ИСТОРИИ.**

ISBN 978-5-86983-170-5

- © Сквирский В. Я., 2010
- © Соловей Ю. А., оформление, 2010
- © Сидорова Ю. А., оформление, 2010
- © Издательство «Любавич», 2010
- © Книжная лавка-клуб писателей, 2010

Об авторе

Уважаемый читатель! Вы держите в руках очень любознательную книгу, написанную ученым с мировым именем, драматургом, написавшим более двадцати пьес для театра. Из них большая половина увидела свет рампой в российских и зарубежных театрах. Автора нескольких романов и научных книг. Более 500 произведений для эстрады, которые дали звездный старт многим артистам этого жанра, в том числе Геннадию Хазанову, Кларе Новиковой, Илье Олейникову. Более двадцати лет этот автор работал с Театром Аркадия Райкина и его имя стоит в афишах шести спектаклей этого знаменитого театра. Повести вошедшие в настоящий сборник созданы на базе ранее написанных им театральных пьес. Одна из них «Гений» была создана в соавторстве с его многолетним соавтором, физиком и прекрасным драматургом Владимиром Синакевичем. Послужной титульный лист Вениамина Сквирского, его званий, заслуг и наград как ученого в самых различных областях: от атомных субмарин, водяных фильтров для космических кораблей, ракет для прочистки труб, методики безоперационного лечения раковых опухолей, до экологически чистых сельскохозяйственных комплексов — занял бы ни одну страницу этого сборника. Приведем лишь мизерную часть из них: Почетный

доктор и профессор Европейского Университета (Германия, Ганновер). «Лауреат премии Л. Нобеля», «Лауреат национальной премии Италии в области литературы», «Человек года» 1999 и 2001, «Выдающийся человек XX столетия» (все номинации США). Золотые медали и Платиновый Диск: «Выдающийся интеллектуал мира» и «Медаль чести Америки в области медицины». (США). Ордена Италии, Англии, Америки, России. В том числе Орден «Почетного Посланника» (США), с присвоением звания «Экселенс». Первый Вице-президент Европейской Академии естественных наук, Вице-президент С. Петербургской Инженерной Академии, и академик еще шести Российских и Международных академий. Его имя занесено в «Российскую Книгу Рекордов Гиннеса» как самого разностороннего ученого и изобретателя России. Англия, Франция, Германия, Австралия и Австрия выпустили его именные почтовые марки и конверты. В 2010 году его персонально поздравил грамотой Папа римский Бенедикт VI. Роман «Невероятные бредни старой вороны» был назван «Лучшим европейским романом 2007 года». В сборник вошли иллюстрации прекрасного художника, ныне проживающего в Германии, участника многих международных выставок, Юрия Соловей и коллажи молодой, очень талантливой художницы Юлии Сидоровой. Суперобложка выполнена «Лауреатом премии Л. Нобеля», известнейшим европейским художником — Михаилом Шемякиным. Книга выпущена эксклюзивным тиражом и, несомненно, является литературным раритетом.

СИЗИФ

ПОВЕСТЬ

по мотивам пьесы

В. Сквирского

«Сизиф»

Сизиф спал, опершись спиной об огромный круглый камень, стоящий на склоне горы в небольшой, вмятой им же выемке. Его мощный храп разносился далеко в округе и отпугивал не только птиц, но даже некоторых малоприятных насекомых. Он был бос и лыс. Одет в какое-то невероятной грязи и изношенности рубище, до такой степени насквозь пропитанное едким потом, выделениями из носа, слюной, мочой, пылью и экскрементами, что, высохнув на солнце после дождя, оно стояло колом, защищая его владельца от ушибов при падении камней из горных осыпей. Когда-то, по всей вероятности, это рубище было вязанным из крученой овечьей шерсти хитоном. На причинном месте зияла достаточно большого размера дыра, дабы мог он справлять малую нужду не останавливаясь, прямо на ходу, чтобы не прерывать качения этого огромного камня к вершине горы. Некогда детородные органы, а ныне просто сморщенные кожистые ошметки, находящиеся внутри дыры, частенько привлекали внимание любопытных пернатых и мелких грызунов, оттого во время сна спящий прикрывал дыру сложенными руками. Охранным оружием Сизифу служил и аромат, исходивший как от хитона, так и от самого хозяина.

Переносить это не поддающееся описанию невероятное зловоние мог только он сам, ибо все живое, соприкоснувшись с ним хоть на мгновение, немедленно погибало. Это спасало

старика от надоедливых вшей и блох. Тем паче что почесать укушенные этой нечистью места на ходу он не мог!

Храп старика был тоже необычен. Вначале шла эдакая малокалиберная подготовка к будущей настоящей боевой наступательной, все сметающей на своем пути канонаде. Начиналась она с нежных трелей соловья, постепенно переходящих через воробьиное чириканье к вороньему карканью. Потом в бой вступали пукалки-минометы, которые сменяли залпы «катюш». Далее пауза. Некоторое затишье перед вступлением в бой бога войны — тяжелой артиллерии. И, наконец, начиналась и настоящая, долгожданная, все сметающая на своем пути, рвущая ушные перепонки грохочущая канонада. Много столетий спустя великий российский поэт описал это в двух строках: «И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!».

При каждом сверхмощном залпе огромный каменный шар вздрагивал и грозил, сбив спящего человека, помчаться вниз к подножью горы, сметая все на своем пути. При взгляде на этот здоровенный шар у каждого нормального человека немедленно возникала мысль о том, что старик не сможет не только вкатить его в гору, но и просто сдвинуть с места, даже если бы камень стоял на абсолютно ровной местности. Однако кара, наложенная на Сизифа богами Олимпа за его беспрецедентную в мировой практике общения смертных с бессмертными богами провинность, оказывалась значительно мощнее человеческого разума.

Огромный камень, правда, со страшными усилиями, он уже множество столетий вкатывал почти до вершины этой крутой горы. Вкатывал, но на расстоянии нескольких метров до лунки, на которую сегодня тот так неожиданно встал сам, силы старика заканчивались окончательно, и, не в силах удержать валун, старик отскакивал в сторону и со стоном следил слезящимися от бессилия и обиды на богов глазами за его свободной, радостной, бешеной скачкой к подножью! Он знал, что когда-нибудь эта пытка должна закончиться. Сам Великий Зевс обещал это ему на страшном Олимпийском Судилище, но когда она должна закончиться, ему было неизвестно. Вначале Зевс довольно часто посещал его, когда камень после очередного падения лежал у подножья

горы. Он лукаво справлялся о здоровье и настроении Сизифа и притворно охал и ахал, как бы сочувствуя его болячкам. Однажды спросил, отчего он такой грустный сегодня? Сизиф сострил, сказав, что он не грустный, а просто трезвый. Великий достал прямо из воздуха и одарил старика стаканчиком сладкой олимпийской мальвазии, дав закусить конфетой с начинкой из птичьего молока. Но на вопрос Сизифа о сроке окончания действия наложенной кары не отвечал. Просто не слышал этот вопрос — и все тебе!.. Зевс по не понятной для Сизифа причине недолюбливал старика, и он это чувствовал, но в чем крылась эта причина — он не знал.

Пока он спал, на горе появился убитый в бою солдат. По зеленоватому цвету кожи лица и рук было видно, что на этом свете он уже достаточно давно, да и сладковатый запах тления также подтверждал это. В руке он держал копье, в ножнах на боку болтался короткий меч. Он снял с плеч скатку и вещмешок и, сев на прогнивший ствол поваленного дерева, повыше спящего Сизифа, так, чтобы слабый ветерок не доносил до него смрад, исходящий от старика, достал из вещмешка солдатский котелок с какой-то пищей и принялся за еду, громко чавкая при этом.

Сизифу снился прекрасный сон. Он возлежит на шкурах барсов на террасе своего дворца в Коринфе. Ритмично негромко стучат барабаны царского оркестра, и нежно ведет его любимую мелодию свирель. Терраса находится немного выше бассейна с фонтаном, на его бортиках рядом сидят жены и наложницы царского гарема и обожающими, будоражащими его плоть взглядами пожирают владыку. Под круглыми пружинистыми попками каждой из них находится тончайший шелковый платочек.

Сизиф поднимает палец вверх, и не сводящий с повелителя умильного взора писклявый, лоснящийся от жира главный дворцовый евнух громким ударом хлыста поднимает женщин с бортика бассейна и велит поднять на вытянутых руках платочки. Та, платочек которой оказался самым влажным, а значит, именно она больше всех желала своего владыку, окинув победным взглядом товарок, гордо виляя очаровательным соблазнительным задом, последова-

ла за главным евнухом в первую спальню, где черные рабыни начали её умащать особыми возбуждающими плоть мазями и благовониями.

Но в эту спальню он к ней еще не войдет. Из этой спальни её поведут во вторую, где продолжают возбуждать её умирающие от страстной безысходной похоти рядовые евнухи. Они будут гладить её бедра и целовать соски грудей, лизать живот, лобок и промежность. А главный постельничий, тоже евнух, будет елейным бархатным голоском рассказывать ей, какой замечательный и сильный в любви мужчина её повелитель! Какой он неутомимый любовник и в каких позах он будет любить её сегодня. Рядом на высоком постаменте красивый мускулистый раб и прелестная рабыня будут наглядно и очень темпераментно демонстрировать сегодняшней избраннице царя эти прекрасные позы.

Но и в эту спальню он к ней также не войдет. Из этой спальни евнухи перенесут её в будуар с баром, где евнух — специалист по волнующим кровь крепким напиткам — будет смешивать и поить её особыми ароматными коктейлями, настоянными на редких восточных травах. И в этот будуар он тоже не войдет к ней, а войдет в её лоно в следующей спальне, где находится особое живое ложе любви, под плотной тканью которого находится матрац, набитый тесно сплетенными клубками сотен непрерывно перемещающихся шипящих ядовитых змей. Любовный акт на этом необыкновенном секс-матраце приобретает особую силу и чувственность, и обоюдный оргазм достигает необыкновенных, незабываемых, поистине сказочных высот.

Шлепок экскрементов от пролетающей мимо большой птицы, угодивший прямо в глаз, разбудил его. Сизиф с трудом размежил слипшиеся веки, огляделся и увидел солдата. Решив, что просто грезит наяву, он вновь закрыл глаза и продолжил смотреть чудесный сон. Однако продолжения сладостного погружения в былые любовные страсти уже не последовало. Но пришел новый сон, и не менее увлекательный.

Камера пыток. Пропахший миазмами, потом и кровью грязный подвал. На дыбе висит бог войны, любимец Зевса. Старый грозный солдафон и полный мудака. Над его идиот-

скими афоризмами помирали со смеху все боги Олимпа: «Громче голову поворачивай!», «Я же приказал разместить все лужи на плацу, чтобы офицеры по дороге не обмочились!», «Надо смотреть не глазами, а подбородок повертывать на сторону!». Арес был личным врагом Сизифа. Ибо, несмотря на бывшие дружеские отношения, многочисленные совместные попойки с прехорошенькими рабынями и дорогие подарки велел своим солдатам сделать из него хорошо отбитый ростбиф, когда осерчавший Зевс велел доставить к нему в клетке на Олимп провинившегося царя Коринфа для серьезной беседы на ковре. Да, провинность Сизифа перед богами была огромна! И именно за неё он до сего дня и несет эту тяжеленную кару с катанием огромного камня в гору. Да, провинился, но зачем же ломать своему другу кости? Ведь все можно было сделать тихо и приятно, за амфорой крепкой мальвазии! То есть по-человечески! В этом месте Сизиф сопел во сне от распивавшего его дикого приступа гнева и, оттолкнув палача, сам начинал истоиво крутить ворот дыбы, наслаждаясь дикими воплями старого вояки.

— Кричи, кричи, старый дурак! Бранись громче! Вот сейчас ты богохульствуешь, а потом теми же руками будешь хлеб разламывать! — издевался он над несчастным служакой.

Как и прежний сон, этот прервался внезапно, без счастливой концовки... Без сладостной финальной, заключительной точки. А так хотелось бы еще мучить и мучить подлого старика. Дробить молотком пальцы. Сдавливать сырмятной петлей с рычагом голову! Размазывать по грязному полу каблуком сапога гениталии!

Третий сон он не то что не любил... Нет, скорее, он его побаивался... Это был совет богов на Олимпе, на котором боги переизбирали Зевса, и в качестве главного обвинителя не всегда благовидной деятельности могучего Бога-старика выступал он сам, то есть Сизиф! Да, конечно! Уж кому-кому, а Сизифу-то было что рассказать божественному перевыборному собранию, но уж больно это было страшно!.. Ибо авторитет Великого Старца был невообразимо высок! Так же, как и его власть над этим сумасшедшим миром!

Сизиф в последний раз громко всхрапнул и приоткрыл глаза. Небо по-прежнему было ясным и безоблачным. Лег-

кий ветерок нежно перебирал слабые лапки чахлых листочков трутовицы. Над головой на камне нежно дискантом пела тутошняя, потусторонняя, ворона. Сизиф сладко потянулся до хруста суставов. Сплюнул на балахон скопившуюся за время сна тягучую слюну и произнес для разминки затекших в бездействии связок свою любимую фразу: «Старость не радость, маразм не оргазм».

— Ты что-то сказал, старый? — услышал он незнакомый голос. Старик повернул голову и увидел в нескольких шагах от себя сидящего на стволе поваленного дерева солдата, что-то аппетитно уплетающего из глиняного котелка. Рядом с ним лежали скатка и вещмешок. Из котелка шалун-ветерок донес до ноздрей его мощного породистого носа запах чего-то очень вкусного, крепко перченого, мясного.

— Горазд же ты жрать, однако, — пробурчал Сизиф. — С таким чавканьем враг тебя за версту засечет. Эдак громко, пожалуй, и не всякая свинья хрустеть сможет! Это, пожалуй, уже даже не просто аппетит, это вдохновение.

Солдат продолжал есть, не обращая на соседа никакого внимания.

— Да-а... Индивид прост до гениальности... Останови же ты, наконец, свой жрательный аппарат хоть на секунду! Эдак недолго поломать челюсти. И опубликуй вслух народу меню. Ты кого перемалываешь? Поди, кости старого зайца?

Солдат смачно облизнулся, громко рыгнул, обтер рот рукавом и, сморкнувшись в сторону Сизифа, процедил сквозь зубы:

— Молодого поросенка, будь ты проклят.

— Э-э-э! Ты насчет проклятий-то поостерегись. Этих печатей на мне уже и не пересчитать! Любителей мерзко нагадить в мою невинную, кристально честную и чистую душу — и на том, и на этом свете было предостаточно!

Так как ты давеча сказал про поросеночка? Молочный? Это, как я понимаю, — свинячий пацаненок, вскормленный молочком... Мечта...

— Угу.

— Да-а! Это, должно быть, была необыкновенная вкуснятина!..

Вот уж верно говорят: чем больше мы заботимся о животных... тем они вкуснее...

Солдат достал из ножен короткий меч и начал обрубить ветки для костра со ствола и без того чуть живой смоковницы. Жухлые сухие листья посыпались на голову Сизифа и, запутавшись во всклокоченной шевелюре и бороде, сделали его и без того малопривлекательное лицо еще безобразнее.

— Пожалей дерево, убийца! Не так уж и давно на нем еще жили наши предки.

Солдат, не обращая внимания на его слова, продолжал дальше калечить деревцо.

— Замолкни, старая образина! Здесь земных законов, слава Богу, нет! Тут я на все имею право!

— Видишь ли, иметь право — еще не значит быть правым! Ты согласен со мной?

— Да пошел ты... Правда, вот насчет наших предков — это ты верно подметил. Мой папаня тоже мне говорил, что мы произошли от обезьян! А кто-кто, но мой-то папаня никогда не ошибался.

— Генеалогическое древо и индивидуальная история твоей замечательной семьи меня мало интересуют, мне дерево жаль. Нельзя ломать все подряд, ведь иной раз может возникнуть желание на чем-то и посидеть.

Солдат, продолжая свое занятие, проворчал:

— Вроде уже сильно старый, а все дурак.

— Ну зачем же, служивый, так безапелляционно, сразу — дурак? То, что я в возрасте, — это ты подметил верно. А старость, гений ты мой, надо уважать — это ведь твое будущее, как ни говори. Нельзя сказать, любезный, что своим появлением на свет божий ты ничего не сдвинул в жизни мирового человеческого общества, и более того, по-моему, ты даже достаточно заметно снизил его интеллектуальный уровень. Ведь ты наверняка согласен в этом предположении со мной, дружище, не правда ли?

Солдат отложил меч и начал распаковывать вещмешок. Ему было не очень понятно, что там бубнит этот грязный

старик. Слава Зевсу, он был сыт сегодня. Маленький кабанчик, которого он так удачно пришиб утром камнем из пращи, поднял настроение, и теперь ему хотелось часок-другой поспать. От старика сильно смердило, но так как устроился тот за своим камнем, видать, прочно и надолго, надо было найти новое местечко с подветренной стороны. Он вновь собрал вещмешок и только было собрался сменить позицию, как старикан опять полез к нему со своими дурацкими вопросами:

— Может быть, ты все же пообщаешься со мной? Все же повеселее будет обоим. Общение, мой друг, даже для животных — приятное времяпрепровождение. Обменяемся мыслями, жизненными наблюдениями, прогнозами на будущее вселенной вообще и мира нашего загробного в частности?

— Да пошел бы ты подальше со своими прогнозами. Мелешь как мельница. Ду-ду-ду ду-ду! Ду-ду-ду-ду-ду! У тебя, что ли, понос словесный? Поймай себе жабу, кролика или крысу и общайся с ними хоть до конца света. А от меня отстань!

Сизиф закрыл глаза, и ни к кому не обращаясь пробормotal, как бы про себя:

— Гений! То есть всесторонне недоразвитая личность. К сожалению, еще не все люди на этой распрекрасной планете научились говорить по-человечески.

Солдат перетащил свое добро на несколько шагов против ветра и, вновь развязывая вещмешок, бормotal себе под нос:

— Ветрогон проклятый! Как гороху нажрался с кислым молоком, все равно. И все себе ду-ду-ду, ду-ду-ду! Всю отрыжку послекусия порося отбил, вонючка! Филин общипанный! Олух царя небесного!

Сизиф открыл глаза, почесал черной растрескавшейся пяткой голень другой ноги, ковырнул в носу и мягко заметил:

— Кстати, чтобы ты знал, болван, олух царя небесного — это достаточно высокая должность на Олимпе. Так что спасибо за награждение статусом. Ты все больше и больше поражаешь меня. Казалось бы, серая личность по внешнему виду, но какая радуга оттенков! Какой удивительно разнообразный

спектр морфологии! Ты от кого это, братец, набрался такой удивительной мудрости при столь посредственной внешности? Уж не от самого ли Зевса?

— От моего ротного. Тот очень даже ученым человеком был. Бывало, выстроит весь отряд на плацу и говорит: «Живете здесь, как все равно что свиньи в берлоге!» Или еще покруче: «Закройте пасти, сволочи, — трусы видно!» Сильный был командир, что и говорить, и шибко грамотный! Мне дак очень нравилась его такое изречение: «Мотайте все это себе на усы! У кого нет усов — мотайте на уши. Вырастут усы — перемотаете!»

Очень дальновидно вдаль и в глыбь смотрел человек! Таких бы командиров нам в армии да побольше — мы бы весь мир завоевали! А ты со своим камушком чесал бы отсюда подальше, а то Великий Зевс ненароком сюда зайвится — стыдухи за тебя, пархатого, не оберешься. От вонищи твоей задохнется и мне слова сказать не даст!

Сизиф вновь прикрыл глаза и обратился к каркавшей на камне вороне:

— Молчу. Нет, ты только обрати внимание, серая птичка, на мою железную выдержку! Ты, очевидно, думаешь, что мне не хочется дать в морду этому ублюдку? Ты ошибаешься, моя певучая девочка. В подобных случаях я стараюсь не затевать мелкую ссору по пустякам и берегу драгоценную, накопленную по крупницам энергию для большого продуктивного скандала.

Удобно устроившись на скатке, солдат достал краюху хлеба и снова начал громко чавкать. Ворона, словно заинтригованная последней фразой Сизифа, замолкла и, прыгнув с камня, начала подбираться к солдату в надежде поживиться случайно упавшими на землю крошками хлеба.

— И как долго ты еще собираешься меня бесить?! — В голосе старика начинали позванивать высокие ноты.

— А хоть всю жизнь.

— Всю жизнь, говоришь... Ну, что ж... Что она есть, эта жизнь, — просто вопрос времени. Значит, с философской точки зрения ты ответил правильно, а вот если с житейской позиции — тебя надо было бы сейчас убить! Вошь ты подзаборная! Убирайся отсюда, пока жив, гнида!

— Ну так уж сразу и вошь... и гнида... Что-то ты больно уж раздухарился, старикан. Так ведь недолго и по борюде схлопотать, как сказал бы мой ротный. Но неохота об тебя руки марать. Мой ротный, тот так бы сказал: «Как барабан ни труби, все равно толку не будет!» Так что ты уж лучше заткнись. Что, я не могу есть как хочу, что ли?

Сизиф вновь закрыл глаза и, как обычно, пробормотал себе под нос, не обращаясь ни к кому:

— Клоп с виду тоже, между прочим, подкупающе прост, и, пожалуй, где-то даже мил. Ты прав, братец, человек может все, только не надо этого ему позволять...

Солдат доел краюху, бросил крошки птице и, заключив самокрутку, улегся на земле, положив голову на скатку. Ворона вновь взлетела на камень и залилась канарейкой.

— Жаль, ротного моего тоже убило. Ему бы жить и жить, да нас, глупых, учить уму и разуму. Вот, помню, спрашивает его один наш солдат: «Скажите, ротный, а крокодилы летают?» — «Нет, — отвечает, — не летают». — «А я слышал, что было такое, что летали». — «Нет, бывает, конечно, что какой-нибудь вдруг возьмет себе и полетит, но очень низко». Или еще, помню, был такой случай: говорили мы как-то про планеты. А один солдат, дотошный такой, все задает ротному вопросы и задает. Да и вопросы-то одни и те же. «Что ближе к Земле — Луна или Солнце?» Ну достал буквально и ротного, и нас всех. Ну, ротный терпел, терпел, а потом так весь собрался и ответил ему со знанием дела и очень точно, но, правда, слегка уклончиво: «А не пошел бы, — говорит, — ты, умник, куда подальше...» Ну очень был знающий командир. Ему бы жить да жить! Но ему башку ядром оторвало. Мне-то повезло. Мне просто пикой грудь прокололи, а вот ему ядром из пращи, под корень... Я и не знаю теперь, как он до Харона и добредет-то? Без головы-то?.. Без головы-то ведь и не видать ничего. Как говорится, раз головы нет — то и глаз, значит, нет. Вот тебе как хочешь, так и живи.

Помню, ротный как-то спрашивает меня: «Зачем человеку бог голову дает?» Я до-о-лго думал, но сообразил все-таки сам, лично: «Чтобы было, — говорю, — чем есть пищу!»

Он тогда похвалил меня перед всем строем и даже наряд вне очереди отменил за догадливость и ум. Хороший был командир. Справедливый. И больших знаний человек. Можно сказать — энциклопедия! Вот только с головой ему крепко не повезло. Крепко! И с глазами. Да я и сам-то этого проклятого Харона с двумя целыми глазами едва отыскал. Веришь? Катается, гад, по речке Стикс на своей плоскодонке туда-сюда. Кого хочет — берет, кого не захочет — не берет, паразит. Зараза он, твой Харон! Я, веришь, его у этой речки год ждал! Протух весь! Провонял насквозь, ко всем чертям собачьим!

— Да. Вот тут я с тобой абсолютно солидарен, братец. С Харончиком иметь дело непросто. Типичный махровый аппаратчик этого мира. Зажрался, заелся! Потерял всякое божеское лицо. Ничего не попишешь: власть — она и есть власть. Она не только людей калечит. Но, как ни говори, а этот светильник разума от потустороннего источника уже целую вечность держится на своей должности. И никто из богов ни разу не обвинил его в превышении должностных обязанностей. И только одно это, братец, уже достаточно много говорит людям, посвященным в капризы нашего времени. Взятку-то он у тебя просил?

— Не-е, через год так перевез, на халяву.

— Да, пожалуй, что с тебя и взять-то? Ну, окромя мудрости твоей безграничной да копыя.

— Не-е! Копье ему я бы ни за что не отдал! Я бы тут без него с этой потусторонней бюрократией второй раз с голдухи подох бы! Я им зайцев да свинок колю. А то без него оголодал бы. Но с других он, гад, брал чего-то. Ну, а с баб, если еще не совсем протухли, с тех в основном натурой. Кобелище он, видать, еще тот, козел вонючий! А ведь все отчего происходит — нет на него, паразита, божеского контроля. Вот тебе и обнаглел! Подлец он! Одно слово — подлец!

— Да нет, братец, тут ты сильно ошибаешься. Контроль-то за ним с самых верхов есть, да еще какой. Он же не все себе берет, он же с верхами делится. Дохлые бабенки — вот это и есть его личные парносы. А там наверху, на Олимпе, и живых — бери не хочю.

— И то верно. Я его на берегу жду-жду, жду-жду, а он себе баб-богинь на лодочке катает. Катает и катает! Катает и катает! Сука он кобелиная, одно слово! Ведь они же для него кто — бабы эти с Олимпа? Бо-ги-ни! А я для него кто? Да никто! Член в пальто!

— Вот тут ты, служивый, абсолютно прав. Действительно, кто ты? Ничего положительного на этот вполне закономерный вопрос ответить, вот так с хода, однозначно, даже я не берусь. Природа, браток, удивительно щедро обделила тебя достоинствами. Ну, просто необычайно щедро!

— Верно говоришь, старик. Верно. Куда как щедро! Я — чистой души человек. Чистой!

— Это точно. Уж это-то абсолютно точно. Чувствую я, что в твою девственную душу, а заодно и в мозг — еще не ступала нога просвещенного человека! Не ступала!

— Прав, старик! В душу не ступала! Это уж точно. Но вот со смертью, скажу тебе честно, мне сильно повезло. Сильно! Только ведь и ткнули-то копьём в грудь, и все... Только и ткнули, и охнуть-то как следует не успел, а она, Смёртушка, уже тут как тут. Такая симпапушечка славненькая. Сисечки, попочка — все при ней, все на месте. Шустренькая такая. С тетрабочкой, с перышком гусиным. Все аккуратненько. Раз, раз! Мол, как вас величают? Вежливо так. Имечко, кто папаша? Сейчас сверимся с небесным списочком, под которым номерком вы у нас сегодня проходите. В то ли местечко и на такую, как запланировано, глубину вас копьём проткнули. Все чин по чину зафиксировала. Я только было собрался спросить, мол, куда бежать дальше и в какую очередь становиться на довольствие, глядь, а она уже около моего ротного хлопочет. Головку евонную, а вернее, что от неё осталось, нашла. Под мышку ему засунула. Все сверила по тетрабочке, мол, по номерам сходится или нет, и побежала себе дальше. Очень, ну очень шустренькая бабечка. И главное, что все при ней. И попочка, и сисечки... По всему видать, очень грамотная по своей специальности девочка! Очень!

— Что верно, то верно — в этом олимпийском отделе у них все шустрые. И с попочками и сисечками у них полный порядок — их же сам Великий Зевс по конкурсу под-

бирает. А что-что, но понятие в бабьей вкусности у старика в полном порядке! Этот ни одну не пропустит без личного экзамена и анализа... Кадры — одна в одну!

— Так что? Выходит, по-твоему, этих телочек на Олимпе много, а не одна та девка с косой?

— Это не сама Смерть была, служивый. Так, лаборанточка. Смерть-сестричка. А скорее всего, просто практиканточка. Настоящий бог смерти — мужчина. Зовут его Танатос. Это очень серьезный мужичок. Из хорошей семьи.

Он сын Ночи и родной брат Сна. Но в народ на дело выходит редко, в исключительных случаях. В основном безвылазно у себя в кабинете на Олимпе сидит. В аккурат напротив кабинета Зевса. Выезжает на процедуры только по очень важным смертям. Цари, фараоны, крупные бандиты, мафиози, большие ученые, писатели, поэты. В общем, выбирается он исключительно к выдающимся личностям. По мелочам не разменивается. Ко мне, кстати, тоже приехал, но для меня этот визит печально закончился.

— Врешь ты, старикан! Тоже мне личность нашлась выдающаяся. Да ты подойди к пруду да на себя взгляни. От страха так обмочишься, что в пруду вода из берегов выйдет. Да-а... С чем-чем, а уж со смертью мне сильно повезло... Повезло. Можно считать, подфартило! Просто счастье улыбнулось. Раз, два — и зафиксировала! Жаль только, не знал, что девка просто практиканточка. Я бы у неё адресочек попросил. Ведь и попочка, и сисечки — все при ней!..

— Да, братец, видать, и правда счастьем тебя зашибло. Не то что твоего ротного. Тот бедняга без головы — девчонку-то и не разглядел.

— А разглядел бы, вмиг клинья под неё забил. Вмиг! Наш ротный по этому делу был большой специалист! Ходок, каких мало! Профессионал! Бывало, на занятиях вызовет кого-нибудь из строя и задает ему вопрос:

— Что есть баба?

Ну, тот, конечно, — тыр, мыр, десять дыр... и все в таком духе... «Встань в строй, олух! — командует ему ротный. — И запомни, дурак: баба есть женщина! Понял?! Но женщина в армии — предмет особый и разглашению не подлежит».

— Да-а... Ротный твой был мудер! Большой философ и педагог. Большой! А ты к последнему своему сражению, поди, уже на выходе из армии-то был? Годочков-то тебе тоже было немало, слава Зевсу?

— Да, уже пора на вольную было. И пенсион уже более-менее справил. И поднаграбил чуток...

Сизиф еще раз почесал грязной шершавой как терка пяткой голень ноги и задумчиво произнес:

— Выходит, что только это ты добился теплого места под солнцем, а оно — глядь и зашло!

— Зашло... Да еще как зашло... И даже согреться под ним не успел. Лежал, как тюлень, замерз, как суслик. Хорошо еще снега в тот день не было... Вот лежу это я себе с дыркой в груди, ветер её продувает насквозь, и думаю: хоть бы поскорее зарыли меня в землю, там хоть сквозняка не будет.

— Веселенькие у тебя, братец, первые мысли на этом свете были.

— А из тебя, что ли, фонтан радости пер? Или, может, ты сюда по своей воле на заслуженный отдых прикатил?

— У меня, служивый, длинная история. Если захочешь, я тебе её на досуге, не торопясь, расскажу. Я, братец, как, впрочем, и многие в том мире, пал в неравной борьбе с самим собой. А сегодня у меня счастливый день в этом мире. Счастливейший! Сегодня счастье, кажется, наконец улыбнулось мне. Да! Да! Братец, улыбнулось! А быть может, просто оскалило зубки... Ты хорошо видишь этот огромный камень? Будь он тысячу раз проклят!

— Ты, старый, видать, забыл. Это же ротному моему башку оторвало, а меня же только пикой в грудь. Конечно, вижу.

Сизиф сморкнулся в балахон. Смахнул наверхнувшуюся от счастья слезу и продолжил прерывающимся от избытка чувств голосом:

— Так вот, братец, Великий бог Зевс, кажется, наметнул, что сегодня он простит меня! Множество лет втаскиваю я эту долбаную каменюгу в эту крутую гору. И каждый раз буквально за 2–3 метра до этой выбоины кончаются мои силы, и я как подкошенный падаю без сознания на землю в глубоком стрессе.

— А камень?

— Эта проклятая богом каменюга катится обратно вниз к подножью горы, к началу моего идиотского маршрута, сметая по дороге все, что встречается на его страшном пути! Очнувшись, я с проклятиями спускаюсь вниз и начинаю весь этот адский труд сначала!

Солдат обалдело посмотрел на старика и, присвистнув, отодвинулся от камня подальше в сторону.

— И вот, наконец, сегодня у меня впервые хватило сил докатить этот сволочной бульган до ямки, и теперь мне осталось всего пару десятков метров до вершины! Слышишь?! Всего пару десятков метров, и Сизиф свободен!!! Свободен! Свободен! Свободен!..

Схватив солдата, Сизиф в диком танце начал раскручивать его по склону.

— Пусти! Пусти, сумасшедший старик! Ты поломаешь мне ребра! И откуда в тебе силища-то такая?! Мне ведь еще на Олимпе на страшном и справедливом судилище отбиваться надо будет. Там-то мне ох как оставшиеся силенки еще пригодятся.

В диком вращении прыгая, как бешеный заяц, между камнями, обессиленный Сизиф пал на колени и заорал:

— Великий Зевс! Прости несчастного дурака, сбившегося с праведного пути, верноподданного раба твоего заблудшего Сизифа! Да! Да! Я соткал прошлую жизнь свою из массы пороков. Я прелюбодействовал! Обкрадывал своих подданных! Лгал сверх всякой меры даже по пустякам! Я часто бывал низок в помыслах и поступках своих! Но я был молод и глуп! Глуп и молод! А оттого многого не понимал! Но ты послал мне тяжелые, хотя и справедливые, испытания — во искушение. И я прозрел! Так выслушай же меня и, если сможешь, прости! Ты готов?

Сизиф встал с колен и сел, опершись спиной о камень. Солдат о чем-то напряженно думал. Он молча тряс головой, тер ладонями виски.

— Он молчит?! — наконец выдавил он из себя. — Может, чего в твоих словах не понял, как и я? Что это значит — прозрел?

— Когда мудрость запаздывает — её называют прозрением. И он все это прекрасно знает. В принципе, он и че-

ловек-то неплохой, хотя и бог. И все адресованное ему он отлично слышит. А боги не просто страдают манией величия — они в ней купаются, наслаждаясь от счастья. Наш же настолько силен и так крепко сидит у себя наверху, что даже к молчанию его надо настороженно прислушиваться. Ты слушай и учись у меня уму-разуму. Слушай! Ты только взгляни, о Великий, на мои ладони, огрубевшие от рукоплесканий бессмертным, беспримерным деяниям твоим! Сколько великолепных, замечательных по мысли твоих высказываний, мудрых цитат и остроумнейших фраз потонуло в моих громовых овациях. Просуммируй, о великий математик всех времен и богов, это и прости ничтожного дурака! А ты, служивый, запоминай или лучше записывай мой подхалимаж и при случае используешь его в общении с богами. Они все это обожают. Уверю тебя, что сейчас этот прохвост сидит на божьей кухне, снимает пенки с птичьего молока, наливает их в крепчайший бразильский кофе и, слушая мои вопли раскаяния, кайфует, гад ползучий!

— Что ты несешь?! — в диком страхе прошептал солдат. — Он же может услышать это страшное богохульство!

— Дурачок! Боги слышат только обращенные к ним хвалебные слова. Но фокус состоит в том, что даже отрицательные эпитеты вызывают у них положительные эмоции. Им важно только одно, чтобы их непрерывно поминали!

Лоб солдата покрылся испариной. Руки дрожали. Он опустил на колени и в ужасе прошептал

— Значит, сейчас ты ему врал?!

— Упаси бог, служивый! Никогда! Просто на любой случай жизни я, как и всякий бывший правитель, располагаю многочисленными вариантами правды. Следи за мной внимательно! Великий! Я смиренно жду твоего божественного знака! О, подай же его, Величайший из Великих!

Неожиданно огромный шмель, внезапно появившийся неизвестно откуда, с громким жужжанием вонзил жало в лоб солдата. От страха и боли служивый подпрыгнул на добрый метр от земли и дико завопил:

— Зацепил, зацепил, проклятый! Зацепил прямо в лоб, потусторонняя тварь.

— Не ори, оглашенный. Ты все время путаешься в странах того и этого света. Тебя ужалила поэтусторонняя тварь. И это не случайность, это божий знак! Ликуй и радуйся, несчастный недоносок! Ты получил в лоб добрый знак от самого великого бога всех богов — Зевса! Ты хоть это понимаешь, кретин?

— Сейчас вроде бы начинаю. Нам ротный часто говорил: «Голова у солдата — чтобы думать, мозги — чтобы соображать, а рот — чтобы есть и не пороть глупости».

Не успел он произнести эту фразу, как раздался ужасный гром, в землю рядом с деревцом ударила яркая молния, и на вершине горы появился сам Великий Зевс. Это был статный пожилой мужчина с жестами бога, привыкшего повелевать, красивым волевым лицом и могучей гривой хорошо уложенных седых волос. Белая тога мягкими складками обтекала его мощную фигуру, дышащую уверенностью и внутренней силой. Он тяжелой походкой немолодого мужчины спустился к лежащим ниц Сизифу с солдатом, и те наперебой, отталкивая друг друга, принялись лобызать его пыльные сандалии.

— Довольно, мальчики. Избалуете старика. А ведь иногда так хочется быть демократичным и скромным... Как устроились? Давно ждете?

— Да уже почитай год, Великий! — прохрипел потерявший от страха голос солдат. — У речки Стикс этого проклятого Харона ждал месяцев десять. Аж протух весь! А он, гад, на казенной лодке все себе богинь катает. Туда-сюда! Туда-сюда! Черт бы его подрал!

Великий облокотился о камень и, вытряхнув крошки из одной сандалии, мягко, почти ласково заметил:

— Ты, братец, что-то уж больно навалился на Харончика. Надо же и понять старичка. В его-то возрасте много ли житейских радостей осталось. Да тут еще аденома, диабет и бронхит служивого замучили. Ведь работенка-то какая? Весь день на воде, на воде. Сплошная сырость да ветер. Да и девочкам целыми днями сидеть и общаться со мною, старпером, тоже скучновато, а покататься на свежем воздухе — как приятно! Да и много ли вообще нынче радостей у богов-то? Сплошные страшные суды да местные

разборки. Анонимками с клязузами весь Олимп завалили за тысячелетия. Веришь, нет, а иной раз просто жалею, что письменность людишкам дал.

Сизиф поднялся с земли и, став по ветру, чтобы вонь не попадала в ноздри Зевса, заискивающе пропел козлетоном, кивая на солдата:

— Чувство юмора у него не отнимешь, не правда ли, Великий?! Чего уж у человека нет, того и нет!

— Это верно. — Зевс покровительственно построил улыбку. — Зато, обрати внимание, какую замечательную наивность удалось ему в себе сохранить.

И, обратив светлый лик к солдату, спросил:

— И давно ли, служивый, ты ждешь олимпийского приема?

— Да уже, почитай, поболее года, Великий. Я же тебе уже говорил, у одной этой проклятой речки Стикс целый год проторчал. Протух аж весь насквозь... А этот твой Харон, подлюга, гад ползучий...

— Потерпи, браток, еще немного. Видишь ли, уж больно много дел на Олимпе накопилось. Вот сейчас со скотоложством Калигулы разберусь и твое дельце подниму. Я думаю, мы все твои вопросы быстренько разрешим, их ведь наверняка меньше, чем по этому чудовищу в человеческом облике накопилось!

— Я вот все понять не могу: и как он с этой здоровенной кобылой в койке управлялся? Может быть, напраслину на него в анонимках возводят? Кобыла-то больно уж высока!

— А он, Великий, видать, на оглобли становился. У нас в деревне такой случай тоже, помню, был... Один мужик...

— С тобой, братец, просто приятно беседовать, особенно когда молчишь. Но, служивый, смекалка у тебя есть. Молодец, солдат.

Зевс похлопал служивого по плечу, затем брезгливо вытер ладонь о край своей тоги и повернулся к Сизифу:

— Как ни говори, но народ любить надо! Это наша высшая божественная мудрость нам подсказывает, не правда ли, Сизик?

— О чем вы говорите, Великий! Кого же тогда любить, если уж не наш родной народ! Я в свои лучшие годы, помню, бывало...

— Что бывало, то пропало. Ты мне лучше расскажи, что передумал, что осознал за это время? Прогулки вверх-вниз по красивой горе, на свежем воздухе очень располагают к воспоминаниям и раскаянию. Не так ли?

— О чем вы говорите, Великий, гуляю и плачу, гуляю и плачу...

— А камушек не мешает? Не отрывает от благих мыслей?

— Нисколько, Великий! Скорее, наоборот, содействует мышлению, будит фантазию.

— Значит, воспитательное значение этой простенькой заслуженной кары ты осознал?

— Целиком и полностью, Великий! Качу его в гору и благословляю вашу беспредельную милость ко мне, смертному, и беспредельную прозорливость, и опыт блистательного педагога!

— А что же ты чувствуешь, когда бежишь за ним с горы?

— Мне так не хватает рядом вашего дружеского плеча в эти моменты, Великий! Такая блистательная и полезная для мышц пробежка! Это — раз-два-три! Раз-два три!

— Заразительно поешь, мерзавец... А что?.. Пожалуй, можно разок и попробовать... Тряхнуть стариной... Помню, в молодости я за нимфочками — о-хо-хо как резво!.. О-хо-хо!.. Но это все лирика. Кстати, а ты помнишь красавицу Ио?

— Ио? Ну как же! Разве это чудо природы можно было забыть?! Ах, какая это была красотка. Эта пышная белоснежная грудь! Эти розовые девственные соски, слегка торчащие в разные стороны! А этот округлый животик, осиная талия, крутая линия бедра и словно накачанные медом сладчайшие ягодицы! А эта длина ноги, эта точеная лодыжка и махонькая, словно сахарная, пяточка... Боже мой! А какие губки, а белизна жемчужных зубок и небесная синева глаз! Умоляю, останови меня, Великий! Мир еще никогда не создавал более совершенного творения!

Зевс мечтательно поднял к небу седую красивую голову и, казалось, тоже полностью ушел в сладостные воспоминания.

— А позже, Великий? Когда вы в целях конспирации превратили её в очаровательную белую корову? Разве тот её пленительный образ можно забыть?

— Ты помнишь, Сизик, её огромные, глубокие, как озеро, волоокие глаза с огромными пушистыми ресницами? А эти чувственные ноздри аккуратненького крошечного носика и мясистые, словно наполненные нектаром губы?

— А эти дивные перламутровые рожки и мохнатые ушки с бриллиантовыми сережками, которые вы, Великий, подарили ей в ту незабываемую, почти брачную ночь?

— Ах, а какая это была любовница! Богиня! Даже в шкуре коровы она была необычайно соблазнительна и желанна!

— Боже! Как грациозна, как пышнотела она была, Великий! А как она горделиво носила вымя!

Зевс смахнул катящуюся по щеке слезу воспоминаний, и вдруг на лицо его словно накинута грозная маска:

— Ты бездельник и болтун, Сизиф, хотя и великий мастер — лести. Короче. Ты разболтал моей жене, богине Гере, о моем романе с этой прекрасной девочкой в то время, когда она уже превратилась в соблазнительную телку? Не пытайся, негодяй и развратник, казаться глупее, чем ты есть на самом деле! Конечно, до того, как я, спасая её от ревнивого гнева жены, а уж какова она в запале ревности, знает весь Олимп, превратил её в это священное животное! Боже! Каких душевных и телесных мук мне это стоило!..

— Стоп! Умоляю, остановитесь, Великий! Я все понял!

Сизиф упал на колени и начал в истерике рвать на себе волосы.

— О, Великий Юпитер! Как ты мог подумать, что преданный тобою друг и раб, твой несчастный Сизиф, мог пасть до такой низости! Побойся Бога, Великий!

Зевс усмехнулся и произнес ледяным тоном:

— Ты, видно, перепутал меня с Сатаной!

— Нет, я просто хочу выяснить для себя: вы все это серьезно, Великий?!

Зевс сказал так же холодно:

— А ты когда-нибудь слышал, что существуют смертельные шутки?

Сизиф поднялся с колен, сморкнулся в край балахона и ровным голосом продолжил:

— Тогда извините! В таком случае, дальше мы можем спокойненько общаться на равных, мой Великий коллега по любви к прекраснейшей из дев! Как больно и тяжело раненные друзья по невозполнимой сердечной потере!

Увы, но это дело не моих рук и не моего, как вы правильно отметили, временами мерзкого языка! Великий Зевс не учитывает одного простого как гвоздь житейского обстоятельства, которому не в силах противостоять даже величайшие богини Олимпа! Когда стареющая жена перестает в достаточной степени следить за своим внешним обликом, она начинает пристально следить за своим мужем! Или, быть может, я не прав, Великий?!

Зевс на мгновение задумался и, сбросив с лица маску гнева, ответил:

— Ну, хорошо... Предположим, на этот раз ты не соврал... Тем более что в то время ты просто не мог знать всей правды этой печальной истории, а не зная правды, лгать сложно... Будем считать, что на этот раз я тебе поверил и отпустил этот грех! Тем более что труд твой для увековечивания имени твоего, с исторической точки зрения, необычайно ценен и привлекателен. Он прославит тебя в веках не меньше, чем то твое главное и значительно более мерзкое преступление, которое ты совершил по своей феноменальной глупости! О нем до сих пор судачат на Олимпе, и уж поверь мне, что во все последующие времена о нем будут помнить и писать потомки! Так что катай и катай далее, дружок, свой камень почета и вечной и немеркнувшей славы!

Посмертная слава, как ты теперь видишь, тоже имеет свои прелести.

Зевс сладко зевнул. Погладил камень рукой, как бы проверяя, крепко ли он стоит в лунке. Ласково улыбнулся Сизифу и что было силы толкнул камень ногой. Каменюга дрогнул и, словно сорвавшаяся с цепи злая собака, со страш-

ным грохотом помчался вниз, оставляя за собой поломанные деревья, раздробленные камни и густой шлейф пыли.

Сизиф в истерике упал наземь, царапая заскорузлыми пальцами с обломанными, ороговевшими, как волчьи когти, ногтями спекаясь на солнце глину:

— За что, Великий?! Так в чем же я опять успел провиниться пред тобой?!

Солдат, обхватив ствол смоковницы, с ужасом и любопытством глядел вниз и тихо шептал про себя:

— Во грохочет, гад ползучий! Во несется, паразит! Попадись ему сейчас на дороге мой ротный... Считай все, кранты!.. Тут уж никакая смерть-сестричка его костей не соберет! Точно, не соберет!.. С такой-то скорости его по горе как масло по хлебу размажет! Размажет — это уж точно! Тут и в баню, как говорится, не ходи! Как масло по хлебу...

Зевс притворно сокрушенно покачал головой и, положив ногу на голову стенающему в пыли Сизифу, произнес:

— Надо же, как я неудачно повернулся. Ай-ай-ай! С возрастом становлюсь неловким. Ты уж прости старика, Сизик. Поверь мне — это чистая случайность! Ну что уж тут поделаешь? Прокати еще разок свой камушек, а там, глядишь, мы тебя и окончательно простим! А ты, служивый, — обратился он к солдату, — не волнуйся. Считай, что отныне ты первый в божеской очереди на судейского разборку Страшного суда. Успехов вам, мальчишки, и большого счастья в личной жизни! Не поминайте лихом нерасторопного старого Бога!

Яркая вспышка молнии и страшный удар грома, потрясший гору, известили о вознесении на Олимп Бога Богов. Обалдевший от всего увиденного и услышанного, солдат с восхищением глядел в небо. Морщины, собравшиеся в пучок на его и без того не гигантского размера лбу, ясно говорили, что индивидуум пребывает в глубочайшей, абсолютно не свойственной его ленивому мозгу задумчивости.

— Вот это да-а!.. Вот уж истинно явление царя народу... Сподобился! Хоть и на том свете, а все же сподобился солдатик... Жаль, мой ротный всего этого не видал!.. Жа-а-ль! Это же надо, чтобы мне так повезло! Это же надо... Эй, старый! Ты слышал, чего мне главный Бог сказал? Я теперь у

него самый что ни на есть первый на очереди! Вот, брат, какая штукация получается! Первый! А я ведь и в роте-то своей никогда первым не был. Никогда! Бывало, мой ротный выстроит нас всех на плацу и говорит: «Вы все идиоты! Все до одного! Но это совсем даже неплохо для солдата. Ибо чем меньше в башке извилин — тем больше простор для мыслей. А уж где-где, а в бою солдату мыслить надо, потому если не сообразишь вовремя — когда и куда бежать, первого и убьют ко всем чертям собачьим. Вот вам личный пример: почему я до сих пор еще жив и вами командую? Да потому, что у меня с самого рождения в мозгу всего одна извилина, но при том прямая и поперек всего лбу! Для солдата самая главная часть организма — это расположенная вокруг всего его тела хорошо тренированная мышца. Потому что если, скажем, моя тренированная мышца на узкой боевой тропинке с вражеской мозговой извилиной встретится, то, как поется в известной песне, «Я встретил вас — и все»!!! Понятно, дебилы?! Я доходчиво говорю?!» Ну очень был умный и сильный командир! Любил свой взвод!

Сизиф прилег, положив руки за голову, и, казалось, задремал под глупую болтовню солдата, но это только казалось. Вначале дикая ярость и его бессилие перед лживым богом душили грудь. Потом они стихли, уступив в сердце место давним нежным воспоминаниям. Еще на том, прекрасном свете был он так же, как и Зевс, безумно влюблен в красавицу Ио. Разница между ними заключалась лишь в том, что хоть и был он в то время царем и властителем Коринфа, его власть была ничтожна в сравнении с властью и возможностями могучего всесильного Бога Олимпа. Ио была одной из его рабынь. Её захватили в каком-то побежденном городе и привезли ему в гарем, когда ей едва исполнилось одиннадцать лет. Он любовно, как нежнейший цветок, взращивал её и берег, как самую драгоценную жемчужину, год от года откладывая счастливый и бесконечно желанный миг овладения ею. Время от времени он повелевал надевать на неё дорогие одежды и приводить к нему на вечернюю трапезу. Там под тихую сладострастную музыку свирели евнухи медленно раздевали её и умащали уже почти сформировавшееся, невероятной гармонии и красоты юное

непорочное тело благовонными маслами, а он, заливая неукротимый жар крови сладким сирийским вином, безумными от вождления глазами смотрел и желал её.

Когда ей исполнилось пятнадцать, красота её расцвела ярчайшим цветом. В то время она еще толком не осознавала, чего безумно хочет её рано созревшее, истомленное отсутствием настоящей жесткой мужской ласки пышущее жарким огнем неистраченной страсти волшебное тело. Ласки евнухов, умирающих от похотливого желания её соблазнительной плоти и невозможности его утоления, еще больше разжигали её еще не опознанные самой ощущения, беспокоили и будили её просыпающееся воображение. Она ждала своего звездного часа. Ждала своего персонального амурчика с его отравленной любовью стрелой. И тот не заставил себя ждать. Он прилетел, маленький проказник, любимый внучок бога. Прилетел на зовущий немой крик томлящейся дивной непорочной плоти. Летел издалека, с самого божественного Олимпа. Устал малыш, как последняя борзая на псовой охоте с дюжиной зайцев. Чуть живой, едва держась в эфире на махоньких крылышках, со слипающимися от усталости глазенками, быстренько достал из игрушечного колчана первую попавшуюся стрелку и, почти не целясь, бахнул в её жарко бьющееся сердечко! Бахнуть бахнул, да не той стрелкой...

Ну, пацан пацаном! Ребенок! Что ты с него возьмешь?! Стрела точно угодила в невинное сердечко чудо-девушки! Но оказалась она, увы, совсем не той, которую на Олимпе заказал для самого себя Сизиф, а стрелой самого правителя Олимпа Зевса! Вот такая приключилась история. И что же произошло дальше, спросите вы меня, читатель. А дальше произошло следующее: Великий Зевс, проснувшись раненько поутру, почувствовал странное томление, давно уже не посещавшее его истрепанное случайными связями сердце. Он неожиданно обнаружил, что сегодня у него почему-то нет никакого желания проводить ежедневную олимпийскую утреннюю оперативку. Что ему совсем не хочется больше валяться в нежнейшей небесной постели на перине из хорошо взбитого птичьего молока, и более того, его не тянет на завтрак, состоящий, как всегда, из дюжины столь любимых им

перепелиных яичек и стаканчика божественной райской мальвазии. О принятии порции некогда обязательных утренних ласк законной жены богини Мегеры, уменьшительно-ласкательно — Геры, и разговор уже давно не стоял, что было вполне понятно, учитывая её возраст и редкую сварливость... Но недаром же полное имя первой дамы Олимпа было Мегера! Удивительно было и то, что уже давно ставшие привычными, хотя по-прежнему желанные ласки молоденьких наложниц в это странное утро его тоже не волновали!

Он набросил на еще крепкое тело расшитый золотом персидский халат, сбрызнул холодной росой волевое, изображенное возрастными морщинами, но все еще красивое лицо, выдернул щипчиками торчащие волоски из ноздрей и, вызвав дежурного архангела-постельничьего звоном серебряного колокольчика, приказал привести к нему олимпийского астролога. Нет, он, естественно, не верил в космические враки. Планеты не подчинялись воле Олимпа, они жили собственной жизнью и подчинялись какому-то куда более могучему богу, и уж постичь его законы олимпийскому астрологу наверняка было не по силам. Зевсу вполне хватало и земной власти. Да и земных забот было по горло и выше. Но все же он позвал его, так, на всякий случай, ибо с этим неглупым мошенником и к тому же неплохим психологом иной раз можно было и посоветоваться.

Астролог на удивление быстро разобрался в ситуации и попросил шефа припомнить последнюю деву, которая своими неотразимыми женскими прелестями поразила его мужское воображение. Зевс не задумываясь назвал Ио. Далее на божеский ковер был вызван тот самый пацаненок-амурчик, который мгновенно признался в своей оплошности. На всякий случай проверили его колчан и обнаружили, что одной из личных сердечных стрел Зевса в нем как раз и не хватает. Дальнейшее расследование было бессмысленным. Вырвать из еще не знавшего страсти сердечка Ио стрелу любви Великого Зевса было не по силам даже ему самому — Богу богов. Теперь огромная, всепоглощающая, не знающая преград любовь крепчайшей нитью связывала два эти сердца — сердце Бога и невинной прелестной земной красавицы. Зевс начал тайком встречаться с любимой, мотивируя Гере олим-

пийские отлучки необходимостью ревизий в некоторых отдаленных государствах его необозримого царства.

— Кругом воруют, Герочка! — говорил он ей.

Для свиданий в качестве любовного гнездышка использовался дворец Сизифа. С одной стороны, это обстоятельство льстило самолюбию царя Коринфа, но, с другой, это представляло собой и немалую опасность, ибо как веревочке ни виться, а кончик-то все равно отыщется... И все закончилось именно так. Ревнивая сверх всякой меры пожилая и мудрая Мегера все же выследила влюбленных и, дав пару сильнейших оплеух мужу, в очередной, стопятидесяти-тысячный раз, сделала вид, будто простила ему и эту интрижку.

Однако теперь ей надо было как следует наказать обидчицу-соперницу. Зная мстительный нрав своей божественной половины, Зевс упредил её, превратив обворожительную красавицу Ио в очаровательную белую корову. Сизиф повелел сделать ей поистине царское стойло в одном из лучших своих покоев. Кормил её лично с руки из своей царской кухни. Приставил к ней массажистов и визажистов. Установил в покое биотуалет и назначил специального уборщика навоза из среды своих высокопоставленных сановников. Только из царских кровей! До поры до времени этот животный маскарад прекрасно существовал и действовал. Зевс прилетал к любимой и тут же превращался в красивого мощного быка.

Страсти влюбленной четвероногой парочки кипели с неистовой силой!

Правда, после каждого свидания высокопоставленному уборщику фекалий приходилось работать за двоих и за ту же зарплату, но кто во дворце обращал внимание на такие мелочи? Ну... разве что сам высокопоставленный уборщик...

И все же настала минута, когда кто-то из этого небольшого круга посвященных донес о продолжении романа законной подруге Великого Бога. Час возмездия наступил! Пылающая гневом мстительная мадам Мегера прилетела во дворец Сизифа как раз в момент соития животнотрепещущей пары. И испуганных влюбленных пришлось разъединять с помощью ледяной воды из пожарного гидранта, как

скрестившихся собачек. Вначале она хотела под корень оскопить мужа и, заспиртовав этот бычьих размеров причинный орган в хрустальной вазе, установить его на постаменте в виде коровы в супружеской спальне в качестве вечного назидания бессовестному изменнику! Именно так много веков спустя и поступил российский государь Петр Великий, поставив в спальне неверной жены вазу с заспиртованной головой её любовника. Однако, прикинув свой нынешний возраст и внешний вид, передумала, решив, что сегодня ей найти любовника для своих еще не угасших женских страстей будет непросто... А свой законный мужик, каков он ни есть, хоть и очень редко, но все же навещает её для исполнения своего супружеского долга.

Оставалась красавица телка! И ей, практически ни в чем не виновной (попробуй-ка откажи и в наше время просьбе Бога, даже если это не сладкая обоюдная любовь, а просто наглое домогательство — ох как мало у кого хватит смелости), ревнивая богиня уготовила жестокое отмщение. Она напустила на несчастную соперницу огромного ядовитого овода, который, преследуя очаровательную телку и днем, и ночью, непрерывно кусал её нежнейшее вымя. Бедная телочка не выдержала пытки и вскоре, к великому огорчению Зевса (ибо, как известно, на жену даже и у Богов нет управы), откинула свои прелестные копытца. С неверным мужем Гера тоже сыграла забавную шутку, причем такую, на которую была способна только страстная женщина-богиня. Вернув себе обратно человеческий образ, Великий не смог сократить размеры своего причинного органа, и он на веки веков так и остался тех же крутых бычьих размеров.

По всей вероятности, именно за это на Олимпе образ Зевса стал ассоциироваться с могучим быком. И до сей поры все прогрессивное и не очень прогрессивное человечество именно в этом животном обличи и представляет Великого Бога.

Предполагаемого доносчика, уборщика царственных фекалий, негодяя, так и не признавшего свою вину в пыточном блоке Сизифа, на всякий случай посадили на кол, смазанный вонючим барсучьим жиром. В назидание всем будущим фискалам. Говорят, что Зевс до глубокой старости

не мог забыть этого так печально закончившегося романа и винил в предательстве ни чем не повинного на этот раз Сизифа!

Сон старика прервал голос солдата:

— Скажи, папаша, а почему ты ему все время талдычишь только про свои грехи да недостатки? Сказал бы ему и о своих достоинствах, что ли! Неужто у тебя их нет?

Сизиф рассмеялся:

— Говоришь, достоинства? Эх, милый ты мой... Да будь у меня хоть одно приличное достоинство, я бы давным-давно упрятал за ним все свои недостатки и не катил бы в гору этот проклятый булыган!

Сизиф встал, снял с себя балахон и, поставив его стоймя рядом, критично оглядел:

— Однако пооборвался я сильно на этом свете, будь он проклят! Ведь тут как: если нет на Олимпе своей руки — все! Считаю, пропал! То есть нуль внимания, килограмм презрения! Как хочешь, а вернее, как можешь, так и одевайся. Что добудешь, тем и питайся! Ты, думаю, заметил, что мой нынешний гардероб не блещет ни разнообразием туалетов, ни новизной фасона. Этот бывший парадный хитон даже стирать нельзя — развалится. Он состоит из гнилых ниток овечьей шерсти, скрепленных моим драгоценным рабочим потом, мочой, выделениями из носа и слюны. Время от времени я ставлю его на ветерке, чтобы проветрился. Да и позагорать голышом на солнышке очень полезно для организма. Слава Зевсу, что еще есть чем дышать! То есть углекислоты хватает! Ведь углекислота нам в загробный мир с того света приходит. Люди там, наверху, вдыхают в себя кислород, выдыхают CO_2 . А мы, то есть не люди, на этом свете, наоборот, вдыхаем CO_2 , а выдыхаем кислород! Так что людишкам на том свете без нас, считай, кранты! Они только нашим кислородом и дышат. Понял? Ты думаешь, почему люди там, наверху, все время воюют и убивают друг друга? А для того, служивый, чтобы сохранить этот самый дыхательный баланс! Вот такая, братец, картина получается.

Солдат тяжело вздохнул и почти с восхищением, как-то по-новому, поглядел на Сизифа.

— Ну и силен же ты в науках! Пожалуй, не хуже нашего ротного. Тот тоже нам про смешанный воздух в казарме частенько говорил, но все больше про портяночный.

Да еще другого запаха воздух после перловой каши да чечевицы! Вот скажи, а откуда ты узнал, что именно тебе этот камень катать надо? Тебе лично сам Зевс его показал, что ли?

— Нет, братец, лично не указал. Как говорится, не удостоил такой чести. Просто вдруг однажды утром у меня появилась навязчивая идея, эдакое неодолимое желание: а что если взять да и закатить на гору этот уютюг проклятый? И с тех пор, веришь, больше ни о чем думать не могу. Только утром глаза продеру — сразу первая мысль: где камень? Что это я валяюсь в праздности?! А ну скорее вставай и кати его в гору!

Сизиф горестно вздохнул, помочился под корень деревца и продолжил:

— И хватаю, и качу. И качу! Качу! Будь он сто тысяч раз проклят! Да что об этом говорить... Моя песенка уже давно спета, а вот твою перед судилищем давай порепетируем. Тебе, братец, сказочно повезло со мной. Что ни говори, а на сегодняшний день я единственный луч мрака в этом светлом царстве!! Во всяком случае, в этом его микро-районе! И могу тебе дать множество замечательных советов, но, как ты сам понимаешь, не даром! Мудрость во все времена ценилась ох как дорого...

Солдат оторопело поглядел на Сизифа и по сторонам. Ощупал себя, вывернул пустые карманы и жалким голосом прохрипел:

— Да у меня и нет ничего. Ничего такого не осталось. Вот он я! Тут весь из себя...

— Ничего не осталось — это, братец, с какой точки зрения на это поглядеть. Вот, к примеру, с точки зрения скелета — человек состоит из сплошных излишеств. Кому, скажем, нужны все эти печенки, селезенки, яичники и прочая дребедень? Они же прочности скелету не добавляют?! Не правда ли? Один только лишний вес от них? Или, скажем, такая точка зрения, какая часть в организме человека главная? Отвечай!

— Ну... Я так точно не знаю... образование у меня, как говорил наш ротный, ниже подошвы сандалий. Мне, скажем, сердце, наверное, а кому-то, скажем, детородный орган... У нас в когорте, между прочим, были такие...

— А по мне — дак мошонка! Потому, если бы этого мешочка не было в человеке, он бы с голоду помер! Руки-то у него всегда были бы заняты яйцами! Соображаешь?

— Ну ты и даешь, старикан! До такого, наверно, и сам наш ротный не допер бы! Не догадался бы! Даже тогда, когда ему еще башку ядром не снесло!..

— Да твой ротный в сравнении со мной просто вонючий козел! — Сизиф гордо поднял голову.

— Ну, насчет того, от кого больше дерьмом дует — от тебя или от козла, — это еще надо поглядеть! Лично я к твоему хитону только с подветренной стороны подойти могу. Да и то метра за три.

— Оставим, братец, эти глупые сравнения и продолжим нашу занимательнейшую беседу о значимости и стоимости моих полезных наставлений. За истекший период времени благодаря моей необычайной коммуникабельности в нашем с тобой дружном коллективе сложились определенные, я бы даже не побоялся сказать, очень теплые взаимоотношения. То есть почти любовь!

— Ну уж про любовь, старина, это ты крепенько перехватил!

— Почему? Что такое любовь, дружище? Это дружба, которая не знает границ! А разве чем-нибудь определены наши с тобой границы? Ты за эти часы стал мне просто родным человеком, просто братом! Ты со мной согласен?

— Да тебя сам черт не разберет. Может быть, и согласен...

Сизиф поежился на порыве свежего ветерка и сладко пропел:

— Вот так-то. Подари тогда своему окоченевшему братику мундир и сандалии.

Солдат тяжело вздохнул и очень неохотно, почти со стенаниями, снял сандалии и мундир и передал их трясущемуся от холода Сизифу. Тот мгновенно напялил их на себя.

— Спасибо, служивый! Зевс на страшном суде не забудет твоей бесконечной доброты и непременно зачтет этот добрый поступок.

— А как он узнает о нем? — На лице служивого было написано смятение.

— Как, как! Да ты сам ему об этом и расскажешь, когда он спросит тебя, дрожащего от прохладного свежего горного воздуха на вершине Олимпа, где же твое обмундирование. А пику и галифе ты подарешь Великому! Бескорыстная взятка — лучший подарок даже Богу! Поверь мне. Они, сердечные, так любят, когда с ними так запросто, без лишних церемоний и с подарками... Вот тебе мой первый мудрый совет. Ну-ка, погляди на меня. Как мундирчик-то, сидит исправно?

Солдат хмуро буркнул:

— А чо ему не сидеть-то?.. Сидит...

— И как я в нем тебе нравлюсь?

— Я мародеров отродясь не любил. Да и дырку от пики зашить надо.

Сизиф снял мундир и начал придирчиво рассматривать дыру. Просунул в нее вначале палец. Затем — кулак:

— Да-а! Неаккуратно ты в бою носишь вещи! Неаккуратно... Это твое счастье, что в таком драном наряде ты не предстанешь перед судом. Думаю, что дамочкам-богиням из состава Страшного суда присяжных такое отношение к туалету могло бы очень не понравиться. Очень! Теперь насчет мародеров: мародеров народ не любит! Народ любит мародерствовать! А это, если ты понимаешь, абсолютно разные вещи! Кстати, иголочка с ниточкой, я думаю, в солдатском вещмешке всегда найдется. Не правда ли? Второе наставление: не садись жрать ближе, чем за тысячу локтей от Олимпа. Ты принимаешь процесс поглощения пищи слишком близко к сердцу. А боги, особенно богини, терпеть не могут чужого заливистого чавканья под своими окнами. Запомнил?

— Запомнить-то запомнил. Тут дело нехитрое. Но без хрусту нету того вкуса...

— Скрытые резервы твоей дебилности, служивый, просто неисчерпаемы. Но тем не менее ты молодец! И свою не-

вероятной силы подкупающую простоту, дружок, используй только строго по назначению. Когда будешь пожирать богов глазами, делай это не формально, а со свойственным тебе огромным, всепобеждающим, неутомимым громopodobным аппетитом и слюновыделением! То есть смотри Зевсу в глаза и думай в этот священный момент только о поглощении молочного поросенка. Это тебе моя третья заповедь.

— Спасибо, старик, век не забуду твои мудрые советы.

— Спасибом сыт не будешь и этой корочкой тоже. Ты уж не жмись и дай своему другу-философу хотя бы две трети краюхи.

Солдат помялся, но дрогнул и с грустью голодной собаки в глазах отломил половинку хлеба.

Сизиф мигом сжевал её, прислонился к стволу смоковницы, прикрыл глаза и всхрипнул. Ему пригрезился страшный сон: он, коленопреклоненный, стоит на Олимпе перед Великим Зевсом на Страшном суде! Суд происходит в тесной, вонючей и душной камере пыток. Точно такой же, какая была в подвале его дворца. В углу камеры стоит большая золотая клетка, по полу которой ползают огромные ядовитые змеи. Великий велит открыть дверцу клетки, и Сизиф понимает, что сейчас его посадят в неё.

— За что, Великий!? — заорал он истошным голосом! — Я же исповедался, и ты простил меня за Ио!

— Заткнись, идиот! Ты хочешь своим диким криком еще раз напомнить эту историю моей Мегере?! А забыл про муки в этой золотой клетке повелителя смерти Танатоса?! А за этот грех кто будет отвечать? Несчастный герой войны солдатик, которому в честном бою пикой пропорол грудь? Или его замечательный командир ротный, который без головы и слова в свою защиту сказать не может?! Ты, мерзавец, и только ты виновен в этом страшном преступлении, за которое и отведишь перед этими огромными кровожадными кобрами!

— Великий! Да, я был тысячу раз неправ, сотворив с Богом смерти это безобразие! Но вспомни, какие комфортные условия я ему создал в этой элитной, с только что сделанным евроремонтом золотой клетке! Она стояла в моем тронном зале буквально в пяти в метрах от меня, у открытого окна. Он дышал свежайшим воздухом с гор и наслаж-

дался открывавшимся ему изумительным видом на лесистые холмы и озера! Поверь мне, Великий, даже тебе было бы комфортно провести часок-другой в этой клетке.

— Та-а-к! И Великого Зевса ты, подлец, готов заточить в клетку?! Да тебя мало бросить к этим змеям! Мало! Мало! Мало! Я оставляю за тобой камень! И катать его ты будешь вечно! Вечно! Вечно! Вечно!

— Нет! Великий, лучше ты брось меня в клетку к змеям!!! Да! Да! Лучше брось меня змеям!

Несколько крепких тумачков солдата привели его в чувство.

— Очнись, старый! Что это ты во сне так разорался! Какие змеи? Я здесь ни одной не видел за все время! И кто тебя держал в клетке? Я что-то ничего не понял! Но визжал ты, как свинья, которую режут. Прямо как из того анекдота, который нам каждый раз по воскресеньям рассказывал наш ротный. Очень он ему нравился. Старуха позвала двух солдатиков, ну совсем еще зеленых, чтобы её поросю закололи. Денег им обещала. Ну, солдатiki взяли топор и с радостью пошли в сарай к кабанчику. Старуха слышит, там начался дикий шум, гам, свинячий визг, ругательства. Через полчаса солдатiki выходят — все в грязи, в крови, в свинячьем дерьме! Сами ободранные, чуть живые... Старуха радостно спрашивает: «Ну что, хлопцы, забили поросю?» Солдатiki в ответ: «Да нет, бабка, забить-то не забили, но отметили твою скотинку от души!» Так расскажи, что это была за клетка?

— Расскажу обязательно, но попозже. Я же обещал дать тебе еще один важный совет.

— Обещал, это точно. И даже весь хлеб мой сожрал за этот совет.

— Он прост, но гениален, как все мои рекомендации! Когда Великий узнает, что ты всю свою сознательную жизнь ни за что ни про что проливал чужую невинную кровь, он восплает справедливым гневом и мощным пинком в задницу вышвырнет тебя за порог Олимпа! Он обожает это делать. В нем умер, а скорее, не родился великий форвард! У него прекрасный, поставленный самим Ахиллесом удар с левой ноги!

— Так что же мне тогда делать? — В голосе солдата послышались слезы...

Сизиф сделал длинную многозначительную паузу. Глотнул из фляги солдата пару больших глотков воды, пытаясь унять появившуюся от сухомятки изжогу, и так же многозначительно начал:

— Что делать? Что делать? Сакраментальный вопрос, так и не решенный усилиями множества гениев во все времена думающего человечества

Ну, для начала ты разотрешь синяк на заднице, и тебе полегчает... А затем доползешь на карачках до порога Олимпа. Облобызаешь дочиста пыльные Зевсовы сандалии. И очень негромко... Очень проникновенно, а главное — неназойливо, заметишь Великому, как бы между прочим, что даже ошибки парикмахеров стоили человечеству немало количества крови! Понял, идиот?

Солдат громко засопел носом и ответил очень неуверенно:

— Вроде бы головой понял... Вот только боюсь, что не смогу сказать это тихо и... и...

— Ты хочешь сказать — проникновенно?

— Да, да! Проникновенно. У меня голос сильно загрубел на войнах.

— А ты прорепетируй. Чего-чего, а уж времени-то у нас с тобой предостаточно. Умирают, служивый, как ты уже, надеюсь, понял, всего лишь один-единственный раз, но зато на всю жизнь. И помни главную жизненную заповедь: мир — сцена, а люди на ней — актеры! Эту великую фразу благодарные потомки еще не раз повторят за мною в последующие тысячелетия! Причем при этом каждый из них будет абсолютно уверен, что придумал её сам. А проникновенными, золотой ты мой, не рождаются. Проникновенными род людской заставляет делаться сложная жизнь! Это тебе мой четвертый совет. А за пятый, дружок, снимай штаны.

Солдат опять громко засопел и произнес с большим сомнением в голосе:

— А может, он, этот твой совет, штанов и не стоит?

Сизиф насупился и мастерски изобразил на лице справедливый гнев:

— Ты забываешь, мой бриллиантовый, что мы с тобой находимся не на одесском привозе, а на том свете. И здесь твои глупые торги неуместны и, даже более того, вредны твоему будущему благополучию. Однако я не могу не отметить тот радующий мое сердце и разум факт, что в результате наших с тобой бесед ты делаешь поразительные успехи в науке под названием «риторика»! То есть мозг твой наконец просыпается от долгой спячки, хотя происходит это несколько медленнее, чем мне хотелось бы. А теперь еще разок напряги парочку твоих прямых, как дорога в рай праведника, извилин и попробуй меня понять. В епархии богов, даже таких могучих и неглупых, как Великий Зевс, обязательно бывают проколы, то есть промашки. То есть, скажем, не того случайно убили. Или не тот бог дал не тот приказ киллерам. Или убили вроде бы даже и того, но не так... не тем методом... скажем... То есть это незапланированное убийство произошло из-за божественных накладок... Понимаешь?

Солдат, вертя головой, сокрушенно вздохнул:

— Головой-то я вроде бы... даже... Но вот умом...

— Та-а-ак! Попробуем иначе... Как бы зайдем с другой стороны... Подумай, ведь на сегодняшний день лично тебе самому терять уже нечего? Не правда ли? Ведь все, что у тебя было, ты уже давно потерял. Так?

— Конечно! Мундир, штаны и сандалии ты себе забрал, хлеб мой тоже слопал! Жизнь отобрал Зевс. А что мне еще осталось терять-то? Разве что невинность?

На солдата напал беспричинный смех, и он в судорогах начал хохоча кататься по земле, суча ногами. Сизиф пнул его босой ступней и грубо крикнул:

— Заткнись, болван, слушай и соображай. Ведь если человеку уже вообще нечего терять, то почему бы ему тогда не взять да и стать хорошим человеком? Не правда ли?

Солдат, мучительно пытаясь что-то сообразить, сел и обхватил голову руками:

— То есть головой-то я понимаю...

— Замолчи, ублюдок! Ты знаешь, за что Каин убил Авеля?!

— Не-а! Я их обоих-то не знаю!

— За повторение одной и той же глупой фразы! Так что лучше заткнись, болван.

— Молчу.

— Вот и отлично. А теперь запоминай. Если Великий Зевс попросит тебя, так, как бы между прочим, неназойливо, взять на себя какое-нибудь ма-а-хонькое мокрое дельце, такой невинный пустячок-висячок, нераскрытое убийство, прелюбодейнянце или, скажем, простенькое растленьце — не мелочись и не упирайся, как баран, и не делай большие глаза. Спокойненько, без излишней суеты, бери все на себя, а главное — не мучайся. Доброе дело, подаренное Богу, — всегда в нужное время зачтется простому смертному. Ну, и еще одна ма-а-ленкая деталюшечка впридачу. Это советик бесплатный. Если предложит тебе на Олимпе кто-нибудь из Совета богов подписать эдакий простенький, тянущий всего лишь на вечную каторгу, доносик, этакую обличающую бумажонку на ближнего твоего, а тем более на дальнего — подписывай не глядя. Запомни! А лучше запиши, недаром ты грамоте обучен: честный, а главное — высокопорядочный человек никогда не забудет, а тем более не поленится написать или подписать анонимку на хорошего честного человека!

Солдат быстренько достал из вещевого мешка перо, чернильницу и потрепанную тетрадку и, натужно наморщив лоб, начал старательно выводить в ней каракули. Затем он снял медаль с мундира, отнятого Сизифом, и отдал её, смахнув от полноты охватившего его чувства гражданского долга слезу с ресниц, ему в руки:

— Это тебе... В подарок. Я в том бою, за который её получил, сарай с пленными спалил. Веришь, их там с детьми и стариками человек сорок набралось! Мы тогда только-только их город взяли и сожгли дотла. Я этих всех, как ротный велел, туда хлыстом загнал, а потом соломы к сараю подгрел побольше да посуше, дверь бревнышком подпер и поджег. До чего же красиво этот сарайчик горел — до сих пор пламя столбом в глазах стоит. Красивое было зрелище. Жаль, ты не видал, а то тебе эта картина уж точно тоже понравилось бы!

Сизиф поморщился и как бы нехотя поинтересовался:

— И что, все сгорели?

— Дотла-а! Даже костей почти не осталось. Ротный очень довольный был, похвалил перед строем на вечерней поверке.

Сизиф брезгливо повел носом:

— Вонь, поди, была страшная?

— Попахивало, конечно. Не без этого... Но зато из ихних домов мы тогда добра всякого разного много взяли. Чё ни говори, а очень удачный денек в тот раз выдался. Да вот еще и эту медальку за сарай схватил. Так что носи её на здоровье и, как я, — с гордостью!

— Молодец. Эта награда действительно заслуженная, и носить её я буду с удовольствием. Я, когда богатые города брал, тоже почти всех пленных, не годных для продажи, приказывал сжигать. Лишний человек — лишний рот! А значит, лишняя проблема. А нет человека — нет и лишнего едока...

— А значит, и лишней проблемы! Верно!

— Ну ты, брат, просто Сократ по мощи мысли! Сам, поди, догадался? А? Или кто подсказал?

Солдат гордо поднял голову и не без самодовольства буркнул в ответ:

— А то! Конечно сам! Да тут же, кроме нас с тобой, никого и нету? Ротный меня тоже частенько так очень ласково обзывал и, что приятно, — при всех. Видать, любил меня за сметливость!

— И как же он тебя обычно называл?

— Да очень просто: «Эй ты, мудик-верблюдик, иди-ка сюда!» Или еще так: «Пошел вон, засранец!» Это, правда, он говорил больше в шутку.

Сизиф повесил медаль на прежнее место на мундире, горделиво оглядел себя, выпятив при этом грудь, и торжественно произнес:

— Медалей, может быть, и не надо — считай, что победила дружба! Все, я пошел вниз. Надо катить наверх эту каменюгу. Кстати, если тебе станет тоскливо без моего столь интересного общества, спускайся со мною вниз, и мы, как два любящих друг друга брата, покатаем булыган на гору вдвоем. В компании, как ты, надеюсь, понимаешь, жизнь проходит веселее! И смерть тоже! Ты не поверишь, а уже пришла

охота к качению. Зуд в мошонке начинается — первый признак! Проклятый Зевс!.. Так что? Пойдешь?

Солдат засопел и начал собирать вещевой мешок. Горячее желание катить тяжеленный камень в гору на пару с невыносимо вонючим напарником, как это было ясно видно по гримасе на лице, не будоражило его кровь диким желанием размяться до седьмого пота ради семейной любви. Он открыл тетрадь с заповедями Сизифа и начал что-то невразумительное бубнить себе под нос. Сизиф безнадежно махнул рукой, напялил поверх мундира балахон и сделал было несколько шагов под гору, но его остановил возглас солдата:

— Слушай, старик, а с чего мне начинать-то путь на этот суд?

Сизиф остановился, мрачно сплюнул и ответил, не повернув головы:

— С начала.

Солдат покрутил головой и неуверенно переспросил:

— С начала, говоришь?.. А где оно, это начало-то?

— Я бы тебе сказал, где, да врожденная интеллигентность не позволяет. Да, братец, и серость бывает ярко выраженной!.. Бывает... Зайдешь, значит, ты в олимпийскую приемную, увидишь длиннющую очередь из таких же протухших, как и мы с тобой, покойничков и спросишь: кто тут последний, ну, скажем, из Уренгоя? Или, к примеру, из могики? Там это не имеет никакого значения. Я, мол, за вами буду. И стой себе, стой, стой и стой — пока не превратишься целиком в склизкую плесень. Понял?

Солдат сокрушенно кивнул:

— Понял, что там... А в тебе, старикан, погиб талант мыслителя. Пропал, будь я проклят, если не прав?!

— Ты прав, служивый! Да как еще прав... — Сизиф грустно улыбнулся. — Погиб, говоришь? Фиг тебе! Закопали! У них на Олимпе вопрос как ставится: был бы талант, а лопата всегда найдется. Даже обидно иной раз бывает. Только созрел для вечной славы — глядь, и сразу сожрали, а кости закопали!..

— А я так понимаю, если тебя съели, значит, ты был нужен народу!

— Я просто восхищаюсь тобой! Ты растешь на глазах, как мыльный пузырь, служивый! Да, и еще: не болтай там, на Олимпе, особенно длинно, укорачивай фразы до размера мыслей. С твоими мозгами это будет в самый раз. И держи паузу. Понял? То есть, прежде чем сказать очередную глупость, подумай хорошенько! Так сильно укорачивать фразы, пожалуй, не стоит, а то Великий может тебя просто не понять. Усек?

— Усек.

— Тогда свято следуй моим рекомендациям и проживи свою смерть так же счастливо, как я прожил свою жизнь! А быть может, еще и лучше...

— Спасибо, старик. Постараюсь!

— Да, чуть не забыл — прихвати с собой мой хитон. Он будет по ночам охранять тебя от диких зверей и вшей! Он их отпугивает!

Сизиф спал. Сон его был крепок и безмятежен. Ему снилась красавица Ио. Все было так, как и в прежних снах о любви. И те же любимые женщины, и те же влажные пятючки, но на этот раз он выбрал свою юную богиню. Она уже прошла почти все комнаты преддверия любви и вошла в комнату демонстрации поз индийской камасутры.

Кстати, подумал он, неплохо было бы и самому освежить их в памяти в качестве её партнера, а заодно придумать и внедрить в жизнь новые, еще более изысканные и возбуждающие воображение и страсти варианты. Так незаметно он вошел в мечты в будуар любви, где на дышащем от змеиных перемещений ложе в легком полупрозрачном пеньюаре томимое страстным желанием еще не изведанной любовной страсти возлежало дивное тело Ио. Стройные, уже не детские, а девичьи ножки, с легкой такой волнующей кривизной в голених, аккуратная лодыжка, маленькая пятючка и длинные нежные пальчики с ярко красными ноготочками. Только-только налившиеся несравненным и таким волнующим мужскую кровь нектаром, белоснежные и еще девичьи грудки вразброс, увенчанные восхитительными в своей невинности нежными розовыми сосочками. Легкий, еще почти бесцветный пушок на лобке и округлившийся, чуть выпуклый животик буквально помutilи его возбужденный до крайности разум.

Он прильнул к её чуть припухшим губкам, слегка помял пальцами уже начавшие твердеть от еще не совсем осознанного желания соски и в этот момент краем глаза заметил, как вдруг её очаровательные тонкие ступни с высоким подъемом танцовщицы превратились в аккуратные раздвоенные позолоченные телячьи копытца. Грудки поползли вниз к паху и, объединившись, образовали небольшое розовое вымя с четырьмя длинненькими нежными сосками. Очаровательное девичье личико вытянулось и превратилось в головку очень славной телочки с крохотными, чуть загнутыми внутрь рожками и огромными выпуклыми влажными коровьими глазами, в которых легко угадывалась вечная тоска по редкому соитию с быком при постоянном тисканье молочного вымени.

Длинными, покрытыми густой шерстью передними ногами с копытцами, бывшими некогда руками, телка крепко обняла тело Сизифа и засунула ему в рот длиннющий, толстенный шершавый язык. Он было попытался освободиться из жарких коровьих объятий, однако не тут-то было!.. В телке вовсю бушевали разбуженные евнухами и им самим сексуальные страсти, и просто так, без соития, коровенка отнюдь не собиралась сдаваться.

Вдруг страшная боль в возбужденном до твердости железа причинном месте молнией пронзила его тело, и он мгновенно проснулся. Он по-прежнему сидел на земле, приклонившись спиной к камню, обеими руками сжимая свой некогда наделавший множество бед, но вместе с тем и подаривший массу наслаждений прекрасному полу, а ныне кровоточащий детородный орган, не соображая, что же такое с ним произошло.

— Старый, ты уж прости меня за промашку!.. — услышал он хриплое карканье пернатой подружки.

— Хотела сделать, как лучше, а получилось, как всегда... Кстати, ты запомни эту сакраментальную фразу, когда-нибудь она войдет в историю. На твой так удивительно внезапно окрепший ствол упала с дерева жирная гусеница. Я хотела её склевать, да промахнулась, старая, и не совсем удачно.

Сизиф поднялся, оторвал от едва живого балахона полосочку ткани, приложил к кровоточащей ранке листок по-

дорожника и замотал грязной тряпкой. Ворона, внимательно наблюдавшая за этой медицинской процедурой, взглянув на её конечный результат, начала дико хохотать.

— Ты что ржешь, старая дура? — мрачно спросил старик. — Причинных мест мужиков, что ли, не видела, идиотка?

— Почему это не видела? — кокетливо осклабилась древняя вещунья, стыдливо спрятав голову под крыло. — У моей подружки гриф в любовниках ходил, так уж я такого навидалась, не твоему чета. Просто твой прыщик торчит из дыры в хитоне, сморщенный, как беззубая бабушка в окошке с косынкой бантиком.

И ворона вновь зашлась в диком хрипе.

Сердито бормоча себе под нос проклятия в адрес болтливой соседки, Сизиф тяжелой шаркающей походкой до упора вымотанного жизненными невзгодами старика обошел вокруг камня, уперся в него мозолистыми ладонями, вдруг неожиданно легко сдвинул громадный шар с места и пружинистым шагом могучего атлета достаточно легко покатил его в гору.

Ворона, казалось бы, уже привыкшая к такой метаморфозе за многие столетия общения со стариком, не удержав восхищения, присвистнула и захлопала крыльями в награду за феноменальный фокус.

Солдат спал, положив голову на скатку, когда с тяжелыми громкими проклятиями на горе насквозь промокший от пота показался вконец измотанный Сизиф. Вторая половина пути для него всегда была труднее, и к концу пути, то есть почти у вершины горы, силы вообще покидали его.

— Служивый! Служивый! — хрипло закричал он.

Солдат, как ошпаренный, ничего не соображая с прося, схватил пику и вскочил на ноги, озираясь в испуге:

— А?!

— Помоги, братец, укрепить камень, пока эта чертова каменюга не утащила меня назад! Помоги!

— А, это ты! — обрадовался солдат. — А я, видишь, еще туточки. Выходит, тебя дожидался. Давай подсоблю маенько. А ты, гляжу, выдохся совсем? Так ведь и подохнуть недолго, с надрыву-то! Нам ротный, бывало, часто говорил

по такому поводу: «Лучше недоперепить, чем перенедопить!» Ну уж очень сильная была у него эта поговорка, всей роте сильно нравилась. И еще у него парочка таких была, вот, к примеру: «Пошлешь дурака за бутылкой, а он одну принесет!» Или вот еще такая была: «Самогоноварение — партизанское движение алкоголиков». Костерок-то как, сообразим? Чайку согреем. У меня еще кое-что из жратвы осталось. Сейчас подкрепимся!

— Пожалуй, а то живот у меня осанну Цезарю поет, будь он проклят! А ротный твой, поди, выпить-то был не дурак?

— Любил, очень даже уважал и любил он это занятие. Большой специалист был по потреблению крепких напитков. Можно смело сказать — профессионал. Много было у него по этой части очень грамотных изречений и советов начинающим. Я их записывал к себе в тетрадку.

Солдат достал из вещмешка замусоленную тетрадь и начал читать:

— Поздно выпитая вторая — зря выпитая первая! Нужно сразу брать три, чтобы не бегать за одной! Вы еще не пьяны, если можете лежать, не держась за пол! Знай свою меру — упал, значит хватит! Печень — злостный разрушитель алкоголя! Ну, как они тебе?

— Великий человек был твой ротный! Просто гигант творческой мысли! Он сам выдумывал эти перлы или у кого-то слышал?

— Да ты что?! Сам! Только лично сам!

— Ну, тогда он тем более гений. Сократ, Тициан и Цицерон в одном стакане.

— А ребята-то эти кто такие будут?

— Алкаши, братец! Алкаши! Но в мировом масштабе!

Солдат задумался и, восхищенно глядя на Сизифа, выдохнул:

— Как же много ты знаешь, старина!.. Почти что как сам ротный... или сам Великий Зевс!

Сизиф блаженно растянулся на земле:

— Служивый, подложи-ка мне под голову твою скатку.

— А ты её не зажилишь потом?

— Нельзя, родной мой, подозревать в таких мелочах и до такой степени любимого тобой человека. Да, милый, Си-

зиф был вором и именно за это и поплатился! Но воровал он не дохлых кур из курятников и не колбасу из солдатских вещмешков! Я был вором в законе мирового масштаба! И воровал богов с самого Олимпа! Понял, протухшее ты дерьмо?! Тащи скатку!

Солдат почесал в затылке и произнес про себя любимую фразу:

— Головой-то я вроде его понимаю... Но вот умом — нет...

— Кстати, пока меня не было, Зевс здесь не появлялся?

— Не, никого не было. Как сыч тут один сижу в одиночку, поделиться мыслями не с кем. Тоска смертная. Одно, правда, хорошо: никто не лезет тебе в душу со своим фонарем.

— Хорошая фраза. Сам придумал?

— Нет. Так ротный часто говорил.

— Видишь ли, одиночество по-настоящему прекрасно только тогда, когда есть с кем поговорить о нем. Значит, Великий не удостоил тебя чести общения? Очевидно, на этом и том свете еще есть индивидуумы кроме тебя, чей интеллект не значительно ниже. И беседа с ними доставляет его уму не меньшее удовольствие. А? Как ты думаешь?

— Жаль, ротному башку ядром оторвало, уж с ним-то Зевсу очень интересно было бы поговорить о том, о сем.

— Несомненно! Великий допустил великую промашку, дав волю этому проклятому вольнодумцу ядру. Тоже мне, демократ паршивый нашелся: куда хочу — туда лечу! Кому желаю — тому башку и отрываю! Это если всем ядрам волю дать, и мы с тобой вслед за ротным на голову короче станем! Согласен? Великий сейчас, скорее всего, развлекается с молоденькими богинями или отдыхает на небесном пленере... Они там у себя на Олимпе такие спецсанатории отгрохали, какие только через несколько тысяч лет будущие земные правители человечества да олигархи смогут себе позволить. Табачок есть? Закурим?

Солдат достал кисет и передал его Сизифу. Тот отсыпал табаку на две самокрутки и спрятал его у себя за пазухой.

— Эй, эй! Ты это что себе за пазуху сунул?

— Не бойся, не камень, это твой бывший кисет. Сиди себе спокойно, браток. Он не опасен, уверяю тебя. А вот камушек за пазухой честному человеку держать не стоит. Это некрасиво по этическим соображениям, да и опасно...

Гляжу я на тебя и удивляюсь! Да ты, оказывается, просто законченный мерзкий индивидуалист на проверку! А попросту — злостный и беспринципный захватчик! И это — мое, и это! Вот теперь-то я наконец понял, почему ты нищий. Да на такие потребности не хватит никаких способностей! Пусть этот симпатичный кисетик, который, я уверен, тебе сшила своими нежными ручками любимая подружка, пока полежит у меня на груди у сердца и согревает старику его свежеехлажденную душу! Я надеюсь, ты не станешь хотя бы на эту тему спорить со мной? Посмотри на небо. Ты видишь это кучевое облачко?

— Ага.

— Так вот, за ним сидит специальный ангел-смотритель с подозрительной трубой. В руках у него такая же тетрадка, как и у тебя, и он в неё аккуратно записывает все наши добрые и дурные поступки. Потом он переписывает их в наши анкеты для представления на Страшный суд. Понял?

— Ага.

— Молодец ты у меня. Понятливый. Недаром тебя твой ротный из всех солдат выделял. Выделял же?

— Еще как! Бывало, проходит мимо, когда я картошку чищу, и говорит: «Иду и вижу, кто-то у нас в роте пить бросил!» Это он про меня так. Хотя я, в общем-то, и не сильно пьющий. Это у него была шутка такая. А у меня с юмором всю сознательную жизнь плохо было. Так плохо, что я иной раз и своих собственных шуток не понимал. Мне ротный говорил: ты не переживай за то, что у тебя лоб узкий, зато будет меньше морщин, и за тупость, говорит, не переживай, это такое особое свойство ума. Ведь у дурака-то, если подсчитать, столько же мыслей на всю черепную коробку, что и у умника, просто мысли у него другие. Ну, а если, бывает, чувствуешь, что мозгом зашел в тупик, умное слово из него в хорошей компании из головы не идет, выпей как следует — пьяному-то всегда есть что сказать людям.

— А ты где-нибудь учился? Грамоте, например?

— Вроде бы пробовал осилить, но, как говорится, университетов не кончал. Так, самоучка. В общем, разносторонне необразованный человек.

— А женат-то был?

— Ну, это длинная история. Я как рассуждал: годы идут, на войне не сегодня-завтра все равно убьют или поранят — надо жениться, пока не поздно, пока еще вроде молодой и все органы функционируют нормально. Потому как в старости, если бог даст дожить, уже трудно будет за женщиной ухаживать, это же только одни разговоры — любви все возрасты покорны, тут уж больше придется волочиться. Верно же?

— Похоже.

— Я дома в холостячестве и по одежке сильно поизносился, да и какая она жизнь у холостяка? До того дело дошло, что на рубахе вместо воротника одна петля для вешалки осталась. Да и спал я от одиночества сильно крепко: будильник и тот меня сразу не брал. С первого раза он будил во мне зверя, а уж потом самого меня. Ротный меня учил: на улице жену не ищи — жизнь потеряешь на поиски. У друзей уводи. Жизнь такая штука, не уведешь — не построишь. Увел, женился и молчи, сиди тихо, как говорится, тайна, покрытая браком.

— Гений твой ротный. Гений.

— А то? Я бы без него вообще пропал на том свете. Он мне частенько говорил: мол, женитьбы не бойся, муж — это тот же холостяк, только временно одомашненный. И скажу тебе, как на духу, что и в домашних условиях тоже можно одичать. Это какая попадетесь! И, что главное, говорит, не смотри, какая она с наружного вида. Иногда и у змеи может появиться желание пригреть кого-нибудь на своей плоской груди.

Сизиф расхохотался. Ему редко удавалось смеяться в последние столетия, но сейчас он это делал от души. Солдат же нахмурился, решив, что старик смеется над его глупостью, но тот замахал рукой — мол, давай, давай, продолжай, служивый, — и, вздохнув, он продолжил историю своих непростых поисков жены.

— Ротный говорил, что они, то есть бабы, разные только в холостом своем начале, а конец в замужестве у них у всех один. Как говорится, посади обезьяну в клетку, и она уже через месяц будет считать себя птицей. И что еще важно, это не распускать жену после свадьбы, тут как волка ни корми, а он все ест да ест! Вот моя, говорит, увидела где-то, как люди целуются, потом мне полгода покоя не давала: «Что они делали, что они делали?» Потому что я на свадьбе после третьего стакана как забыл её поцеловать, так больше к этому вопросу и не возвращался! И старайся, говорит, ласковую подыскать — лично от моего динозавра можно годами ждать минутной слабости.

— Так, выходит, ты до самой смерти так и прожил холостяком?

— Ага. Все побаивался! Да и здоровья я по молодости был хлипковатого. Когда в солдаты брали, я на осмотре врача спрашиваю: как, говорю, здоровье во всем теле поэффективнее поддержать? Он, видать, тоже умный попался, почти, как мой ротный: «Чтобы сберечь больше здоровья, надо поменьше жить!» И тут я, наконец, понял: так вот оно, оказывается, в чем елкин корень-то зарыт, как говорил мой ротный.

— Нет, вот тут как раз ты, служивый, был не прав. Брак, конечно, дело непростое, но ведь всегда можно и развестись! А развод — дело нехитрое. Зовешь к себе начальника дворцовой охраны и приказываешь сбросить женушку с высокой скалы в пропасть! Или еще вариант: велишь зашить её в кожаный мешок вместе с парой-тройкой голодных крыс, чтобы не мучилась в мешке от одиночества, и через пару часов бросаешь мешок в море, где поглубже! Интересных вариантов множество. Я в свое время их столько изобрел и попробовал на практике, что там твои Медичи и Борджиа!

— А они кто были-то?

— Тоже цари. Большие были любители подобных забав, да и специалисты неплохие! Неплохие! А разводиться мне приходилось частенько. Ну, ты сам посуди: у неё два глаза, и у тебя столько же, и у каждого из этих четырех глаз свой взгляд на жизнь. Вот и попробуй совмести их всех в единой точке сразу. Да и характеры опять же... Они

же только вначале у обоих сходятся, а потом-то все равно расходятся... Потому как мужчина и женщина по сути своей есть кто? Две большие противоположности... Ну да ладно, продолжай рассказывать про свои безнадежные поиски.

— Я-то, как ты сам, старина, видишь, не царь. Мне такие изобретения не по ранжиру. Я и во дворцах-то ни разу внутри не бывал. Не пришлось как-то по жизни... Да и богатства за молодость не накопил — весь жизненный багаж ношу в мешках под глазами, как говорил ротный. И хоть всю жизнь прожил в деревне на богатой природе, но вышел я из этого рога изобилия, можно сказать, в чем маманя родила.

— Ну а я тебе про что говорю. Ты у нас просто ангел во плоти! И этот твой добрый поступок с дарением мне — старому нищему бродяге — какого-то жалкого кисета с остатками табачка, этот небесный ангел обязательно зафиксирует и передаст лично самому Зевсу.

— Ты так думаешь?

— Не думаю, а уверен!

— А кисет этот мне вовсе не девка подарила, я за этот кисет человека пришиб.

— Как это пришиб?

— Да так, палицей по башке долбанул, и конец. Дело-то как было: после боя мы всегда по полю ходим, убитых своих чистим от лишнего добра. Они же на тот свет его все равно не заберут. Ну, а тут мне этот недобитый с кисетом попался, вот я ему и помог к Зевсу поскорее отойти, чтобы сильно не мучился.

— А раненый этот был свой или вражеский?

— А кто их там, на поле, в сумерках разберет? Раз сам до лазарета не добрался, значит, все одно — помрет. Солдатам бегать по полю искать еще живых некогда, да и сил уже никаких нет. Пойди-ка, помаша мечом и щитом с полдня — узнаешь. А что ты кисет зажалишь, так я наперед это знал. Чувствовал сердцем.

— Ясновидец ты у меня, братец, да и только! Ясновидец! И сердечко у тебя чувствительное до безобразия. Ну, что я могу тебе сказать по этому поводу: себя, служивый, не переделаешь, вот и приходится перевоспитывать рядом стоящих... А это, поверь мне, непростое занятие.

Непростое и не всегда благодарное! Ох, не всегда, поверь мне на этот раз.

Солдат разжег костер и, достав из мешка медный котелок, налил в него воду из фляжки и повесил над огнем на рогатине. Сизиф занял любимую позу, прислонившись спиной к камню. Кисет был сшит из тонковатого материала и легко пропускал запах крепкого солдатского табака. Его резкий, но приятный запах забивал удушливый аромат хитона и настраивал мозг на философские раздумывания.

На солдата тоже спустилась спокойная благодать, навеянная тишиной и природой, и он вспомнил то самое сражение, в котором ему повезло дважды. Первой удачей было то, что он остался в живых. Вторым был кисет и медная фляга, которые он забрал у тяжело раненного солдата. Совесть его не мучила ни тогда, ни сейчас. Раненый был наемником, а потому его было не жалко в любом случае. Кисет был набит хорошим египетским табаком почти под завязку. Табак египтянам выращивали рабы-евреи, в этом деле они были великие мастера. Во фляжке было крепкое сладкое вино, наверняка тоже из Иудеи.

Где все это добро добыл тот наемник, один бог знает, но в одном солдат не сомневался: добыл все это добро тот воин для него лично, ибо по всему было видно, что тому на роду богами было начертано погибнуть от руки именно этого солдата и от его палицы. Это было так же верно, как и тот факт, что жизнь самого солдата должна была оборваться с ударом вражеского копья в грудь. Ну, а у ротного, естественно, — ядрышком в башку! А вот как сюда попал этот вонючий выпендрила и вымогатель старикан, для него было загадкой.

Котелок закипел, солдат бросил в него горсть молотого зерна пополам с кукурузой, щепотку драгоценной соли и несколько листочков лавра. Приятный аромат готовившейся горячей пищи, которую Сизиф не пробовал уже сотни лет, раздражал ноздри и настраивал на воспоминания о былой сытой жизни. Да тут еще и солдат, помешивая похлебку, спросил его:

— А ты-то как попал на этот свет и что хренового натворил людям на том свете? Давай рассказывай, пока каша подходит.

— Ох, много чего, служивый... Так много, что всего и не расскажешь. Времени не хватит...

— А я и не спешу. Чего уж чего, а времени у нас с тобой о-хо-хо! Навалом! Давай! Ври!

— Ну так и быть, слушай. Итак, как тебе ненароком уже проболтался, я — великий Сизиф!

Старик встал в любимую позу Зевса. Именно в такой позе мы впоследствии привыкли видеть на помпезных дворцовых портретах императора Наполеона.

— Сын Бога ветров и царицы Энаретты, основатель и царь Коринфа! Все это ты можешь прочесть в любой, даже самой захудалой, энциклопедии. Имя мне дал сам Великий Зевс! Сизиф происходит от слова «софос», что означает «мудрый». Понял? Ну, эту деталь во мне ты наверняка заметил! Кстати, я нисколько не удивлюсь, если именно он, сукин сын, и обрюхатил мою маманю! Она была красотка, каких мир не видел, и чтобы он, ловелас номер один во всем подлунном мире, прошел мимо такого пышного тела и шикарной мордашки, никогда не поверю! Никогда! Тем более что законный муж её был таким ненадежным партнером, каких еще поискать надо! Он как ненормальный день и ночь носился и носится сейчас со своими ветерками, ветрами, бурями и ураганами. И спокойно прилечь с мамашей на несколько минут, чтобы осчастливить её утробу своим деторождаемым семечком, он вряд ли мог, для этого у него просто не было ни минутки свободного времени. Я его никогда не видел, и до сих пор не уверен, видела ли его мама! Короче, необыкновенно ветреного мужика-бога ей подкинул Великий Зевс! И я готов поручиться головой, что сделал он это не случайно! Запомни, Великий никогда, ничего не делает случайно! Никогда! У него все на тысячелетия просчитано наперед! Именно этим он в корне и отличается от всех нынешних и будущих недотеп — руководителей разных стран! Я отец великого аргонавта Одиссея и одного из богов моря — Главка! Чувствуешь, какие гены и хромосомы подарили мне Боги? И уж своих-то детей, в этом ты можешь не сомневаться, я делал сам, закладывая свое драгоценное голубое семя в яйцеклетки лично! Я много лет прожил царем. Ты когда-нибудь видел, как живут цари?

— Откудова мне? Нет, не пришлось... Но слышал. Ротный, это которому башку ядром из пращи снесло, про это рассказывал.

— Да, действительно... откуда тебе...

Итак, до меня этой еще очень слабой страной правил другой руководитель, но к моменту моей зрелости он, к сожалению, скоростижно и очень вовремя скончался. Причем, надо отдать ему должное, очень удачно это сделал — умер совершенно естественной смертью... от экологически чистого яда... Согласись! Как все же это прекрасно — умереть естественной смертью и вовремя! Ты согласен со мной?

— Еще бы! Когда естественной... это же... конечно... А то копьём в грудь! Или того хуже, как мой ротный — раз, и ядром по башке! Я же тебе об этом говорил.

— Говорил, говорил. Тут ведь в жизни как получается... Если хочешь занять уютное местечко под солнышком, надо за это местечко бороться. Согласен?

— А то!

— Так вот об этом знают все, но... не все знают, с кем конкретно в каждом отдельном случае надо бороться! И в этом вся загвоздка! Весь секрет! Понимаешь?

— А то? Это точно! Возьмем меня... вот я лично... Как говорится, за что, известно — за награбленное добро, а с кем — фиг тебе... каждый раз с другими...

— С твоим уникальным жизненным опытом мы разберемся чуть попозже, а пока впитывай всеми фибрами кожи, понял? Так как с мозгами у тебя проблема, мой дорогой! Вспомни: только ты зубами и руками вырвал для себя это тепленькое местечко под солнышком — а оно раз, и зашло! Диалектика, милый! Это надо понимать! Но, естественно, не с твоими извилинами! Это-то хоть ты понимаешь?

— Головой-то понимаю, а вот умом?..

— Понял, понял. Дальше не продолжай!

Итак, возьмем великие имена ближайших ко мне столетий: Герострат — изумительное чудовище! Сжег храм Артемиды! Величайший храм в мире! Восьмое чудо света! Соображаешь?

— Я, если честно, и про остальные-то ничего не знаю...

— Это прекрасно! Будешь спокойнее существовать на этом свете. Меньше знаешь, крепче спишь.

С его стороны это, безусловно, была прекрасная находка! Он, видать, был большая умница, этот подонок! И оттого достоин всяческих похвал, а тем более — воздаваемых ему тысячелетних почестей! Герострат был замечательным образцом выдающейся личности, и я, как, впрочем, и все прогрессивное человечество, не могу не подивиться богатству нищеты его духа!

— Я не очень понимаю, про что ты говоришь, но очень это красиво...

— Это, дружок, гимн человеческому ничтожеству! И ты молодец, что с твоими извилинами это усек. Ты видишь, служивый, как иногда просто стать великим и прославиться на тысячелетия! Стать бессмертным?! Для этого всего-то-навсего надо выбить из камня кресалом искру! Махонькую искорку на сухой фитиль! Или попросту зажечь спичку. Только нужно точно знать, где именно её зажечь и для чего ты это делаешь!

Или возьмем историю с Диогеном. Тут тоже все понятно даже небритому ежику! Старикан нашел приличных размеров бочонок из-под пива, залез в него с головой, так, чтобы дождем не мочило, да так глубоко втиснулся, что из бочки торчала одна лишь его лысая макушка, и на всю оставшуюся жизнь погрузился в свои, один бог знает, какие мысли. Они нигде не опубликованы! И был он ученый или просто прохиндей — никто не знает! Известно одно — он был большой хитрец, этот старикашка! Он все отлично продумал. И отнюдь не зеленые стрекуны кузнечики и саранча, которыми он питался, запивая эту гадость собственной мочой, создали ему мировую известность. Хитрец! Еще какой хитрец! Хотел бы я знать, слышал бы о нем на Земле хоть один человек сегодня, если бы поселился он не в этой грязной вонючей бочке, а в обычной городской трехкомнатной квартире? Очень сомнительно! Ну очень!

Геракл... Ну этот, честно говоря, мне всегда не очень нравился. Подозрительно бескорыстная была личность... во всем, ну буквально во всем искал только хорошее. Только бы угодить богам и людишкам! Лично мне всегда это качество в человеке казалось подозрительным!

— Ты что, старикан, Геракл — это великий герой! Великий!

— Не исключено! Герой! Великий! Но, увы, не моего романа! Тонна мышц на фунт мозгов!

— А Тесей? Этот тоже был не слабее Геракла?

— Заткнись! Заткнись, слабоумный!

Сизиф побагровел. Солдату показалось, что его сейчас хватит удар и кровь из разорванных сосудов головы брызнет фонтаном.

— Заткни свой мерзкий хлебальник! Дерьмо! И никогда, слышишь, недоносок! Никогда не произноси при мне этого ненавистного имени! Это он! Именно он, ублюдок, убил меня!

Горькие слезы ручьем полились из глаз старца. Он размазывал их грязными руками по не менее грязному лицу и не мог остановить громкие судорожные рыдания. Солдат было попытался его успокоить, но все усилия оказались безуспешными. Старика трясло, как в лихорадке.

— Прости меня, Великий Царь... я не хотел... я просто не знал... про это...

Сизиф понемногу пришел в себя и продолжил:

— Да что там... Увы, но приговоры судьбы обжалованию не подлежат. Они, как почтовый штемпель, ставят точку на продвижении твоей дальнейшей судьбы... Так вот, правил я долго и мудро, и если тебе будут говорить, что Сизиф, мол, разбойник с большой дороги, морской пират и просто мерзкий беспринципный убийца — верь этому! Ибо это истинная правда! Участь честных вождей народа невероятно сложна. Ты управляешь огромным стадом, которое ловит каждое твое слово и пытается во всем подражать тебе. И получается, что ты тоже как бы один из них. Согласись, в стаде свиней невозможно оставаться человеком, если ты из их числа.

Я сотнями сажал неугодных мне людей в тюрьмы и десятками тысяч гнал их умирать за мои прихоти на никому не нужных войнах.

Я не буду скрывать от тебя, что тысячами сбрасывал неугодных мне людей с высокой скалы в глубокую пропасть. В пыточных камерах я наслаждался их дикими воплями.

Я сам изобретал самые изуверские пытки и лично пробовал их на неудобных. Навуходоносор или Тиглатпаласар, уже и не помню точно, кто из этих царей сажал десятки тысяч людей на витые колы и при этом еще выкалывал им глаза, — дети в сравнении со мной! Поверь мне, все эти многотысячные убийства — недостойные для настоящих борцов мирового класса за вечную славу занятия. Это просто несерьезно. Я уверен, что в будущем найдутся правители, которые с развитием техники массовых убийств будут уничтожать миллионы и миллионы своих собственных сограждан и сотнями тысяч сжигать их в огромных адских печах! Вот эти-то и будут настоящими вождями!!! Настоящими!!!

Сизиф распалился. Лицо его пылало багровым румянцем. Глаза от сумасшедшего напряжения вылезли из орбит. Рот перекосила дикая, мерзкая, яростная улыбка дьявола. И солдату уже во второй раз начало казаться, что старик сейчас взорвется и обгадит разбросанными тухлыми внутренностями все вокруг. На всякий случай он в испуге сделал несколько шагов назад и спрятался за чахлый ствол дерева. Он отчетливо представил себе эти горы трупов с выколотыми глазами и перебитыми конечностями. Явственно почувствовал запах сладковатого, удушливого дыма горящей человеческой плоти в огромных печах, и у него началась страшная рвота. Он уже больше не мог слышать истерические вопли этого безумного старика. Ему захотелось вынуть из ножен свой короткий боевой меч и колотить, колотить это чудовище в образе человека! Изрубить его на куски и бросить их на съедение шакалам и грифам. Но он понимал, что человека дважды убить нельзя.

Сизиф в изнеможении сел, опершись о камень. Обтер белую пузырчатую липкую слюну с перекошенного рта подолом своего грязного рубища. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и совершенно спокойным тоном закончил начатый монолог:

— И все это я делал только для того, чтобы поддерживать свой авторитет честного заботливого вождя — борца за спокойную и сытую жизнь своего стада.

— Что ты сейчас говорил, Великий! Меня просто мороз продирает по коже от твоих ужасных слов! Внутренно-

сти подперли горло! И я едва сдерживаюсь, чтобы удержать подступившую рвоту! Разве простой человек может слушать о таких изуверствах?!

Сизиф выпил глоток воды из фляги солдата и спокойно произнес:

— Это естественно, служивый. В тебе попросту нет царской закалки организма, а твой дебил ротный выбил из вас все остатки воображения. Ты просто обычный, рядовой хряк из моего бывшего стада, и получить от тебя больше, чем можно требовать от здорового пороса, я и не надеялся.

— Я, конечно, не из царского рода, но и не свинья... — с обидой произнес солдат.

— Ну хорошо, будь по-твоему. Ты не кабан — ты самый обычный стриженный баран. Облик этого рогатого животного тебя больше устраивает?

— Ты можешь обзывать меня кем хочешь, хоть собакой, хоть конем, но я-то был человеком на том свете! Человеком! Ты понял?!

— Какой же ты глупышка, служивый. Когда хряк один — он и есть просто хряк. Один баран — это просто баран. То же самое будет верным и для лошади, и для всех остальных представителей животного мира. Да и для мира насекомых также. Человека это касается в той же мере. Однако когда представителей каждой особи становится слишком много, они превращаются в стадо, стаю или толпу, и тут в силу вступает совершенно другой, в равной мере обязательный для всех и всех их объединяющий закон критической массы! Теперь из их среды зубами и локтями выбивается наверх лидер, и они совершенно добровольно становятся заложниками идей и желаний этого вождя и отныне какое-то время будут без оглядки следовать за ним! Слушать только его приказы! Будут орать его лозунги! Крошить все вокруг! Ложиться под стрелы, копыя, ядра! Рвать, кусать, распинать, варить в масле тех, кто не кричит эти лозунги так же громко и часто, как им бы хотелось это слышать! Вешать и сажать на кол тех, кто не во всем согласен с идеологией этого вождя! То есть делать то, что до удара в грудь вражеским копьём делал ты — верноподданный кабан из стада твоего вождя! Понял?!

— Головой-то я понимаю, но вот умом... — уныло произнес солдат.

— И заметь, служивый, я всегда говорил обо всем, что творил, громко и откровенно, а все потому, что не боялся говорить правды. Она ведь, голубка, рано или поздно все равно всплывает на волнах истории, но только уже в качестве утопленницы, и в её размытых волнами времени чертах нашим потомкам будет очень, очень сложно что-либо разобрать. Да и историю своих вождей пишут их верноподданные, и в ней они фиксируют только ту правду, которая именно сегодня нужна их правителям. Теперь ты, надеюсь, понимаешь, насколько точна и правдива вся существующая мировая история человечества. Так что не мучай свои редкие извилины понапрасну. Твоя реакция на мои воспоминания вполне естественна для обычного одиночного смертного. Как там вас учил ваш незабвенный всадник без головы: чем меньше в башке этого серого вещества — тем больше простор для мыслей! И был он, бедняга, тысячу раз прав!

— Но те изуверства, о которых ты говорил, могут позволить себе разве только что великие боги?

— Рассуждаешь правильно. Но бич божий всегда находится в человеческой руке. Конечно, иной раз я чувствовал себя скверно. Скажу больше, временами бывал себе просто противен. Я казался себе со стороны омерзительным сластолюбцем и тираном. Иногда такие эпитеты, как убийца, подонок, изверг — даже долетали до моего слуха и бредили сознание. Как-то я вспомнил про это во время обеда и почему-то вдруг так расстроился, что даже не смог доесть десерт. Я выплеснул из кубка недопитые остатки прекрасного терпкого вина на пол и зачем-то дал золотую сестерцию слуге.

Правда, на следующий день я отобрал её у него обратно, приказал дать парню сто плетей и отрубить голову за жадность. Особенно часто расстройство приходило ко мне по ночам. Но выйдешь, бывало, на свежий ароматный, пронизанный флюидами цветочного нектара ночной воздух из душной, пропахшей потом, кровью, мочой и прочими экскрементами камеры пыток, омоешь потное лицо и вонючие, обогранные чужой кровью руки свежевывавшей хрустальной

росой, отхлебнешь из золотого кубка, поданного тебе обнаженной красавицей рабыней, прохладного игристого молодого белого вина, и становится как-то легче и спокойнее на душе. И уже не хочется снова возвращаться в этот подвал смерти, чтобы опять поднимать на дыбу и ремнями снимать плетью кожу с человека, который ни в чем не виновен. Требовать от него признания того, о чем он понятия не имеет, и после полного, навязанного ему палачом признания изуверски убивать его. И часто бывало так: стою я у зеркала бассейна с голубой, чистой, как слеза ребенка, благоухающей сладкими настоями целебных трав водой, поглаживаю себя по крепкому загорелому телу и думаю: ничто все же не примиряет так человека со своими недостатками, как преданная, неумная, не утихающая ни на мгновение, огромная и всепоглощающая любовь! Да, да! Дружок! Именно любовь! Она! Невероятная любовь к самому себе — гениальному и неповторимому!

Извини старика, отвлекся... Итак, для обретения вечной славы мне нужен был образец настоящего героя. И я нашел его.

— И кто же он? — живо заинтересовался солдат.

— Прометей.

— А это кто?

— Да... Ты просто замечательно серая личность! И помимо, этот цвет тебе даже к лицу. Это был великий герой! Он украл у богов огонь и отдал его людям. За это Великий Зевс придумал для него потрясающую по болевому ощущением пытку. Одну из самых замечательных среди тех, которые я знал в том мире.

Даже я, а можешь мне поверить, что на том свете таких крупных и равных мне по изобретательности специалистов по искусству причинять боль людям можно пересчитать по пальцам одной руки. Даже такие великие садисты, как Нерон и Калигула, не годились мне в подметки.

Не могу тебе сказать, что я во всем согласен с моим героем. Да одно то, что он совершил крупную по своей значимости кражу у самих богов, не может не вызвать у меня уважения к его личности, а главное — к поступку. Обрати внимание на ближайшее окружение любого из царей всех

времен и народов. Практически все они крупнокалиберные воры, живущие по ими же установленным незаконным законам, покрываемые такими же, как и они, безнравственными трусливыми судьями и прокурорами. Забота об управляемом ими народом беспокоит их менее всего. Они озабочены только сохранением своего теплого места под солнцем и приумножением своих баснословных богатств, украденных у народа и бережно и умело возвращаемых под этим же солнцем. И главный гарант их неприкасаемости — правитель страны!

Возвращаюсь к Прометею. Откровенно говоря, мне до сих пор не совсем ясно и понятно, зачем, совершив такой опасный подвиг, он потом просто отдал этот огонь людишкам! Отдал безвозмездно! Как материальную помощь! То есть даром! И во имя чего? Во имя всеобъемлющей любви к человекам? К этой нищей массе безгласных баранов? Не может этого быть! Не может! Вот ты, чучело, проткнутое копьем, что-нибудь понимаешь? Ты в силах объяснить мне, когда-то мудрейшему из земных царей, может ли человек, в руках которого такая драгоценность, отдать её неизвестно кому бесплатно?!

— А почему нет? Может.

Солдат искренне не понимал, в чем же заключается парадокс поступка Прометея. В чем же этот бесноватый старикан обвиняет такого героя? У него даже заболела голова от несвойственного напряжения малоразвитого мозга. Если бы на привале к его костру подошел солдат из соседней роты и попросил горящую головешку, чтобы разжечь свой, он разве отказал бы ему? Или, скажем, дать соседу прикурить от своей самокрутки? Нет, конечно, он был не самым бескорыстным человеком на свете, и в роте его даже в глаза называли жмотом, но за такую пустяковину он платы не просил.

— Может, может! — повторил он свой ответ. — Огонь, он что? Он и есть огонь. Это же не золотая монета.

И тут Сизифа словно какая-то муха укусила. Он, источая дикие вопли, начал кататься по земле. На губах вновь, как и в случае с Зевсом, выступила густая пена. Глаза закатились, а руки и ноги скрючились и начали дергаться, как у больного падучей болезнью.

— Не может! Не может! Не может! Слышишь ты, придурок! Из одной только любви к людишкам не может! Из одной только любви к этим ничтожным двуногим тварям?! Да никогда не поверю! Никогда! Никогда! Он просто хотел стать великим героем, и ему была нужна эта ничтожная дешёвая популярность у черни! Понял? Вот что ему было нужно для всемирной славы! Дегенерат!

— Да успокойся ты наконец, Великий! Да черт с ним, с этим Прометеем! Чего ты так завелся? Может — не может... Не все ли равно?... Плюнь на него и разотри. Я вот тоже однажды украл огниво у старухи, которая пустила меня в дом на ночлег. Вот! Украл, значит, я огниво у этой старой ведьмы и потом подарил его ротному своему. Просто так. Без ничего. Ни за что! Мол, бери от меня бесплатно на память! Я ему три раза это потом повторил, чтобы он не забыл, что это ему был мой даровой подарок! Понял? А ты говоришь — не может. Человек, он все может! Он на все способен!..

— ...А вот это-то как раз и настораживает... Человек действительно многое может, только не надо ему это многое позволять!.. Я вот часто думаю, если мы с тобой живем на том или, скажем, на этом свете для того, чтобы помогать другим, то для чего же тогда живут другие?..

Сизиф горестно вздохнул и успокоившись сел у камня. Солдат тоже прилег на скатку и приготовился слушать дальше.

— Расскажи еще какую-нибудь заковыристую байку. Мне нравится тебя слушать. Складно у тебя получается, все равно, как у моего ротного. Жаль, ему ядром башку оторвало... Я же, кажись, говорил уже тебе об этом?..

— Говорил, говорил. Всю башку мне задурил своим мурлом ротным. Так вот: Великий Зевс после кражи сильно невзлюбил Прометея. Надо тебе сказать, Великий почему-то недолюбливает воров. Такое бывает... И кару он ему, как я тебе уже говорил, придумал великолепную! Он цепями приковал бедолагу к скале и приставил к нему орла, которому велено было кормиться Прометеевой печенью.

— Так на сколько же этой здоровенной птице могло хватить этой печенки? — удивился солдат.

— Вот именно в этом-то, братец, и заключается гениальность пытки, придуманной Великим! За ночь печенка Прометея заново восстанавливалась! Вырастала до прежних размеров, и с раннего утра до позднего вечера начиналась и продолжалась эта замечательная пытка по новой! И так бесконечно! Ну, не гений наш первопрестольный Бог?

Гений! И покруче твоего Кулибина, Эйнштейна да Леонардо да Винчи! Я одно время, уже на этом свете, поил этого орла экологически чистой водой, и скажу тебе как на духу, я с большой грустью отпускал эту милую пташку на клев Прометеевой печенки. И когда птица в знак благодарности за водопой приносила мне к костру самые лакомые кусочки на шашлык, я отказывался!.. Иногда... Хотя, признаюсь, выглядела она очень аппетитно, да и пахла на костре обвожительно...

— И правильно делал, что отказывался, Великий! Ведь ты сам говорил, что Прометей твой любимый герой!

— Да что там говорить, в каждом из нас сидит рыцарь... но под какими доспехами... А одной любовью, даже к большим героям, сыт не будешь...

— Но ты продолжай, Великий, гляжу, я многому дельному у тебя научусь!

— Молодец! Ученье свет... да неученых тьма... Итак, я много лет правил Коринфом. Я хорошо разбирался в арифметике и вовремя понял, что умножение собственного состояния легче всего достичь делением чужого или просто его экспроприацией. Ну а если мне и случалось покритиковать кого-то из авторитетных богов или их любимчиков с Олимпа, как говорится, невзирая на лица, я, упаси господь, никогда не называл вслух конкретных высокостоящих или номенклатурных божественных имен! Я свято чтил основной закон природы — естественный отбор. Подбирал себе в команду только самых ничтожных, самых послушных, самых безгласных сотрудников, но зато жестко устранял из своего аппарата, из управления государством и выгодным бизнесом самых способных, самых независимо думающих, самых перспективных. Только тех, кто смог выжить и при этом не потерять собственных суждений в моей сугубо демократической стране в тяжелой борьбе за человеческое существо-

вание. Обычно я за что-нибудь, даже за неважно придуманную моими задолбами мелочь, сажал этих людей в очень далеко расположенную от столицы долговую яму, удалял от общества, не пускал к ним прессу, и они гнили там до своего смертного часа. Многих я просто выкидывал из избирательных списков. Я их просто грубо вычеркивал гусиным пером.

— В этом что-то есть... — пробормотал про себя солдат. — Эх, головой-то я вроде и понимаю, но....

— И стоя у руля единоличной власти, я никогда не выбирал ни для себя, ни для Коринфа проторенных дорог, хорошо понимая, что самые безопасные пути — это только те, которые никуда не ведут. У меня была прекрасная память на высокостоящие божественные лица, и я никогда не попадал впросак из-за собственного невежества. Свято исполнял все просьбы полезных мне Богов Олимпа, и они благоволили ко мне. Ты сейчас слушаешь меня, служивый, и наверняка думаешь про себя: человек имел все, ну, разве что кроме совести. Чего же ему еще на том свете не хватало? Верно же?

Отвечаю: вечной славы Прометея! Печенку при этом, что естественно, хотелось бы сохранить в целости — ну, скажем, для благодарного потомства.

Солдат задумчиво, как эхо в горах, продолжал вторить старику:

— Славы! Вечной славы!.. И что же ты для этого сотворил, Великий?

— Что я сделал, спрашиваешь?..

Сильнейший удар грома прервал его ответ, и на вершине горы появился сам Великий Бог Зевс! Он широко, по доброму улыбнулся и с наигранным игривым теплом в голосе спросил:

— Оторвал от приятной беседы, мальчики? О чем ты ему пел, Сизик? Поди как всегда — о несостоявшейся вечной славе? Угадал? Угадал. Да о чем ты еще можешь говорить с этим инвалидом мысли? О женщинах — вряд ли. Ты поди уже давно и забыл, как они выглядят и какие от них радости в жизни можно еще получить функционирующему мужчине, кроме вкусного, обильного обеда? Я не прав, мой друг?

— Ты как всегда прав, Великий!

— Вот именно, поэтому меня и величают — Великий! Запомни, дурачок, — вечно только человеческая глупость, все остальное преходяще! Ты наверняка знаешь, какой скромный образ жизни я веду. Как блюду в своей епархии нравственность. И тебе бы, дружок, в той жизни надо было брать пример со своего Бога. Сидел бы ты тогда сейчас в олимпийской куще, попивал сладкую мальвазию и слушал трели соловьев. Дни и ночи думаю: как вас, глупых, наставить на путь истинный, если даже величайший по своей скромности жизненный пример отца вашего — создателя этого прекрасного мира — вас не вдохновляет и не наставляет на путь праведный! А все просто-то как! Как просто! Соблюдай несколько этих немудреных заповедей и живи себе спокойно.

Не укради слишком много! Не прелюбодействуй слишком часто и не с той, с которой этого делать не стоит! Не пожелай не вовремя жены соседа! Не поминай всуе не по делу имя бога своего! Поменьше ври без нужды! Твори добро, даже если ты при этом получишь всего-то лишь одну каплю выгоды! Не доноси на друга без веской причины! Да вот, пожалуй, и почти все!

— Скажи, Великий, а что делать, если тебе в мирное время ни за понюх табака, просто за здорово живешь, крепко врежут по правой скуле? — спросил солдат.

— Дать ему так же крепко в морду, по правой!

— Ага, надо записать.

Солдат вынул тетрадку и начал аккуратно заносить в неё мудрые советы Зевса.

— Фиксируешь, стукач! А дальше-то куда относить эти вещдоки будешь?

— Это я для потомков, Великий, да и чтобы ненароком самому не забыть! Мало ли что... А тут заглянул в тетрадочку — и порядок.

— Погляди на умницу, Сизик! У него в мошонках одна плесень от тухлых яиц осталась, а он еще мечтает потомков развести, чтобы мою мудрость им передать! Спасибо тебе за честь, служивый. Твоим делом я займусь лично и в самую первую очередь! Ибо такие ценные индивидуумы мне в моем до предела распущенном аппарате позарез нужны! А ты, сол-

датик, набросай-ка мне свою краткую биографию для первого отдела.

— Скажи, Великий, а это правда, что люди произошли от обезьян?

— Говорят. Ну, уж так-то глубоко ты свою родословную не копай, история твоих не столь близких родственников, говоря по правде, меня не слишком интересует. Так, коротенько о главном: родился от человека, научился убивать других человек, и самому в бою башку ядром оторвало.

— Нет, Великий! Меня же копьём в грудь. Это моему ротному ядром... Я же говорил тебе...

— Ах да! Извини, запомятовал. Видать, пора и мне тоже заводить тетрадочку... Или брать тебя в личные биографы.

— Такие молодцы-биографы горами мешков с доносами на меня всю твою приемную завалили, Великий, — мрачно пробурчал Сизиф.

— Не доносы, Сизик, а сигналы. Это, дорогой, ценнейшая информация для верховной власти, а главное — для руководства народом. На эту тему ты-то уж лучше бы промолчал, экс-царь Коринфа.

— Разве я могу с тобой не согласиться, Великий! Я смотрю сейчас на нашу дружную троицу и вспоминаю хороший анекдот. Сели на спину слона два комара, и один говорит: «Нам бы только его завалить, а там уже мы его ногами запинаем!»

Солдат снова достал тетрадку и старательно записал байку. Зевс одобрительно поглядел на него и заметил:

— Правильно решил. Это мы подошьём к твоему делу, Сизик.

— А как же ты, Великий, догадался о теме нашего разговора со служивым?

— Легко. Если ты Бог, то это примитивно просто. Если же нет — дело сложное. В будущем люди с этой целью изобретут микрофоны в стенках и под столами. Ну, к делу — как тебе на этот раз катилось, Сизиф?

— Как по маслу, Великий!

— Вот и прекрасно. Я всегда считал, что это очень полезное физическое упражнение. Это я мучаюсь гиподинамией, и все исключительно от собственной лени и безобраз-

ной занятости. Скоро мышцы атрофируются напрочь, и меня будут таскать на носилках, как тебя волокли, солдатик, с поля боя!

— Нет, нет, Великий, сюда-то к тебе я сам притопал. Это ротного пришлось нести до самого Харона. Если ты помнишь, ему ядром башку оторвало, так он теперь ничего видеть не может. Глаз-то нет, когда без башки-то... Скажи, Великий, а тут-то ему башку приделают ангелы?

— Медицина у меня неплохая. Эскулапов хоть пруд пруди! Начиная с Авиценны и кончая доктором Бернардом, а главное — бесплатная. Так что если головку отыщут — присобачат обязательно и в лучшем виде.

— А если не найдут, Великий?

— А тогда мы из него мумию сообразим. Безголовую! Скажу тебе, Сизик, что ты благодаря этой утренней зарядке со своим великолепным спортивным снарядом отлично сохранился и находишься в прекрасной спортивной форме. Ты бы поглядел на себя со стороны. Для твоего вполне солидного возраста ты отлично сохранился. Если тебя еще и отмыть как следует, чтобы убрать эту мерзкую тысячелетнюю вонь, ты еще парнишка — ого-го! Мне кажется, что твое постоянное ежедневное упражнение с камешком значительно эффективнее, чем мой бег трусцой!

— Тогда я тебя не понимаю, Великий. Бросай к дяволу свой штурвал истории и берись за мой камушек. Уж кому-кому, а тебе-то, любимому, я отдам его даром. Хотя, поверь на слово, мне будет очень жалко с ним расставаться. Привык к нему за столетия. Погляди, как я до блеска отполировал его, родимого, своими ладонями! Но для тебя, Великолепный, ничего не жалко!

Зевс расхохотался, погладил камень ладонью, сдул с него пыль и, галантно поклонившись Сизифу ироническим театральным поклоном, проникновенно, но с издевкой ответил:

— Спасибо, добрейший, я обязательно подумаю над твоим предложением на досуге...

Затем, обратившись к солдату, он изобразил крайнюю озабоченность на лице и спросил с фальшивым удивлением:

— А ты, значит, все еще здесь, служивый? Неужели мои ленивые ангелочки до сих пор не подняли на мой рабочий

стол твоё столь важное для всего Олимпа дело? Я сегодня же надеру им задницы, отберу на месяц крылья, чтобы не летали в самоволку к монахиням, и дам сукиным детям по пять нарядов вне очереди! Пусть чистят Авгиевы конюшни с Гераклом!

Ну и дела творятся в моей богадельне! Не поверишь, Сизик. Но иной раз просто руки опускаются. Ведь ты только прикинь, какой воз я на себе тяну! Миллион сложнейших обязанностей!

Во-первых, я отец всех богов и людей!

Солдат открыл свой кондуит и с изумлением посмотрел на Зевса:

— Что, Великий — всех-всех до одного?!

— Естественно!

Зевс горделиво принял позу памятника и забронзовел в величавой неподвижности.

Обалдевший до полного охречения солдат, вытянувшись по стойке смирно и задрал голову, тихо пролепетал:

— И когда же ты успеваешь нас всех строгать, Великий! Это же, выходит, нет минуточки, чтобы встать с койки и справиться даже малую нужду?!

— Он родоначальник, дуболом. Это чисто условная должность. Твой род, как ты сам правильно изволил отметить, строгают ещё краснозадые мартышки.

— А-а! А я-то подумал, что это все он сам, как говорится, не покладая... и не вставая...

Зевс хмыкнул и продолжил перечень:

— Попутно я ещё и тученоситель, громовержец и подалец всех знамений.

Солдат, аккуратно фиксируя все его слова в тетрадке, попутно бормотал себе под нос:

— ...всех знамений... отец людей... Великий, нельзя попросить тебя говорить чуть помедленней, не успеваю записывать...

— Все это ты можешь просто запомнить, если с башкой у тебя все в порядке.

— У меня-то, Великий, с ней все в порядке. Ты забыл, это же у ротного...

Сизиф заорал, вскочив на ноги:

— Да заткнись ты со своим ротным, дебил! Еще раз вякнешь про его башку — оторву твою!

— Ишь ты, умник какой нашелся! Еще посмотрим, кто кому чего оторвет. Тоже мне, новый герой Тесей, с прометеевской печёнкой!

— Мальчики, мальчики, кончайте базар! Любить надо друг друга, а не грозить по пустякам. Вы же тут не одни. С вами ваш любимый Бог! Продолжаю: блюститель законов гостеприимства и покровитель просящих убежище.

— Вот уж это я точно должен записать. Не век же мне тут тухнуть под дождями!

Солдат начал судорожно писать в тетрадке.

— Я же просил тебя, служивый, не суетиться. Запоминай, бедолага. Запоминай! Освободитель от иноземного ига.

Солдат шепотом себе под нос:

— Ну это уже точно, как мой ротный... Один в один! Если найду его, обязательно расскажу..

— Я бог войны, хранитель домашнего очага и семейных уз.

Солдат прошептал с восхищением:

— Ничего себе нахватили должностей, Великий! Это же не то что за всеми уследить... Запомнить, кому, чего, куда, зачем и от кого... и то невозможно!

Зевс тяжело вздохнул, обмяк и горестно продолжил:

— Вот именно в этом-то, служивый, как раз и вся беда. За всеми, как ты правильно заметил, не уследишь. К тому же все сотрудники Олимпа — мои кровные родичи. Сваты, девери, зятя, невестки, братья и сестры, а поскольку супруга моя Гера одновременно является и моей родной сестрой, налицо стопроцентное кровосмешение. Тут, братец, во главе угла сплошная семейственность и круговая порука. Ну и, как ты сам понимаешь, в итоге — полная, стопроцентная деграция. Это, надеюсь, тебе понятно? А каково великому богу плодить дегенератов?

— А чего тут не понять, Великий, все как на ладони. Как говорил наш... э-э... как говорится, тут и к доктору не ходи... Когда брат на сестре, а отец на дочке... Куда уж дальше-то?.. Олигофрены, одно слово!

Сизиф присвистнул и повернулся к солдату:

— Ты откуда такое слово-то откопал? Поди тебя твой ротный так называл?

— Не-е... Наоборот совсем. Так наш командир колонны называл ротного.

— Хорошенькое воинство у вас там собралось! — заметил Зевс. — Командиры и солдатики один к одному подобрались, надо бы вас с моими олимпийскими дуроломами поближе свести для обмена опытом. Сдается мне, пора на Олимпе открывать объединенную психушку. Благо за тысячелетия профессуры по лечению шизоидов у меня поднакопилось в избытке. Правда, они почти все и сами — того же поля ягодки, но других-то нет!

А поскольку всех этих выроdkов и богами-то называть неловко, они у нас величаются полубогами! Полубог — это еще не совсем бог, но уже и не человек. Ну, и как я уже говорил, поскольку в моей конторе все разваливается ко всем чертям собачьим, мне, как ты, служивый, правильно заметил, за всем этим борделем в одиночку не уследить!

— Это верно, Великий! — тяжело вздохнул Сизиф. — Узы рвутся! Семейные очаги то и дело гаснут. Да и тучи в последнее время идут куда хотят! Демократия! Черт её побереи.

— Да, тяжело! — вздохнул Бог.

— Надо что-то делать, надо... Надо... Но что?

— Великий! Я давно понял, надо кончать с твоей диктатурой и переходить к якобы многопартийной системе. Эта фальшивая псевдодемократия создаст в мире людей видимость больших перемен и локальных реформ. А делов-то пустяк! Берется парочка своих свежеиспеченных богов, и у каждого организуется что-то вроде партии. То есть группы своих крикунов-прихлебателей! Хорошо организованная пропаганда готовит и проводит нужные тебе выборы. И ты снова волей большинства новый, свежеиспеченный, бесконечно любимый подавляющим числом народа — Бог-лидер! Но при этом у тебя в кармане находится якобы противоборствующая твоим реформам, но на самом-то деле своя же в доску вторая партия, не лидирующая в парламенте. Свой игрушечный парламент тоже надо будет быстренько организовать. Он будет якобы рожать придуманные тобой же законы. Канди-

дата от противоборствующей партии ты делаешь вторым лицом, но, естественно, без существенных полномочий! И впервые во всей Вселенной демократия торжествует на уровне богов! Ну и как тебе мой расклад?

— Молодец! Соображаешь ты, Сизик, как и положено высокопрофессиональному жулику, правильно! Неясно только, кого ты видишь кандидатом от оппозиции?

— Себя, Великий!

— Нет уж, братец, для этой роли ты слишком умен. Тут, того и гляди, ты так проведешь эту кампанию, что дураком окажусь я!

— Ты мне не доверяешь, Великий?

— Абсолютно!

— Ах, как ты меня обидел, мой любимый Бог! Ну хорошо, тогда в запасе у меня есть еще одна неплохая кандидатура. И тут уже абсолютный верняк! Беспроигрышная лотерея!

— И кто же это?

— Вот он, Великий, стоит перед тобой!

Зевс в полном недоумении поочередно перевел взгляд с Сизифа на солдата и в обратной последовательности:

— Кто? Этот недоношенный?! Эта жертва несостоявшегося аборта?!

— Вы угадали, Великий! Именно он! Но уж тут промашки у вас точно не будет!

Зевс помолчал, покрутил головой и начал медленно и негромко:

— Видишь ли, мой ненаглядный Сизик. Вот как раз именно в этом варианте и возможен прокол. Дело в том, что и полубоги, и народ прекрасно знают, каков ты подлец, вор, садист, мошенник и негодяй! А вот наш-то солдатик — для всего человечества — чистый лист бумаги. О нем никто никогда нигде не слышал никакого компромата. Ясное безоблачное, без единой морщинки и мысли лицо, мы его отдадим в руки хороших визажистов, прозрачные, не затуманенные ни единой стоящей идеей глаза, хорошая выправка, скромный военный прикид! И он, конечно, герой всей Земли и Олимпа! И уж такой лидер наверняка наведет порядок в загнивающей богадельне! Он для стада — свой в доску па-

рень! «Именно такой новый Бог нам и нужен!» — в один голос скажут наши дрессированные и послушные бараны избиратели. А Зевс, Великий Зевс — он слишком велик. До него простому избирателю не достучаться! Куда там! Да к тому же при нем опять все останется по-прежнему, по-старому. Как ты понимаешь, братец, репутация любого прежнего руководителя, каким бы великолепным он ни был, в глазах большей части населения планеты, а особенно это касается такой тонкой прослойки как интеллигенция — всегда слегка подмочена! Ну как, надеюсь, я тебя убедил?

— Пожалуй, Великий! По-жа-луй...

— Теперь при этом раскладе видимость демократии соблюдена по первому классу!

— Великий, но при таком раскладе твоя кандидатура может получить меньшинство голосов на выборах, и этот кретин в самом деле начнет управлять миром!

— Я просто не узнаю тебя, Сизик! Ты деградируешь прямо на глазах. А для чего же тогда существуют многочисленные храмы и жрецы? То есть все эти веками апробированные массовые средства божественной информации? За неделю до всеобщих всепланетных демократических выборов поднимется такая шумиха вокруг фантастически любимой народом личности единственного и неповторимого Бога Великого Зевса, что мир дрогнет! Выяснится, что всеобщее благосостояние мира в обозримом прошлом и необозримом — это заслуга его и только его, любимого, и, что самое главное, неповторимого! И последний алкаш, самый грязный бомж из подворотни, последняя беззубая и безмозглая старуха пенсионерка, не говоря уже о средней прослойке трудящегося люда, забудут о втором кандидате вмиг! И здесь, уверяю тебя, даже не понадобятся темные технологии избирательного мухляжа! Невероятной силы снова проснувшаяся любовь и преданность к прежнему, но вновь выбранному Богу придаст землянам новые духовные силы в их героическом труде во славу планеты! Ну, каково?

— Блистательно! У меня просто нет слов! Все же, как ни говори, а Великий Бог — он не даром и есть Великий!

Солдат, не принимавший участия в этом любопытнейшем диалоге двух титанов мысли, не мог понять двух ве-

щей: во-первых, почему это он недоносок и случайная жертва несостоявшегося аборта, и, во-вторых, почему он не мог бы хоть ненадолго, хоть на несколько часов занять место Великого? Ведь он же и вправду герой войны! Герой хотя бы уже только потому, что погиб он в жестоком честном бою! И проткнули в этой бессмысленной чехарде именно его сердце вражеской пикой! А ведь он мог бы умереть случайно и в мирное время! Скажем, от простого кирпича или здоровенной сосульки, свалившихся с крыши высокого дома на его голову. Или во время сильной грозы со страшным ветром на него могло упасть дерево с подгнившими корнями. Могли случайно ударить копытом и забить на смерть лошадь или мул, забодать строптивый бык, укусить бешеная собака или, наконец, ударить бутылью по голове свой же собрат — пьяный солдат или просто ревнивый сосед, застав со своей женой на сеновале!

Последнее обстоятельство почему-то особенно взволновало его, и он все же осмелился подать голос боязливо-невнятного протеста. Сизиф его выслушал и ответил простеньким, но подходящим по теме анекдотом, который мог бы несколько остудить вполне законно возникший солдатский пыл, если был бы понят его малоразвитым мозгом:

— У Ноя на ковчеге, чтобы не было разврата, зверям сделали временную кастрацию и выдали им квитанции на возврат столь ответственных органов. Заяц ходит веселый и потирает лапки. Волк спрашивает его грустно: «Чему радуешься, косой?» — «Только между нами! Стащил квитанцию у слона!» После причаливания к Арарату волк спрашивает: «Ну и как ты себя чувствуешь, косой, с этой новой здоровенной штуkenцией?» — «Отлично! Только вот на крутых поворотах сильно заносит!»

— Ну и что? — после длительного раздумья спросил солдат.

— Да ничего, просто и тебя занести может.

Зевс присел у костерка, прикурил от головешки толстую сигару и грустно продолжил свою не простую историю:

— Если честно, за последние тысячелетия я действительно сильно сдал. И иной раз уже и сам чувствую, что

нуждаюсь в замене. Ну, а если серьезно — на кого менять? Ведь моих выродков качает от слабости. И с чего им силы-то взять для столь изнурительной работы? Питаются-то они неважнецки.

— Богам на Олимпе нечего есть?! Нет пищи?! Да побойтесь Бога, Великий! Тогда у кого же она есть?! — Солдат с возмущением и растерянностью глядел на Зевса. В его глазах читалось такое изумление, что Великий рассмеялся.

— Сизик, объясни служивому, где олимпийская собака зарыта.

— Еды-то, служивый, там навалом: ешь — не хочу! У них просто времени на трапезу не хватает. С утра до вечера выясняют, кто ближе к Зевсу по родственным связям и кто из них главнее. Сутками, непрерывно, поедом едят друг друга, тем и сыты! Что там твои войны, солдатик! Ты бы поглядел, какие там идут над- и подковерные баталии, помер бы от страха!

Ведь каждый из них, наблюдая за стареющим отцом народов, видит себя его преемником. А наш гениальный Великий темнит и как по-настоящему выдающийся стратег то приближает к себе одного, и все шепчутся: «Будет он, абсолютно точно будет он!», то вдруг вообще перестает обращать на него внимание и быстренько всю благосклонность переключает на второго. В лагере первого наступает легкий шок, и вся его команда мгновенно становится преданнейшей свитой второго! Я прав, Великий?

— Абсолютно! Все дебаты по преемственности власти проходят именно по такой схеме. Вы не поверите, ребятки, но полубоги докатились до того, что даже на самого меня мне же самому пишут анонимки! А? Каково?! И знаешь, Сизик, невероятное число врагов у меня накопилось. Их стало значительно больше, чем друзей! Просто и не знаю, как быть.

— А ты поменяй их местами.

Солдат, пытаясь понять суть происходящего разговора, робко собрался было вставить и свое веское слово в беседу, но под угрожающим взглядом Сизифа осекся на полуслове и, как обычно это бывало, осторожно тихонечко пробормотал себе под нос:

— Умом-то я вроде что-то и понимаю... Но вот головой...

Затем достал свою тетрадку и записал в неё нечто поэтическое, понятное только ему одному.

Зевс протянул было руку к тетрадке, но солдат тут же сунул её в вещмешок, сделав вид, будто не заметил жеста Бога.

— Ну, конечно, братцы-кролики, я несколько сгустил краски, так для красного словца. И среди наших полубогов есть темные личности, и есть посветлей. И эта борьба света с тьмой создает на Олимпе эдакий интимный полумрак, что успокоительно действует на мои истрепанные громами и молниями нервы. Ну все это лирические отступления, а теперь давай-ка, Сизик, займемся твоими недомолвками. Выкладывай, сердечный, не стесняйся, здесь все свои, какие у тебя еще остались претензии к твоему любимому Богу? Руби папке Зевсу правду-матку начистоту и сплеча! Как говорится, руби с размаха, ничего не утаивая и не оставляя за пазухой! Демократия по-олимпийски — это в первую очередь полная, абсолютная, ни чем не регламентированная, бескомпромиссная, никем не ущемляемая, бескрайняя, как космос, свобода слова и выражений. При этом смело гляди мне прямо в глаза! Не отворачивая головы, не мигая и не подмигивая! Ибо так, и только так можно перекинуть мост доверия и взаимопонимания между правящими верхами и управляемыми низами!

Бог должен знать о своем народе все и даже больше! На то он и Бог! Ты согласен со мной?

— Целиком и полностью, Великий!

— Значит, договорились?

— Спасибо, Великий! Я уж постараюсь раскатать правду на всю катушку! Так что не обессудь.

— И правильно сделаешь. Критикуй своего любимого земного и небесного вождя так, как умеешь только ты! И вождь тебе будет за это благодарен! Хотя... я бы... на твоём месте был бы... все же... поаккуратнее... ну, скажем... хотя бы в выражениях... Осторожность, осторожность и еще раз осторожность! Вот что во все времена и при любых правителях является отличительной чертой думающей интелли-

генции... Мало ли что... может случиться... когданибудь... Времечко-то — оно ведь как бешеный конь: ни секунды не стоит на месте...

Сизиф откашлялся, сморкнулся на землю, вытер нос и руки о балахон и начал:

— Еще и еще прими мою нижайшую благодарность за доверие, отец отцов! Это высокая честь для ничтожного Сизифа. Я не буду обвинять тебя, Великий, в двуличии, это будет выглядеть не совсем этично, однако вспомни: ведь мы почти дружили с тобой когда-то! Не правда ли? Со временем я, правда, понял, что если друг разочаровался в тебе, значит, ты просто ему больше не нужен. Я знал, что явилось последней каплей, которая переполнила бокал терпения Олимпа, — мое идиотское, безнравственное по отношению к богам стремление к вечному бессмертию. Знаю, и потому не обижаюсь на тебя. Ведь это безобразие выглядит не иначе как прямое посягательство на одно из главных отличий богов от людей. Как беспрецедентное по наглости вторжение в святая святых божественной епархии! Да, да, и еще тысячу раз — да, я виноват! Однако согласись, что в своем служении тебе в качестве царя Коринфа я во всем неукоснительно следовал твоим заветам и рекомендуемым тобой правилам, и согласись, что с годами научился править страной почти чисто. Вспомни, был хотя бы один случай, когда я подставляя ножку ближнему, предвзвительно не выкопав бы для него глубокой ямы с установленными на её дне острыми кольями, смазанными ядом кобры?! Я всегда накануне лично проверял эту важную комплектацию такой процедуры. Правда, прости! Виноват! Вспоминаю, что однажды я поторопился и уже не помню, почему, отступил от этого замечательного правила. Да! Да! Отступил! Причем помню — совесть мне шепотком подсказывала: «Сизиф, не спеши! Сизиф, не спеши! Великий тебе этого не простит!» Но ведь она же только тихонечко подсказывала, стерва, а ведь могла бы прямо и громко об этом мне сказать! Просто закричать в голос!!! Да что там ворошить прошлое...

Солдат обалдело слушал исповедь старика, и в голове его все переворачивалось вверх дном. Он никак не мог со-

образить, зачем и за какие грехи надо сажать любимых тебе людей в ямы на ядовитые колья и почему эти ужасы являются заветами добрых и справедливых заступников человечества, богов?

Он уже даже не бормотал свою любимую присказку про ум и голову, и временами ему казалось, что у кого-то из них троих попросту поехала крыша! Ему безумно хотелось высказать свое недоуменное мнение, но он до дрожи в коленях боялся гнева Зевса. Великий заметил его волнение и, кивнув Сизифу на солдата, подмигнул и бросил:

— Мальчик... А? Пацан еще!.. Его от твоих излишней мутит... Ну, ничего, со временем пообвыкнет... А ты, коллега, продолжай исповедь!

— Я, как и весь прогрессивный мир животных и людей, в свое время оказывал тебе, Великий, приятные мелкие услуги, и отдаю должное, ты рассчитывался за них со мной по-божески щедро. То есть без крайней нужды оставлял меня в покое. Я почти уверен, что где-то, в глубине души своей, ты и сейчас не осуждаешь меня за вольные методы управления Коринфом. Как я уже говорил, ты, старый опытный правитель, прекрасно понимаешь, что невозможно не стать свиньей, когда все стадо считает тебя своим. Да, да! Я готов повторять эту фразу бесконечно! Ибо это основной закон управления стадом! И мой вполне заслуженный перевод в мир иной ты обставил в лучших традициях честного, справедливого и либерального руководителя. За что я тебе бесконечно благодарен! Ты прислал за мной золотую карету бога Солнца, выпил со мной на брудершафт и после смачного мужского поцелуя в губы не сплюнул и не обтер салфеткой рот. Со стороны это выглядело красиво! И только после этого отправил прямиком в пыточную камеру, Тесею на растерзание! Мне замолчать, Великий?

Солдат восхищенно хмыкнул и выдохнул:

— Красиво! Очень даже красиво! Меня ротный тоже однажды поцеловал всасос, но, правда, он в тот раз был с очень большого бодуна... А потом со всей силы врезал мне грязным сапогом по заднице, да так, что у меня чуть было башка с плеч не отлетела, как потом у него от ядра. Я про башку-то уже, наверное, говорил вам...

Зевс сладко зевнул и бросил Сизифу:

— Продолжай. Интересно, что там было дальше? Но сперва заткни глотку этому олигофрену.

— А дальше, Великий, этот Бог войны, грубый солдатфон, сделал все точно по нашей с тобой инструкции. Мне переломали кости в тисках, дали отдохнуть в висе на дыбе с руками за спиной и зажали до поросячьего визга гениталии в тисках! И только тогда я понял, как это больно! Какие еще существуют нераскрытые возможности человеческого голоса. И как могут быть эффективны эти камерные упражнения с физическим телом в деле правильного ведения гуманного следствия. Я бы очень советовал тебе, Великий, исключительно в целях больших познаний в науке о дознании хоть чуть-чуть, всего-то один-единственный разок испытать лично на себе эту великолепную методику! Вы откроете для себя в этих с первого взгляда нехитрых процедурах массу интересного и поучительного.

— Спасибо за замечательный совет, Сизик. Считаю, что я принял его. Но мы с тобой сделаем некоторую корректировку в его исполнении. Поскольку ты уже однажды проштудировал эту, как ты правильно сказал, нехитрую процедуру, я не сомневаюсь, что тебе ничего не стоит еще разок пройти её, но уже в моем присутствии. Я с удовольствием прослежу весь процесс, и далее сделаю окончательный вывод в его действенности! Надеюсь, ты не будешь против и доставишь несколько приятных часов этой занятой игры с палачом своему любимому пожилому Богу?

Сизифу стало плохо. Он закатил глаза, тихо охнул и, схватившись за сердце, рухнул на колени перед Зевсом. Язык не слушался его, и лишь нечленораздельное мычание, отдаленно напоминающее крик старого осла, урывками вылетало из его перекошенного ужасом рта.

Зевс дал ему отдышаться и улыбнувшись обратился к солдату:

— Посмотри на этого пустомелю и пройдоху, славившийся. Ты обратил внимание на то, как он стойко, можно сказать, героически принял мое предложение? Он даже не обмочил свой нарядный хитон. Судя по его внешнему виду, он принял мою невинную шутку за правду. Принял и не

откинул свои грязные ступни. Он еще дышит и пытается издавать какие-то странные звуки. О чем это говорит, служивый? А говорит это о том, что мне пора заканчивать этот, может быть, слегка затянувшийся, но очень полезный для вас обоих сегодняшний визит. А легкая, незамысловатая последняя шутка поставила на нем очень славенькую точку.

Сизиф глубоко вздохнул. Дополз до Зевса и, облобызав стопы его ног, распростерся на земле:

— Спасибо, Великий, за юмореску. Так сильно я никогда еще не смеялся! Аж дух захватило! А я ведь поначалу думал, что ты собираешься сдать меня в КПЗ! Работу этих профессионалов с моим сегодняшним здоровьем я, Великий, уж точно бы не перенес!

Солдат, внимательно наблюдавшей за последней сценой, достал тетрадь и обратился к Зевсу:

— Великий, не подскажите ли, что такое это КПЗ?

— Это аббревиатура замечательной организации, служивый. Добровольное общество в царстве теней. Полное название её: «Клуб заплаканных палачей». Я иногда встречаюсь с ними. Наши глубоко познавательные беседы очень расширяют мой кругозор. Бывшие каты объединились в свой профсоюз. Воспоминания о самых жестоких и красиво проведенных казнях. Повышение квалификации, обмен опытом с молодежью, игра в бильярд черепами — все это скрашивает их заслуженный отдых в старости.

Солдат задумчиво что-то вспоминал. Затем открыл тетрадь и радостно воскликнул:

— Вот, вот! Я как раз недавно прочел объявление на столбе: «Одинокий палач снимет голову»...

Сизиф кивнул:

— Да, да. Это написал какой-то безработный из КПЗ. Я вспоминаю, Великий, твою замечательную фразу, которую ты произнес после того, как Арес отдал меня в руки Тесея. Ты помнишь её?

— Я за свою жизнь сказал такое количество прекрасных фраз, что, поверь мне на слово, запомнить даже лучшие из них невозможно! Так что ты сейчас можешь напомнить её мне.

— Вы с Аресом обмыли мое новое место обитания и после нежных слов обоюдной любви друг к другу ты, Великий, взглянул на кипы доносов, закрывающих огромную стену дворца, и, тяжело вздохнув, произнес: «И всю эту библиотеку мне надо прочесть до пенсии, ибо сегодня, когда человечество накопило такое гигантское количество знаний о друг друге, стыдно умирать невеждой!» Ты вспомнил её, Великий?

Зевс мечтательно вздохнул, поднял глаза к небу и заключил визит фразой:

— Да, симпатичные истории ты поведал нам со служивым, Сизик. И рассказывал их живо и интересно. Ты просто прекрасный мастер короткого рассказа! Прекрасный! Когда закончится срок твоего наказания, а я надеюсь, что когда-нибудь это обязательно произойдет, я, пожалуй, дам тебе на Олимпе должность штатного рассказчика. А пока — до скорого свидания, мальчики!

Зевс с силой толкнул камень ногой, и он со страшным грохотом снова покатился вниз. Сизиф безумными от ужаса глазами проводил его взглядом и в изнеможении сел на землю:

— За что на этот раз, Великий?!..

Зевс достал сигару:

— Я выполнил то обещание, о котором ты так ввремя сейчас вспомнил, я взял отпуск за свой счет и прочел эту гору доносов твоих доброжелателей.

— И что? Там было что-то, сильно компрометирующее меня?

Зевс зевнул и почесал затылок:

— Ну, не так уж чтобы очень... Так... всякая мелкая дребедень, как обычно... беззубые, бездоказательные наговоры, местами красивая, профессионально состряпанная, чаще безграмотная и глупая ложь...

— Так почему же?! Почему ты ей поверил, Великий?!

Зевс пожал плечами и, задумчиво пустив несколько толстых больших колец табачного дыма в небеса, ответил:

— Ты спрашиваешь — почему? Да хотя бы потому, братец, что лжи этой накопилось так много, что она уже была достойна стать правдой! А ты, служивый, надейся и жди сво-

его часа! В этом царстве нет конца срока времени! До скорой встречи, мальчики...

Страшный грохот покрыл его последние слова, и Бог, как и положено каждому богу во все времена, вознесся в небо. Грохот утих. Оба поднялись с земли и начали отряхивать пыль. Солдат поглядел на тучи, потом вниз на столб пыли, поднятый камнем, и сказал:

— Каждый раз пугаюсь. Уж больно он велик, Великий!

— Заткнись, чучело на копьё! Что ты понимаешь в богах? Он обыкновенный фигляр и позер! Да пошел он к дьяволу!.. — Сизиф погрозил кулаком в небо.

— Ладно, я пошел. Может опять дожدهшься — поговорим.

Солдат свернул самокрутку и высек искру кресалом: — В этот раз, наверное, не дождусь. Великий сейчас обещал твердо.

— Ну тогда-то что? Обещания Великих во все времена были тверды, как гранит, а главное — нерушимы.

Неожиданно из оседающего клуба пыли появился небольшого росточка, весь перемазанный сажей человек в изорванной прожженной одежонке, с дымящимися штанами на заднице.

— Мужики, гвардейцы, рыцари, гладиаторы, не знаю, как там вас величают, водичка мокрая есть?

Сизиф молча поднял с земли камень и замахнулся на незваного пришельца.

— Эй, ты, старая жаба, вонючий скунс! Брось камень, сучка невязанная! Я сейчас тебе таких пенделей навешаю, забудешь, как звать тебя! А ты, генерал, что смотришь? В твоей когорте черт знает что творится, мертвого человека хотят покалечить, а ты зенки вылупил, стоишь, как чучело на огороде! Прикажи этой образине положить камень, а то и тебе тоже перепадет по заднице! Петух опущенный!

Сизиф и солдат обалдело поглядели друг на друга и перевели изумленные взгляды на это чудо жареное.

— Брось камень, гнида! Ты чо, на старости лет совсем оглох, что ли, обезьяна долбаная, или мозги засохли?! Я сейчас их вмиг тебе освежу, таракан запечный!

Человечек достал из кармана прожженных штанов небольшой ножичек и угрожающе пошел на Сизифа.

Старик бросил на землю камень и спрятался за солдата.

— То-то, макака краснозадая! Начал соображать помаленечку! Это хорошо. Чудик не любит глупых шуток! Чудик — это моя кликуха! Усвоили, бойцы проигранного фронта! Тогда скорее тащите водичку, и будем знакомиться.

Солдат нехотя вытащил заветную фляжку и передал её Чудику, тот буквально выхватил ее из рук хозяина, встал на четвереньки и тонкой струйкой начал поливать свой дымящийся зад. Водичка мгновенно закипела, пуская в небо белоснежные облачка шипящего пара.

— Уф! Мужики... Кайф!.. Нет, гадом буду, если я не прирежу этого дежурного кочегара сучару-черта! Ну такая тварь! Такая редкая сука! Все черти как черти, а этот недоносок, эта жертва аборта с помойки, ну хуже человека. Но в этот раз он меня, падла, достал до печенки!

Чудик блаженно растянулся на траве и продолжил:

— Другому черту расскажешь парочку похабных анекдотов, и порядок. Хвост между ног просунет и визжит себе часок-другой в уголке, дрыгая копытами. Надо сказать, что с юмором у них полный порядок! Полный! Ну, и пока он там слюнями и соплями брызжет, я скоренько со сковородочки прыг и, глядишь, парочку березовых полenceв вытащил и под другую сковородку с евреями или цыганами незаметненько подбросил. Этим горемычным во все века еще и при жизни во всех поколениях все кому не лень жару поддавали, так что им эти дополнительные калории под сковородой — ерунда. А мне все же, как ни говори, задницу не так сильно печет.

А у этой падлы, парнокопытного сучары, чувства юмора ну ни на грош. То ли его вши да блохи до полусмерти закусали, и тут уж не до смеха, то ли он с мамино пуза прямо об цементный пол головкой вперед выпал. Они ведь, черти, ногами вперед сразу же рождаются. Я уж ему и про то, и про это, про лесбиянок и про гомиков — ни фига!.. Знай себе сует под сковородочку полешки русской березки да для большего жару подбрасывает лопатой кузбасский уголек! Ну

вот скажи мне, маршал, какая нормальная задница может такую температуру выдержать? Не иначе перед дьяволом выслужиться хочет, смердяга рогатая! Вонючка, скажу тебе, от него такая прет, что куда там тебе стадо козлов! Вообще, скотина двуногая, не моется! Тварь потусторонняя! В антисанитарных условиях живет пресмыкающееся!

Сизиф на всякий случай отошел подальше от незваного гостя и встал от него с подветренной стороны.

— Вот, вот, это ты, старое дерьмо, правильно сделал! Мой собачий нос уже усек твой неотразимый, веками сохраненный этим фракотом от Версаче аромат. Ты, случаем, не родной ли братан моего хвостатого сучары? Уж больно амбре у вас по химическому анализу сходное.

Сизиф хотел было что-то сказать в ответ, но Чудик не дал ему и приоткрыть рта:

— Твой поток грязи из нечищенной пасти мы с полковником послушаем позже, а пока отойди еще метров на пять подальше и не мешай мне общаться с майором! По-нял?!

И Чудик еще раз вытащил свой ножик.

— Скажу тебе как на духу, ефрейтор, я и сам уже годов двадцать пять без мочалки, шампуня и без «Пантина Про» обхожусь. Дело в том, что в моем отделении ада с экологически чистой, дистиллированной водой последние десять тысяч лет существуют определенные сложности... Но эта волосатая образина, мой кочегар вообще не знает, что это такое — полоскать свои шарики в мохнатом мешочке в жидкости! Я тут ему как-то посоветовал, причем от чистого сердца: мол, прыгни в котел с кипятком к жертвам от коррупции. У них там места немного, так что им, хочешь не хочешь, а придется тереться об тебя! Глядишь, и почище станешь! Чертовки тебя больше любить будут. Ну он и прыгнул... И тут такое началось! Мамаля родная!.. Оказывается, в том котелке не водичка, а свиное дерьмо горячее налито. А эти взяточники стоят в нем на цыпочках, и уровень верхний им по нижнюю губу... Ну и, как волна от его прыжка в котле пошла, они хлебать этот нектар начали. Ну а дальше сам понимаешь, какой шухер там начался... В общем, этот зверюга мне до сих пор эту баньку забыть не может!

Солдат, к которому Чудик обращался со столь высокими и разнообразными воинскими званиями, смущенно засопел носом и робко спросил пришельца, откуда тому стало известно, что он военный человек?

— От верблюда, генералиссимус, у тебя еще осталась выправка солдата, котелок рядом со скаткой, да и меч на боку болтается. Так что не догадаться, что ты есть из себя, было бы тяжело и менее догадливому вору, чем твой покорный Чудик. Так вот про моего сучару дальше: через пару лет, когда эта история вроде бы позабылась, я ему так, чисто по-человечески, еще один способ физиологического очищения предложил. Начальник, так интеллигентно и ласково ему говорю, давай, любезный друг, я тебе на твои очаровательные грязненькие копытца из соседнего люксового вип-котла с олигархами из ковшика солью. Они на тело-то ребятки чистенькие. В свое время, когда в паханах ходили, в русских да финских баньках с клевыми марухами в бассейнах с хлоркой кожу на века вперед дочиста отмыли! Это внутри у них душонки грязноватые. Мразь и сплошь чернуха. Они же в большинстве своем — и олигархи, и большие уважаемые бизнесмены — из воров и бандюганов-беспредельщиков вышли. Наши были пацаны. Мокрушники из них, почитай, каждый пятый, если не второй!.. Но души — они в воде не отмываются, потому как материя ихняя не материальная, а духовная. Вроде как, скажем, у дирижабля. Ведь как вознесение к богу в кущи происходит: чист душой — значит, она легче воздуха, и ты взлетаешь! А уж если грязи с котел в душу набрал, тут уж, гражданин, извини-подвинься, тут никакой подъемной силы у души не хватит. Тут дорога прямая вниз! Тут либо котел, либо сковорода. Других вариантов не бывает! Кстати, что-то здешняя местность мне не шибко нравится... Пыль да камни, природы никакой! Я, честно говоря, божий рай себе несколько по-другому представлял! До ближайшей кущи далеко?

— Далеко! Эти только на Олимпе у Великого Зевса бывают. А что это такое — рай и ад? Мы о таком здесь отродясь слыхом не слышали?

Солдат переглянулся с Сизифом, и тот покрутил пальцем у виска.

— Не понял? Вы где находитесь-то? При чем тут какой то Зевс? Я про такого только в тюремной библиотеке что-то почитывал. Я даже помню, как эта книжечка называлась — мифы какие-то!.. Так, полистал её — чушь, какие-то глупые древние сказки. А я до сказок с детства не охоч. Я из детдомовских, подкидыш! У нас все больше про запретную любовь да великих воров и разбойников книги шли.

Солдат почесал голову и в явном недоумении повернулся к Сизифу:

— Великий царь! Откудова он, не знаешь?

Сизиф молча думал. Он уже начал подозревать, что этот оборванец с паленой задницей пришел из какого-то другого мира или времени, из другой религии... Но вот из какой — он не знал. Сковорода и котел с кипящим свиным дерьмом его заинтересовали. О таких великолепных пытках ему еще не приходилось слышать. И он пожалел, что этот наглый оборванец, который к тому же был близок его духовной сущности по профессиональной принадлежности к касте воров, встретился на его пути так поздно. Его своеобразный мозг уже автоматически прикидывал, кого из ближайших к нему врагов и бывших друзей он мог бы в те времена осчастливить такими прекрасными экзекуциями. Он повернулся к Чудику:

— Коллега, я рад познакомиться с тобой и приветствовать в нашей эре. Я тоже в свое время совершил грандиозную кражу и до настоящего времени отбываю наказание от наших богов, много столетий вкатывая этот камень на гору. Но, к моему глубокому сожалению, я вынужден тебя очень огорчить! Ты родился на том свете в другое время, в другую эпоху и при других богах! В наше время, в нашей эпохе другая религия и совсем другие божества!

— Ни фиги, себе картинка с выставки! И кто же у вас самый главный Господь Бог?

— Великий Зевс! Бог всех богов Олимпа! — громко отрапортовал солдат. — Он и тученоситель, и охранитель семейного очага, и главный по грому и молниям, и много еще чего другого!

— Так! А Страшного суда у вас, выходит, нет?

— Как это нет? И еще как есть! И я самый первый на очереди. — Солдат гордо выпятил грудь.

— Та-ак... Значит, тебя еще не оприходовали, а старикана уже опустили, и провонял он так потому, что место его в камере у параша. Значит, ада у вас вообще нет, и с раем тоже не пойми что... Кино получается... Нет, ребята, у нас с этими делами все четко. Я в святых делах не больно грамотный, но в двух словах дело обстоит так.

Как зовут нашего главного Бога, не педрю! Он фигура законспирированная, и уже пару тысяч лет всем базаром у нас правит его сынок, Иисус. Он, так сказать, полукровка-Богочеловек! Папаня евонный, как я и сказал, Бог, а маманя родная будет из евреев и зовут её Мария! Сыночка Бог ей организовал без зачатия. Это вроде бы как йоги филиппинские, экстрасенсы такие, операции без ножа делают. Они просто рукой в большой живот залезают и делают там, что хотят, но без крови. Что захотят — вынут, что надо — вложат! Я это сам по телеку видел! Рюхнутья можно от удивления! Гадом буду!

Мальчик у их получился что надо. Добрый, умница, по воде ходил, лечил руками. Но в тридцать три года его свои же однокровки на крест повесили. Висел он, правда, недолго, так как телом был хлипок. Была при нем одна красивая телочка, он её из лагерной шалашовки обратно в честную бабу превратил. Очень она его любила и опосля того как он через три дня снова оживел и папаня-Бог забрал его к себе на небо, она до смерти молилась за него и даже попросила, чтобы её тоже посадили на крест! После ее смерти наши священники сделали из неё святую. Как только сынок божий воскрес на третий день после смерти, поменялись эпохи, и началось новое летоисчисление. Мы теперь живем в двадцатом столетии новой эры, а вы еще сидите в старой и, как я понимаю, где-то далеко до неё!

Все боги и его друганы-ангелы живут в раю, в каких то райских куцах! Там, говорят, все путем, ну, примерно так, как раньше было в санаториях ЦК! Соловьи там, канарейки разные чирикают, и кругом павлины выёживаются своими красивыми хвостами и очень противно орут! Я сам, конечно, там не был, но у нас в тюрьге поп был, грехи уркам-мок-

рушникам перед расстрелом отпускал, тот все это красиво рассказывал. Я-то после финиша и Страшного суда, который у нас тоже есть и свирепствует хуже гаишников, отправился прямым ходом в ад, к чертям собачьим на горячую сковородочку. Это такое теплое местечко для грешников вроде меня. Горячая точка, в общем... Главный пахан там над всеми чертями — дьявол. Его я, врать не буду, сам не видел, чести не удостоился. Но, по всему видно, чертяка шибко крутой! К нему на кривой кобыле не подъедешь, с дерьмом сожрет, сучара! Из моего заезда парочка сильно крутых пыталась себе отдельный люксовый котелок, с регулировкой температуры и чистой водичкой вместо свиного дерьма взять на понты — мимо! Принципиальный, подлюка, как железный Феликс! Этот, рассказывали, после революции в России единственно честный кагэбэшник был, коррупционеров сразу в расход пускал, причем лично и в лобешник из нагана! У меня, правда, там была своя персональная сковородочка, я её у главного черта на похабные анекдоты выменял. Но, врать не буду, без регулятора температуры! А кому она такая нужна, хоть и персональная, заднице ведь все одно — воет рядом с тобой кто-нибудь или ты в одиночку в голос вопишь от боли!

Солдат осоловело слушал Чудика, и на лице его читалось братское сочувствие к пришельцу. Он даже снова достал флягу и вылил остатки драгоценной влаги на сразу же подставленный страдальцем до сих пор не остывший дымящийся зад.

— А как ты тут-то оказался?

В голосе служивого чувствовалось больше сострадания, чем любопытства.

— Как, как?! Через чердак! У одного лекаря, с соседней сковородки, который человеческие органы у живых людей тырил, колесико клофелинчика и пузырек спирта с собой притырен был! Я это добро, естественно, приватизировал втихаря и коктейлем угостил дежурного чертяку. Ну а когда этот урод завыл во сне, как старый паровоз, я, естественно, дал деру! Но, видать, не в те ворота выскочил...

— А сковородочка-то твоя была с маслицем или сухая?

— Старый, это все, что тебя заинтересовало в моем базаре? Ну ты, педрила, даешь! Видать, сильно любознательный был на том свете!..

Сизиф обиженно засопел, а любопытный по природе своей солдатик попытался выдоить еще какую-нибудь интересную информацию из незваного гостя.

— Скажи, Чудик, это почему у тебя, как ты сам сказал, такая странная кличка?

— Не кличка, а кликуха, по-нашему. Вообще-то Чудиком это я сам вам так назвался, а, в натуре-то, у моей кликухи первая буква другая.

— А какая?

Чудик несколько смутился и тихо произнес:

— Буква — Му...

— А, понял, — радостно пропел солдат и что-то коротенько занес в свой кондуит.

— Ну давай, давай, рассказывай, что с тобой было дальше на сковородке?

— Это ты лучше у моей задницы спроси, как она все это столько времени выдерживала!

— Ну и как?

— Это ты у неё интересуешься?

— У вас обоих.

— Есть, конечно, много всяких разных изобретений по поводу облегчения этой тепловой процедуры, как называет её мой дружок-академик, сосед по другой сковородке. У нас ведь и евреи тоже частенько попадают, а они, бестии, на выдумку, в смысле, как облегчить свое существование в нечеловеческих условиях, очень даже большие доки. Если бы не это ихнее качество, давно бы их всех передушили другие народности да перерезали им глотки к чертовой матери!

— А за что? Кому они жизнь-то портят?

— А дьявол его знает! Вроде бы и не за что. Наверно, просто потому, что они евреи. Правда, ихний Иисус Христос, ну, который сын главного небесного и земного Бога, Мессией его у нас называют, последние пару тысяч лет их кое-как прикрывает от погромов. Он же тоже их кровей! А не то бы этому племени — тью-тью... Так вот же что они, сучьи дети, придумали для облегчения отсидки на сковородке: в рот

воды набирают и сидят себе тихо. Водичка в животе закипает, из носа пар валит, как из горлышка чайника, а какая-то там скрытая от всех теплота парообразования — есть у физиков такая штуkenция — этим самым паром из ягодиц тепло через нос отсасывает!

Но, скажу я тебе, дьявол тоже пацан непростой. Ему пальчик в рот не клади, мошонку откусит, чертяка! Что, сукодав, придумал: перед сковородочкой черти грешникам задницу каким-то хитрым составом смазывают. И опосля этого массажа она, родимая, в огне не горит, а только накаляется чуть не до красна, падла! Плюнь на неё — шипит как утюг! И жжет, зараза, не приведи господь как! Ну просто никаких сил терпеть нет! Правда, зато ягодицы не сморщиваются. Думаю я, этот мудреный составчик ему тоже какой-нибудь умница еврейчик подкинул. Уж больно, видать, нестерпимо пекло ему промежность, да и дым от ягодиц удушал! Этим тупоголовым парнокопытным засранцам самим ни в жисть до такого не допереть!

— А ты сказал, что предложил своему вонючему учителю-истопнику помыться, и что он?

— Что, что? Он так вперился в меня своими красными волчьими зенками, что я сразу дотумкал, что это зловонное рогатое дерьмо в ближайшее тысячелетие мыться не намерено!

Сизиф с усмешкой рассматривал этого плюгавого безграмотного человечка из двадцатого века, как он сказал, новой эры, и с грустью думал о том, что за прошедшие тысячелетия, отделявшие его время от времени этого дебила, очень мало что изменилось в человеческом мышлении... Уровень развития этого сапиенса из будущего практически равнялся уровню солдата, и это по прошествии четырех-пяти тысяч лет!..

— Однако, я смотрю, вы действительно сильно обогнали нас в мудром подходе к жизни. Где же тебя так образовали, милейший? Поди в университете?

— Не-е... На эти глупости я годы жизни не клал. Тут тюремная школа мне много знаний дала!

— А Библию ты читал? Она ведь еще при нас написана была пророком Моисеем.

— Слыхал я про этого древнего жида. Даже некоторые заповеди его проглядел. И тут, надо сказать, опять один еврей втесался. Я его встретил на моей первой отсидке. Он на воле подделал в паспорте пятый параграф, хотел сыграть под армянина. У него шнобель так сильно вперед выдавался, что на него птицы зимой садились. Гад буду, век мне воли не видать! Он в камере в холодильник за маслом залезть не мог, носом испаритель протыкал! Так что на русского он уж никак не тянул. Время тогда было для ихней нации совсем хреновое, а ему очень хотелось выбиться в ученые и драпануть, якобы в командировку, за бугор! Ксиву ему, по всему видать, подделал еще тот спец, и он по пятьдесят восьмой как японский шпион загремел на десятку без права переписки в Кресты, к нам в камеру. Ну, поначалу мы его для профилактики сделали петушком, опустили, значит, для удобства общения, и поместили, как положено, под нары у параша. Но пацан хорошо начал шестерить, и камера его приняла. Как-то базарим мы за цифирем о том, о сем, о бабцах, естественно, а он вынимает из-под полатей эту самую Библию вашего Моисейча и говорит мне: мол, почитай на досуге эту клевою маляву из каменного века. Он её в тюремной библиотеке надыбал. Ну, я педрю поначалу, мол, Маринина это там или Дашкова. В общем, с виду-то такой толстенный детективчик. А детективчики я люблю, это отличное пособие для начинающих воров и мокрушников. Тетки, по всему видать, тертые, хорошую рабочую практику в нормальной малине прошли, перед тем как завлекательные малявы писать начали. Наши люди, в общем. Читаю, читаю, ну ничего понять не могу! Шebutня какая-то! С трудом дотащился до этих заморочек — десяти заповедей, и вот только тут я умишком своим неслабым доволоч, как мы, цивилизованные потомки этих сапиенсов, далеко отмотали от наших древних предков! Особенно меня насторожила вот эта заповедь: мол, не трожь, в смысле не поминай без нужды, имени ихнего главного небесного командира, короче, пахана, по-нашему, всуе!

Кстати, я так и не дотумкал: всуе — это, извиняюсь, куда? Или не воруй?! Это что же, выходит, закрыть специальность? Уничтожить такую профессию?! Читаю и себе

думаю, как же с этими замшелыми понятиями современному нормальному человеку жить? Ведь мы же не гориллы там какие-то, а тоже эти самые сапимсы, только сильно развившиеся? Кому такая стерильная житуха вообще нужна?? Или я не прав?!

В возникшей долгой паузе было слышно лишь сопение солдата, старательно записывающего мысли Чудика в тетрадку. Наконец он снова спрятал её в мешок и обратился к вору:

— Я про этот талмуд один хороший анекдот знаю, могу рассказать. Ротный наш, которому башку ядром оторвало...

Сизиф сердито посмотрел на служивого:

— Заткнись со своим ротным. Слышать его проклятого имени не могу!

Чудик дернулся, присвистнул и заорал, прервав Сизифа:

— Вот я вам действительно классный анекдотик сбациаю! Умирает старый раввин — это, значит, поп еврейский, а служка из синагоги — это церква жидовская, читает ему занудно при свечке этот толстенный талмуд. Вдруг раввин открывает один глаз и что-то так тихонько, ненавязчиво вякает. Служка спрашивает: «Ребе, тебе что-нибудь надо? Воды или что другое там, например, с горшком?..»

— «Нет... — говорит раввин. — Я просто вспомнил, что, когда я был еще мальчишкой, азохен вей, это было сто лет тому назад, я ехал на возе с сеном с хорошенькой хаечкой, это сисяцкая телка по-еврейски, и нам очень хотелось заняться прямым делом! Но её хорошенькая толстая розовенькая попочка все время проваливалась в это рыхлое сено и у нас ничего не получалось. Нам было так неудобно... И я сейчас, азохен вей, через сто лет подумал: вот если бы у меня тогда был с собой этот толстый талмуд...»

Сизиф расхохотался, а солдат начал мучительно крутить головой, шепча себе под нос любимую присказку про голову и ум.

— Кстати, братва, я тут по дороге к вам экспроприировал у одного тезки по кликухе кое-что из жратвы, так что могу по-братски поделиться.

— Как ты сказал: экспроприировал? Интересное слово... И что оно означает?

— О, Великий Царь, это золотое, волшебное слово. Оно может дать человеческой личности все! Буквально все! Ты не поверишь, но самые большие муки мне доставляет даже не раскаленная сковорода, ни карцер в духовке с запускаемым в неё выхлопным газом из глушителя грузовика с неисправным дизельным мотором! Не отсидки в кипящем масле и даже не отсутствие прекрасного пола! Более всего меня угнетает невозможность заниматься экспроприацией безалаберно оставленных без надежного присмотра человеческих и прочих ценностей! Ты чувствуешь, бывший долбаный интеллигент, как я замечательно сформулировал эту сложнейшую фразу?! Скажи мне, ну что у этих поганых чертей можно сляздить, стырить, уволочь, сфиздить, умыкнуть, приделать ноги, позаимствовать, взять в бессрочный долг, украсть и, наконец, просто одолжить? Отвечаю: ни-че-го! Ну, не считая, естественно, просто подаренных от широты их маразматических душ ударов палкой по почкам!

Сизиф изобразил на лице сложное выражение — эдакую смесь удивления и восхищения одновременно.

— И откуда у вас, мой Цицерон, такие блистательные познания в риторике?

— Дни и ночи зверского, непосильного труда, ваше бесподобие! У меня на прежней, еще тогда коммунальной сковородке, образовалась фартовая кодла. Три вора в законе, маньяк-убийца, я и филолог-педофил — гнида пасмурная, конечно, но умница и охрененный педагог! Вначале я не очень разобрался в его профессии и думал, честно, что педагог и педофил — это одно и то же, яички из одной корзинки. Так сказать, разновидность гомиков! Потом коллеги-мокрушники мне все объяснили, и мы снюхались с педрилой на почве морфологии и риторики, как ты правильно заметил. Память у этого педагога, что там твой Платон, Маркс и Энгельс вместе взятые — натуральный Миклухо-Маклай! Чешет наизусть лекции по основам построения фразеологии и стилистике — только так! Лобачевский с Маром пополам!

Правда, на прошлой неделе черти у нас словарь Даля отобрали на самокрутки, у них бумага кончилась, так что теперь работаем по словарю Ожегова. Мой педик его в три слоя фольгой обернул и держал под задницей, Кулибин! Бе-

режет, криминальная сволочь, свое орудие мерзостей! А до чего же, гад, изобретательный и догадливый, ну просто Герцен! У него такая поговорочка есть — осталась с тех времен: «При правильном подборе литературы и в туалете можно получить неплохое образование!»! Лихачев, да и только!

— Я вижу, ты на своем тепленьком местечке не скучаешь.

— Да куда там скучать! Времени не хватает! Как сказала старуха Изергиль, любимая подружка писателя Гоголя, «в мире всегда есть место подвигу». Я тут по дорожке к вам через угольную шахту проскочил для сокращения пути и у одного раззявы с отбойным молотком домашнюю заготовку обеденной жратвы всухомятку стянул. Просто любопытно стало, чем теперь в эпоху ранней демократизации нашей страны народ питается? Чем в жратве капиталистическая демократия от социалистической отличается?

Чудик вытащил из-за пазухи промокший сверток, развернутый в газету, брезгливо понюхал его и начал осторожно разворачивать.

— Пахнет малоаппетитно... Это явно не кухня ресторана «Метрополь». Фу ты ну ты, ножки гнуты, тут все слиплось... В антисанитарных условиях современные стахановцы живут, никакой культуры поглощения пищи не соблюдают! Одно слово — село... Та-а-к... Осклизлая вареная картошечка в собственной шелухе, хлебец черный, луковка и кусочек желтого, наверняка прогорклого сала. Небогато в эпоху свободы слова и печати, открытого космоса и расцвета олигархов наш подземный народец живет! Космонавтов, я сам это видел по телеку, еще до посадки на сковороду, питают куда как лучше. Им даже икру черную с вареными яйцами в тубиках выдают! А водочку, скорее чистую спиртягу, они на животе в грелках или презервативах на корабль проносят. И там уже где-нибудь в закутке, по очереди, в клизмочку раз — и без потерь себе в организм вводят! Все стерильно, да и клизму после заправки мыть не надо. А все для того, чтобы на секретные датчики связи с земным постом управления перегар изо рта не попадал. За ними же ежесекундно по телеку у русских следят лечилы из ФСБ, а у америкашек — из ЦРУ!

Ведь у космонавтов как? Чуть что не так — парашют на скафандр, тубик с икрой минтая в зубы и — фьють, коленом под задницу на Землю, отдохнуть в космический штрафбат.

Солдат покрутил головой, пару раз крепко долбанул себя кулаком по лбу и робко обратился к Чудикку:

— А космонавт — это кто?

Чудик гордо ухмыльнулся, презрительно оглядел солдата с головы до ног и процедил через губу:

— Господи, и чему вас только в этих до-наше-эрных веках учили? Это же просто демонстрация какой-то воинствующей убогости мозгов! А?! Как я сказанул, старикан? Классно? Надо мне для вас, пацаны, устроить ликбез!

Сизиф открыл было рот, но только конфузливо потупил взор. Чудик же, встав в излюбленную позу Наполеона, снисходительно произнес:

— Вот так-то, братаны! Кочумаете?! Правильно делаете. Человек двадцатого века — это вам не хухры-мухры! Это звучит гордо! А с шахтером я, видать, промахнулся. Не на того попал... Ничего, в следующий раз сначала проверю пайку на месте... Солдатик, может, все же ты это стхановское дерьмецо схаваеть? Жаль выбрасывать. Смех смехом, а я ведь за эту гадость мог лопатой по загривку схлопотать, а то и отбойным молоточком по черепушке. Я, как вернусь на сковороду, той же ночью нашему педофилчику мошонку с желтками оттяпаю. Ему же, как тому парашютисту, у которого парашютик не раскрылся, яички-то все равно уже не нужны. А я из них на своей же сковородке дежурному чертяке яичницу с лучком изображу. Омлет по-немецки называется. Глядишь, он подобнее станет, козел драный! Топить поменьше станет. Кстати, пацаны, до меня ведь только сейчас доперло, почему это яичницу с черным хлебом называют «по-немецки»! Я где-то слышал, что у ихнего фашистского фюрера в аккурат одного яйца в мошонке не хватало. Видать, когда он в студенческие годы сильно голодал, из одного своего желтка яичницу с хлебом сварганил. Другой жрачки-то у него, видать, не было. А с голодухи чего себе не оттяпаешь? Верно, солдатик?

Когда приступ смеха от невероятного собственного остроумия у Чудика поутих, Сизиф, смилив былую царскую гордыню и стараясь сделать это как можно небрежнее, спросил:

— Скажи, пришелец, а кем был этот однойцовый фюрер, как ты там его называешь?

— Папаша, ты меня просто пугаешь своей невежестью! Ты это базаришь как, в натуре или с придурью? Может быть, ты еще и не знаешь, кто такие Маркс и Энгельс? Сталин и Берия? Бен Ладен и Березовский?

— Не знаю, клянусь Зевсом!

— Братаны, боюсь, что с вашей перхотью и моими знаниями истории вообще, и законов жизни в частности, нам, извиняюсь, будет не по пути!..

Давайте-ка лучше побазарим о чем-нибудь попроще. Поближе к нашим с вами сегодняшним проблемам. Я вам колюсь о том, как там у нас в аду. Какие у этой организации ближайшие перспективы. Вы мне — о том, чем живут доисторические люди вроде вас. Согласны?

— Согласны, — хором стройно ответили «братаны».

— А теперь спросите меня, что в нашей адской кухне новенького?

Сизиф и солдат повторили дружным дуэтом:

— Что у вас в аду новенького, пришелец?

— Да считай уже многие тысячи лет все идет по-старому. Ну разве что чертей-кочегаров стало катастрофически не хватать. Того и гляди скоро все котлы и сковородки встанут. У них там, ребята, с демографией кранты. Хуже, чем в нынешней Европе. В той хоть арабы да турки деторождение поддерживают, а у дьявола со смешением чертовских кровей не забалуешь! Тут как-то одна хорошенькая чертовка от эфиопа с соседней сковородки понесла. Думала, мол, тоже черный да волосатый, и дитя сойдет за чертенка. Ан фиг вам! Так, с первого взгляда, пацаненок вроде бы и схож с парнокопытным, но копытце только на одной ножке, да и хвост почему-то не сзади, а спереди из пупа вырос. А фокус-мокус-то в чем? Ихние бабенки-ведьмачки, значит, по телеку нагляделись сериалов, и вся их чертова психология перевернулась вверх тормашками. В сериалах-то все мужич-

ки чистенькие, прикид из бутиков, все на импортных тачках и при хороших бабках. Так они опосля этих картинок со своими козлами вонючими в койку — ни за какие коврижки! Так что скоро, через пару-другую миллионов лет аду придет писец! Все их чертово племя выродится, а сатана с голodu и тоски подохнет!

Сизиф покачал головой и выдохнул:

— Смотрю я, жизнь там у вас между котлами и сковородками бьет ключом.

— Гаечным и все чаще по башке. Как говорит мой сосковородник-педофильчик, «... и кто только в моей жизни ни бил меня ногами — даже понятия».

Фу ты, от длинного базара чего-то аж глотка пересохла. Все в жизни взаимосвязано: живешь — хочется выпить, выпил — хочется жить! Солдафончик, у тебя там во фляжке капли спиртного не найдется? Или, может, на костерке кружечку чифирчика изобразишь дорогому гостю? Душа моя — тонкая от папашиних интеллигентных предков — это с одной стороны, просит ананасов с шампанским, а вот весь остальной организм, который от плебейки бабушки Дарьи, — остро и немедля требует водяры!.. Вот и скажи, старикан: как тут можно жить такой сложной натуре, как я, на том и на этом свете? Ответствуй!

Сизиф презрительно надул губы. Этот прохвост ему уже порядком надоел. Он не боялся Великого Зевса, так как, во-первых, никогда не видел его и не ведал его беспредельной мощи. А, во-вторых, отсутствие раболепия перед ныне существующим Великим Богом, при упоминании одного имени которого тряслись в страхе все живущие в эту эпоху, подрывали его былой царственный авторитет, ну хотя бы и перед тем же солдатом, пока еще верой и правдой служившим и ему, Сизифу!

Он гордо поднял могучую голову на закаменевшей от грязи до состояния черепашого панциря шее и с апломбом произнес:

— Наука предрекает алкоголикам быструю смерть!

Чудик хохотнул, щелкнул себя по шее и, скопировав позу Сизифа, ответил в той же высоко нравственной тональности:

— Если твоя наука, мудрейший, победит алкоголизм, люди перестанут уважать друг друга! Ты прав только в одном, папаша: когда пьешь, надо знать меру. А иначе рискуешь выпить меньше. И открою тебе одну чудесную истину, проверенную человечеством тысячелетиями: люди, которые думают, что «пить надо больше», и те, которые считают, что «пить надо меньше», все же сходятся в одном — пить надо!

Ты согласен со мной, солдатик? А уж я-то свою меру знаю железно: упал — хватит!

Солдат, с интересом наблюдавший за обоими, кивнул головой и брякнул, как всегда, невпопад:

— Ротный всегда говорил так: «Никогда не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня!»

— Молодчина был твой ротный, служивый! Не водкой единой пьян человек! — удовлетворенно кивнул Чудик. — Я часто замечал такое за собой. Бывало, взгляну на себя в зеркало поутру, а из него торчит опухшая небритая физиомордия со щетиной недельной давности, с потухшим взглядом и мешками под глазами по пол-литра весом каждый. Ну, сразу соображаю, значит, я вчера все-таки решил выпить 50 грамм перед обедом, причем исключительно для аппетита.

Кстати, солдатик, я ведь так и не получил от тебя вразумительного ответа: во фляжке еще что-нибудь успокоительное плещется?

— Немного воды, да и то из лужи, теплой и с головастиками.

— Фу, мерзость! Немедленно заткнись, а не то я заблую парадный хитон нашего царя. Я с молодых годов не выношу головастиков, лягушек и жаб. Черти их ловят в соседнем от ада болоте и варят в котлах, где элитные олигархи парятся. Я уже говорил, что у тех вода почище. Но иногда мой хвостатый козел подбрасывает их нам на сковородку. Это парнокопытное любит земноводных в жареном виде. Вонюща стоит такая, что на соседних сковородах коллеги носы друг дружке в задницу засовывают! Говорят, что тамошнее нутряное амбре и то поприятнее...

— Ну а ты-то как этот аромат выдержишь? — спросил Сизиф, изобразив отвратительную гримасу на лице.

— Засовываю нос близстоящему чертяке под хвост. К этому запаху мы уже привыкшие.

— А что черт?

— Что, что... Хохочет, скотина! Ему щекотно. Усы-то мы каждый день не стрижем и не бреем.

— Ужас! Просто ужас! Как вы там живете? — На лице солдата отчетливо проступило непроизвольное искреннее страдание. — Жаль, мой ротный этого не слышит. Он бы тут такое сказанул бы... Такое!.. Но ему башку ядром из пращи оторвало начисто. Под корень. Одни плечи остались. Но особенно что интересно — на них ни царапинки! Не помню, говорил я тебе об этом или нет? Старику-то я точно про его голову рассказывал. Как сейчас помню. Великий! Я ведь тебе про башку ротного уже рассказывал, верно?

— Да пошел бы ты ко всем козлам под хвост! Черт бы тебя забрал, дуrolома окаянного! Твой ротный у меня уже в печенках торчит! Будь он трижды неладен вместе с тобой, дебилом несчастным!

Сизиф в сердцах сморкнулся в полу хитона и лег на бок, отвернувшись от солдата.

— И вовсе я не несчастный. Меня же всего-то копьем в грудь ткнули. Не то что моего ротного, которому башку ядром из пращи...

— Заткнись! Убью недоноска!

Сизиф в ярости вскочил, как подброшенный пружиной, и, схватив первый попавшийся камень, что было сил запустил в солдата.

Камень, к счастью, просвистел мимо и, ударившись в ствол хилого деревца, сорвал с него большой кусок коры. Успевший отскочить солдат с недоумением взглянул на старика, покрутил пальцем у виска и на всякий случай отошел подальше.

— Чего это ты так осерчал, Великий? Разве я что соврал? Я же тебе уже сколько раз рассказывал про моего ротного... И как ему башку оторвало, и про ядро, и про смерть-сестричку...

Сизиф безнадежно в сердцах махнул рукой и снова улегся у камня. Солдат развел руками, так и не поняв, чем он так не угодил старику, и обратился к Чудика:

— А с чего ты так лягушинный род не любишь? От них же одна польза человеку. Комаров да мух едят. Опять же из ихних задних лап яичницу многие делают. Я сам пробовал. Очень даже вкусно.

— Да не в их мясе дело. Я как-то в молодости пришел в болоте огромных размеров жабу. Принес её на работу и показал ребятам, я тогда еще не воровал, а грузчиком работал. Ну, пацаны увидели эту образину и давай меня уговаривать: женись, говорят, на ней, Чудик, да поскорее, пока не увели другие. Это, говорят, не жаба, в натуре, а может быть, вообще царица заколдованная! Сделай, говорят, смелый эксперимент для всего любимого тобой родного коллектива! Мы, говорят, тебе одну такую нехилую книженцию приволокем, в ней капитально точно такой случай в красках описан! И даже про все это классные цветные картинки есть! Во-первых, ты посмотри, как она, зараза, здорова! И слышишь, как у неё что-то характерно бурчит в животе? Точно не скажем, но похоже, что человеческим голосом. Не понять только, на каком языке. Не помним, говорят, точно, в каком городе, но такой же случай с одним человеком тоже был. Он в литературе научной детально зафиксирован. Значит, один мужик тоже огромную жабу поймал, а она ему так отчетливо и говорит: «Тащи меня домой, не пожалеешь».

Он её приносит, а она ему дальше: «Тащи меня в спальню и клади на кровать, не пожалеешь».

И только на простынку он её положил, как она в момент превратилась в классную телку при фигуре с пятым номером и все такое... Все при ней! А мордашка — что там твоя мадонна с дитем на руках. Бриджит Бардо — один к одному! «Ложись, — говорит, — со мной, мой суженый, я тебе сейчас такое покажу, обмочишься от счастья!»

— Ну и что, правда, показала?

— А чего ей врать-то? Еще как показала! Но в этот самый момент в спальню вошла его жена, и он ей никак не мог объяснить, что эта телочка только что, натурально, была обыкновенной жабой!

— Ну а у тебя-то как это все закончилась?

Солдат весь обратился во внимание.

— Да у меня с моей тоже была история не в лучшем виде.

Поднял это я свою суженую за заднюю ногу. Посмотрел на нее повнимательнее — ну жаба жабой... Склизкая, на лицо неприятная... Думаю, а ну её к лешему, бородавки еще по телу пойдут, да и дети неизвестно на кого будут похожие. А коллектив настаивает... Ну, скинулись, у кого что было. Водки три бутылки по 0,75 приволокли, ящик пива немецкого и пять бутылочек красного сухого по литру каждая. Ну, а как оприходовали без закуски этот общак, мне вроде даже как-то жалко мою жабенцию стало. Думаю: господи, да что ты, сердечная, в своей болотной периферийной канаве видишь? Кругозору же никакого! Ну, в горячке как бы и женился...

— Ну и что?

— А ничего, оказалась жабой обыкновенной! С тех пор меня от этой семейки и воротит!

Сизиф, поняв, что Чудик попросту разыгрывает солдата, в голос захохотал. Однако солдатик, принявший весь этот треп за чистую монету, посмотрел на старика с неподдельной укоризной:

— Ты, Великий, зря смеешься, попробовал бы сам провести брачную ночь с жабой, не хохотал бы сейчас, а плакал.

Сизиф вытер слезы и, сделав серьезную мину, обратился к Чудику:

— Нашему служивому, между прочим, с претендентками на роль невест тоже не слишком везло. Ты бы, боец, закончил нам историю со своей последней кандидатурой. Начало этой истории я прослушал с удовольствием. Давай дальше!

Солдат засопел, засмутился, потер лоб кулаком и несмело промолвил:

— Ротный нам часто говорил: «Есть настоящие мужчины, просто мужчины и представители мужского пола». Так вот я, если по-честному, наверное, из третьих. Да к тому же у меня так с юмором плохо, что я часто даже своих шуток не понимаю. А без юмора чего жениться, только зря время жизни тратить. То ты её не поймешь, то обратно же, она тебя. Так и будем лаяться с утра до ночи. Одно слово —

это не брак, а собачья жизнь. Нет, я вообще-то, пытался, не сидел, как говорится, сложа руки на ширинке. За одной, помню, дней десять ходил с одним и тем же букетом. Все боялся упустить. Потом, как-то дождался её возле общественного туалета и говорю: примите этот дар от холостого мужчины, влюбленного в ваше лицо, руки, ноги и еще в кое-какие места, дар сердца и бессонных мужских ночей. Так, вроде бы, очень даже складно сказал. А главное, что вовремя и по-честному. И букет прямо шипами ей в руки — раз! Розы, конечно, за десять дней подзавяли, но я их над печкой подсушил, чтобы не гнили. А шипы — те в полной целости и остроте остались. Она букет взяла и мне так ехидно прямо в морду: «Спасибо, эти увядшие цветы будут мне до конца жизни напоминать ваше лицо». И букет — швырк в урну! Я так разозлился, чуть ей по морде не заехал. Букет-то дорогой был! Заместо него можно было пять бутылок хорошего красного взять!

Я и в походах, бывало, предлагал разным женщинам выйти за меня. Откликались некоторые. Кто на руку, кто на сердце, но на каждый орган в отдельности все больше в разных городах.

Правда, была одна женщина... страшно вспомнить!.. Настолько имела здоровое тело, что уже ни на какой дух там места не хватало. Сначала она меня в Риме на карусель с животными затащила и усадила на осла. Ну, живность-то, конечно, была деревянная. Сама же свои телеса на лебедя взгромоздила. Я сижу на этой скотине ни живой ни мертвый. Вцепился в ослиные уши и жду, когда эта свистопляска закончится, а она лебедиху за шею душит, и ей хоть бы что! На пятом круге у меня с головы медный шлем сдуло. Далеко, аж чуть было не за город. Закрыв глаза, лечу как на таран. А на том месте, где подруга сидит, слышу чей-то сдавленный стон раздается: «Ой, ой...» Я сначала подумал, что это ей худо стало, потом прислушался — нет, это под ней лебедиха плачет. Уж и не помню, как это все закончилось, как меня с этого осла стащили. Помню только — стою с ослиными ушами в руках, а моя переломанную лебедиху на руках баюкает. Пошли, говорит, на новый аттракцион, его из Индии привезли — мертвая петля называется,

отдохнем по полной программе. Ну, я вам скажу, это вообще аттракцион для летучих мышей. У меня еще фляжка с кислым молоком в кармане была. Я её вместо пробки бумажкой заткнул. Все хотел её угостить. Так вот, пробка от положения «вверх тормашками» размокла и вылетела из фляжки ко всем твоим чертям, Чудик, и вся эта жижа ко мне в носки перелилась! Очнулся, лежу на скамейке без сознания, а на мне голодная драная кошка, вся в лишаях, сидит и меня с ног до головы облизывает. А мой слон без хобота в очереди на чертово колесо стоит, тоже есть такая иностранная забава. А я высоты до смерти боюсь, причем с самого моего зачатия.

Как я на этом колесе выжил, точно и не помню! Только вспоминаю, что мне туда еще раз залезть пришлось. Я от страха там трусы и брюки с сандалиями забыл. Я уже и не говорю, что стервецы голуби меня с головы до ног удобрениями запачкали. Моя меня спрашивает: «Ну, куда дальше пойдём, любимый?» В Колизей, говорю, чем так с тобою и дальше жить — лучше на арене сразу с жизнью покончить в честном бою с рабом — гладиатором-эфиопом! Так что если кто и говорит, что у него в браке жизнь протекает хорошо, — вранье! Это означает, она где-то дала большую трещину.

Чудик отсмеялся и грустно заметил:

— Противоположности — они только вначале сходятся, а потом-то все равно разбегаются. Я читал, что больше всего разводов в развитых странах. Вот и прикинь, может, уже хватит тянуться к прогрессу. Того и гляди, так разовьёмся, что и детей рожать некому будет. Ну, бабы, конечно, тоже разные бывают, иной раз и неглупые попадают, но это, братцы, как в лотерее. Вот моя первая научила меня: входишь в дом — снимай обувь. Так я из-за неё в кабинет начальника в одних драных носках раз зашел. И что еще немаловажно — ласковую подыскивать надо. Вот от моего третьего бронепоезда годами надо было ждать минутной слабости. И на руку ох какая крепкая была! Помню, Ваське-сварщику за грубое слово слегка так ручкой по мордашке прошлась, так он, поди, до сих пор... Ну, в общем, и не разберешь — или он постоянно в маске ходит, или на всю оставшуюся жизнь таким остался... Но, в принципе, ужиться-то

можно с любой, особенно если жить в разных городах и не переписываться.

Сизиф поднялся, тяжело вздохнул и положил ладони на камень.

— Ты что, Великий, полезешь на гору? Может быть, тебе помочь?

Солдат тоже встал.

— Да нет, служивый, я, как всегда, сам. Зевс может рассердиться. Кара-то моя и только моя... Да и когда я его потихонечку в гору качу — вспоминаю прошлую жизнь свою. Радости и печали. Прощайте, мальчики! Не поминайте лихом.

Чудик похлопал солдата по плечу и, вытащив свой драгоценный ножик, протянул ему:

— Бери, служивый! Тебе он, может быть, и пригодится еще. Ты же наверняка в конце концов в рай за свои ратные подвиги попадешь, цветочки им аккуратненько будешь со стебельков срезать, а мне, хочешь не хочешь, все равно на разлюбимую сковородочку возвращаться придется. Рано или поздно, но твой Великий Зевс все равно меня нашему Господу сдаст. Бог с Богом завсегда договорятся. Так уж лучше самому, добровольно, с повинной к сатане в ад вернуться. Глядишь, может, мне это где и зачтется....

Прощайте, пацаны!

Солдат всхлипнул от избытка чувств. Вытер слезы грязным рукавом и протянул Чудика пустую флягу.

Чудик повертел её в руках, тоже вытер слезы с закопченной щеки, повесил на пояс и не оглядываясь пошел прочь.

Сизиф повертел пальцем у виска и проворчал, повернувшись к солдату:

— С фляжкой ты поспешил, дурень. Ему-то она зачем? Они же у своего сатаны на адовом довольствии сидят. Разве что задницу водой остужать, когда уж совсем невтерпеж станет?

— А хоть бы и так. Ты бы попробовал посидеть в кипящем масле хоть минуточку, а он, бедняга, так до скончания мира сидеть должен.

— Ладно уж, что сделал — то сделал, альтруист ты мой ненаглядный. Растрогал ты меня. Подправь камушек под

камнем, а то я его уже почти выбил из-под него. Садись и включи воображение, если оно у тебя имеется в наличии. Я, так уж и быть, поведаю тебе историю моего самого великого греха перед богами. Расскажу тебе, как я украл самого Танатоса — бога смерти!

— А альтруист — это что?

— Ты хотел сказать — кто? Альтруистами называют идиотов, которые спятили до такой степени, что считают добро, сделанное любому ближнему или дальнему, или вообще всем людям сразу, как это сделал твой любимый Прометей, важнее, чем сделать его самому себе. Понял?

— Умом-то я понимаю...

— Заткнись и слушай. Представь себе пышные покои моего дворца и меня, сидящего на отделанном золотом и драгоценными камнями троне. Под барабаны и флейту танцует очаровательная танцовщица-нубийка. Представь её точеную фигурку. Изгиб бедер, пышную грудь и длинные крепкие ножки. А изгиб тонкой шеи, а ювелиром выполненные пальчики на руках и ногах... Вот она приближается в легком танце ко мне... Легкое шелковое покрывало падает с её прелестных плеч... Нет, черт с ней! Я рассказываю тебе не об этом. Хотя эти сладкие воспоминания и сейчас еще будоражат мою холодную, древнюю как мир кровь... Я учу её нюансам этого соблазняющего меня танца: «Сделай-ка еще вот так. Еще разок! Еще! Больше, больше крути этим местом! Этими волшебными полушариями страсти! Ну, крути же! Крути, тебе говорят! Танатос тебя заberi! Ну, ничего не можете сами. Ничего без окрика, подсказки! Без плетки, наконец! То-то! То-то! Вот так, вот так!»

Ко мне подходит приближенный, падает ниц и не поднимая головы лепечет:

— Позволь сказать, Великий Царь!

— Говори, говори, ничтожный. Только не вставай с колен. Не то ты заслонишь своим отъетым на моих харчах пузом прелести этой красавицы.

— О, Великий! О, повелитель людей и любимец богов! О, руководитель прогнозов, стрелец молний, барабанщик громов, разгонитель туч, блюститель нравственности, подавитель ревности, покровитель искусств! Хранитель верности, чело-

веколюб и сердцевед! О тучеобразователь, молний укротитель, покровитель язвонящих, родитель пороков и их же уничтожитель, наполнитель пустующих чрев!

— Достаточно. Время от времени надо менять репертуар и разнообразить лексикон. За это я плачу тебе деньги и немалые! И вообще, я заметил, что последнее время ты стал заметно шепелявить. Отправляйся к дворцовому логопеду.

— Великий забыл, что накануне он выбил мне пять передних зубов, бросив в лицо хрустальную пепельницу.

— Да, да... Что смутно припоминаю... Кстати, хорошо, что напомнил. А пепельница-то цела?

— В отличие от зубов она оказалась не в пример крепче, о Великий!

— Слава Зевсу, а то бы я волновался. Как ни говори, а это дворцовый инвентарь, к целостности которого необходимо относиться бережно. Надеюсь, ты со мною согласен в этом вопросе?

— О, несомненно, Великий! А как мне быть с зубами?

— Что ж, будем ждать, когда они вырастут заново! Трава — и та растет! Не так ли?

— Да, да! Ты прав, о Великий!

— Еще бы! Ты, очевидно, будешь у меня что-нибудь просить? Лесть — это агрессия на коленях, как говорил великий Сократ! Жалко, рано покончил собой, бедняга старик... Ему бы еще жить да жить!.. И ведь неглупый был старикан, но... слишком уж прямолинеен и речист. А народ наш этого не любит! Ну давай, проси! Хотя и тут знай мою меру.

— О, Великий трезвенник, повелитель и глоткозатыкатель ослов и мулов...

— Не заикайся и телись, наконец! Танатос тебя заведи!

— К тебе, о Великий, гость от самого Великого Зевса!

— От самого Зевса? Любопытно! А что это ты скорчил такую ужасную физиономию? Чай, натрусил в штаны от страха? Сдается мне, чем-то с твоей стороны маловкусным потянуло? А?

— От самого, Великий Царь! От него! И очень важная фигура!

— Ты только не забывай, что я тоже не эфиоп с помойки. И важнее меня фигур даже на Олимпе по пальцам

пересчитать! Поди, какой-нибудь паршивый полубог-ревизор? А? Этого нам только сегодня не хватало! Не правда ли, малышка? Иди к папочке Великому Царю, проверим, все ли у тебя в порядке за пазухой и в штанишках, мышка моя, престелница. А плеточкой по упругой попке, которую ты сегодня заслужила, не правда ли, папуля пройдет завтра. Иди, девочка. Беги отсюда... Кстати, ничтожный! Я забыл спросить тебя, этот ревизор из Его людей?..

— Из серьезных богов, Великий!

— Из серьезных?.. Вот тебе, бабушка, и... как любил говорить краснобай и болтун Демосфен... И как ты считаешь, что-нибудь серьезное?

— Предвижу, Великий, что очень... и даже очень серьезное...

— Ты что это, золотой мой, и в недалекой перспективе висельник, мне тоже хочешь подштаники испачкать? Устроить эдакую кампанейщину с самим Великим Царем? Эдакую двухвисельную групповуху? Шучу. Может, ты и прав, мой прозорливый. Когда видишь, нетрудно и предвидеть! Так что в твоих словах может гнеститься и истина... Что, кстати, не так часто и бывает!.. Проси.

Приближенный, непрерывно кланяясь и пятясь задом, быстро-быстро семеня ножками, выскочил из тронного зала, и в дверь спокойно и даже с некоторым пренебрежением к рангу хозяина вошел небольшого росточка человечек, одетый в черный костюм с маленькими, тоже черными крылышками на лопатках и большим ярко-красным портфелем в руках. Сизиф, увидев гостя, побледнел и, мгновенно вскочив, чуть было не свалился у трона. Протянув гостю трясущиеся от ужаса руки, он, пошатываясь и то и дело спотыкаясь на ровном полу, подошел к нему и отвесил низкий поклон.

— Боже мой! Вы только поглядите, кто к нам пожаловал! Кто удостоил нас, ничтожнейших смертных, своим божественным вниманием. Клянусь Зевсом, я не достоин такой чести! Позвольте, о Величайший из богов, пасть перед вами на колени!

Не успевшая убежать танцовщица, прижавшись к мраморной колонне, дрожала как осиновый лист от холода камня и непонятно почему напавшего на неё ужаса.

— Как тебе нравится наш милый гость, малышка? — непослушными дрожащими губами пролепетал Сизиф.

Он схватил стоящий у трона пуфик и почти ползком притащил его гостю.

— Мне внезапно в голову пришла странная мысль, Величайший! Как много на этом свете умеющих предвидеть и так мало умеющих вовремя предупредить. Вы согласны со мной?

— Странные мысли приходят тебе в голову, Сизиф, я не совсем понимаю, о чем это ты?

— Да я и сам не очень понимаю, к чему я это сказал. Просто есть такое железное проверенное веками правило: чем хуже известие, тем больше информации оно несет.

— По-моему, я еще не успел даже открыть рта, а ты уже ударился в панику. Очевидно, тут вступает в силу еще одно, так же веками проверенное правило: чует кошка...

— Прошу вас, не продолжайте, Величайший, я помню его! О, если бы вы знали, Величайший, какую огромную, ни с чем не сравнимую радость доставляет нам ваше неожиданное посещение! Какая честь! Какая честь! Какое неизъяснимое наслаждение внушает нам созерцание вашего обаятельнейшего облика. Я себе представляю, какие страстные желания сейчас, в эти мгновения, рождаются в сердце и всех прочих, столь заманчивых для мужчин местах у нашего птенчика! Я вижу, как девочка просто обалдела от распирающего её желания и счастья! Я ведь прав, моя маленькая птичка?! Не сдерживай себя! Обними дяденьку! С портфельчиком! Прижмись к нему! Подари ему все ласки, на которые способно твое прекрасное тело! Люби его!

Танатос брезгливым жестом остановил робко приближающуюся к нему танцовщицу, сел на царский трон и повелительным жестом указал Сизифу его место на полу в нескольких шагах от себя:

— Садись, побеседуем!

Сизиф быстренько встал на колени и смиренно опустил голову.

— Сижу, Великий!

Танатос громко щелкнул замками портфеля и начал медленно и долго перебирать бумаги. Наконец он нашел

нужную папку, раскрыл её и углубился в находящиеся в ней документы.

Сизиф поднял голову и почти пропел:

— Портфельчик-то объемистый. Не тяжело ли таскать его самому, Величайший? Может быть, я вам здоровенького раба для этой цели подкину?

— Управлюсь. Не мельтешишь.

— Поймите меня правильно, Великий. Это я вам не в качестве взятки — это просто надрывный крик моей возмущенной, переполненной глубочайшим уважением к вам души! Знали бы вы, Величайший, как мне всегда хочется оказать помощь ближнему! И не только ближнему, но и среднему, и дальнему! Так хочется! Так хочется! Вот и девочка такого же мнения. Верно же, крошка? Ну, что ты стоишь, трясясь от возделения, маленькая моя. Подойди же поближе к дяде. Дай ему как следует рассмотреть себя! А лучше пощупать! Как, Величайший, она вам нравится? Лучший птенец в моей стае!

И приложив ладонь к ко рту, он интимно прошептал:

— Лично дрессирую! Лично!

Танатос поманил танцовщицу пальцем. Она робко, с едва скрываемым ужасом в заплаканных глазах подошла к нему и встала на колени. Танатос оценивающе оглядел её ладную фигурку, хмыкнул и ледяным тоном произнес:

— Вот как раз тут-то, по-моему, все в порядке.

Сизиф расплылся в сладчайшей улыбке гостеприимного хозяина и полусшепотом пропел девочке:

— Сядь на коленку дядечке, воробышек. Быстренько...

Однако Танатос так же холодно жестом остановил её:

— Это лишнее.

Сизиф грустно вздохнул и сделал последнюю попытку:

— Тогда, может быть, чашечку кофе с дороги или рюмочку армянского коньяка?

— Не утруждай себя понапрасну. Поверь, у нас с тобой есть чем занять досуг.

Танатос встал, подошел к стоящему на коленях Сизифу, взял его руку и начал считать пульс. Затем велел открыть рот и, внимательно осмотрев гортань, сдавил рукой горло.

- Пока все в порядке. Скажи: а-а-а...
- Сизиф, давясь от нехватки воздуха, проблеял:
- И-и-и...
- Я просил тебя сказать — а-а-а...
- Поблудневший до цвета полотна Сизиф выдавил:
- И-а-а...
- Иа. Какой знакомый звук, не правда ли?..
- Сизиф затравленно пробормотал:
- Простите, но я вас не совсем понимаю, Величайший.
- Понимаешь!.. И еще как понимаешь, трепло!.. Как ты себя чувствуешь, секс-маньяк?
- Вы имеете в виду, как именно в данный момент, или вообще? Вообще прекрасно... А сейчас? Относительно...
- Ты что, знаком с теорией относительности ученого из будущего Эйнштейна?
- Увы, Великий, но возможность заглядывать в будущие века пока даны только богам. Насколько я знаю...
- Твоя любимая жена молода?
- Не очень.
- Так же красива и соблазнительна, как и эта?
- Нельзя же, Великий, всем жениться только на красивых. Надо же кому-то и умных брать в жены.
- На печень не жалуешься?
- Ну, разве что после острого.
- Селезенка, поджелудочная?
- Как часы. Даже не знаю, в каком точно месте они находятся.
- А сердце?
- В этой груди, Великий, бьется сердце молодого льва!
- Скорее шакала.
- Сизиф сделал вид, что не расслышал последней фразы.
- Пожалуй, вы правы, Величайший! Действительно, было бы совсем неплохо обследоваться. Последние годы я совершенно безобразно отношусь к своему здоровью, не понимая, как оно важно для подданных моего царства! Надо немедленно лечь в олимпийскую спецбольницу и сделать анализы. Проверить кровь. Да, вы подали мне прекрасную мысль, Великий, а главное, как всегда, удивительно вовремя, и грех было бы ею не воспользоваться.

Сизиф встал и хлопнул в ладоши, вызывая прислугу. Однако никто не появился. Он хлопнул еще раз, но результат был прежний. Ясность мысли и бьющая через край энергия почему-то покинули его. В голове звучала где-то ранее слышанная фраза: «Ты можешь от всех скрыть свой недуг, но как скрыть гром погребальных барабанов?»

— Они вас боятся, Великий!

— Черт с ними, пусть боятся, лишь бы любили, — мрачно изрек Танатос.

— Ах, если бы вы знали, Величайший, сколько мои подданные, да и я сам, говорим о вас хорошего! А что может быть приятнее Богу, чем не навязанная, честная, бескомпромиссная, преданная и безбрежная людская любовь. Не дешевая лесть, столь противная и вам, и мне, а искреннее чистое чувство! Надеюсь, тут вы будете согласны со мной?

— На похоронах Чингисхана, я сам слышал, как кто-то сказал: «Он был чуткий и отзывчивый».

Сизиф потихоньку начал впадать в панику. Он видел, что на всемогущего Бога Потустороннего мира не действуют такие привычные и стократ обкатанные им подручные средства, как лесть и подкуп. Он прекрасно понимал, что в подобные моменты неважно, что-ты говоришь, — важно кому, и если слова бессильны, надо искать что-то иное. Но что? В его арсенале оставались разве что пытки. Но уж это был совсем не тот случай...

— Хотя надо вам сказать, Великий, что именно последние годы я ощущаю особенно могучий прилив сил и чувствую себя просто прекрасно. Говорят, что старость мужчин наступает в тот момент, когда вид хорошенькой женщины вызывает у него только ностальгические воспоминания. У меня же, Великий, образ любимой красивой женщины будит в сердце надежду на ответное чувство, горячит и будоражит кровь и вызывает страстное желание немедленно овладеть ею!

— Хватит болтать, любезный. Если дурные привычки так глубоко засели в твоей грязной крови, сделай переливание. Сядь и помолчи. Я устал от тебя.

— Молчу, молчу, Великий, я весь внимание.

— Я догадываюсь, какую кару придумает тебе Зевс. Наш Великий изобретатель в подобных делах — покруче Архимеда. Я догадываюсь...

— А я, Великий, к своему глубокому сожалению, невежеству и отсутствию вашей прозорливости, нет. Нет вашей тонкости ума, умения предвидеть в будущем даже самые мелкие и незначительные детали и, наконец, увы, нет ваших крыльев для полета.

— Кстати, по части полета. Ты знаешь, почему кошка мечтает о крыльях?

— Нет, Великий, даже представить себе не могу.

— Ей хотелось бы полакомиться еще и летучими мышами. Так что, дай их тебе Зевс, ты бы оплевал весь мир и сверху. Да и предательством куда как легче заниматься — обзор местности шире.

— Постой, постой, Величайший, я, кажется, понимаю, в чем дело. И вот тут Великий Зевс ошибается! Поверь, я не виноват в том предательстве. Клянусь своей жизнью, я не передавал жене Зевса Гере никаких сведений о красавице Ио. Тут совесть моя кристально чиста!

— Я всего лишь олимпийский чиновник. Мой высочайший шеф дал мне задание, и я обязан выполнить его без учета собственных привязанностей и суждений. Но в данном случае — дело не в красавице Ио. Ты помнишь дочь царя Осаноса?

— Не могу уловить нюансов, Великий. Не доходит подтекст. Склероз, очевидно...

— Ты что, забыл эту очаровательную малолетку?

— Ах, нет, нет! Как можно забыть эту красавицу! Кстати, насчет её юного возраста. Поверь, к тому времени она абсолютно созрела для любви. Ты бы видел её формы... Они, могли свести с ума любого мужчину!

— Мне можно продолжить?

— Вне всякого сомнения, Величайший. Но очень хотелось бы узнать, какой у вас источник информации по этому поводу?

— Нет проблем — «Древнегреческий словарь» под редакцией Самуила Рабиновича, том 1, страница 260, третья строчка пятого абзаца сверху. Показать?

— Спасибо, Великий, да разве я могу усомниться в ваших словах? Но какая жалость. Именно этого тома как раз и не хватает в моей дворцовой библиотеке. Кстати, Великий, разве можно верить даже печатному слову какого-то там Рабиновича? А тем более с именем Сема? Мне кажется, что в наше свободное, интернациональное, великое историческое время это по меньшей мере несерьезно... Вот если бы автором этого издания был какой-нибудь коренной грек, или римлянин, или, наконец, даже просто армянин — это другое дело. Но, простите меня, — Сема Рабинович... Это за гранью...

Нет, конечно, приятно, что я, хоть и в нескольких строках, все же попал в историю. Хотя, честно говоря, если уж и попадать в твердый переплет, то хотя бы со своим именем на обложке. Кстати, Величайший, вам никогда что-либо из личных любимых органов не защемляли в железных тисках?

— Пока Зевс миловал.

— Так вот, в тот момент, когда царь Осанос лично давал мне вопрос относительно того, кому его красавица дочурка втихаря подарила свою девственность, одна из интимных частей моего тела как раз познавала в пыточной камере это тисочное, ни с чем не сравнимое блаженство!

— Сочувствую, но, увы... Все под Зевсом ходим.

Танатос достал толстую папку документов и начал листать одну бумагу за другой:

— Читаем дальше: в этом же доносе ты нанес большой материальный ущерб государству Аттика и изнасиловал его царицу. Молчишь?

— Если рыба молчит, Великий, то это не всегда означает, что ей в этот момент хорошо...

— Та-а-к. С этим ясно. С этим понятно. Здесь ты опять лишнее сболтнул. Тут обесчестил. Тут опять развращал малолетних. Тут тоже. Тут сразу нескольких, и мальчиков в том числе. А здесь... Ой-ой-ой!.. И откуда только у тебя столько сил в мошонках?! Да еще после славных тисков Осаноса?!

— Увы, собственные ошибки мы тоже творим собственными силами... Кто закладывал, Великий? Если не секрет? Можно хотя бы нескольких... по именам?

— В основном хорошие люди.

— Хороших людей, возможно, и больше в мире, но плохие почему-то гораздо чаще встречаются... Не правда ли, Величайший? Узелок с сухофруктами и сухарями собирать?

— Не думаю, что он тебе понадобится. В царстве теней правителя Аида души находятся на полном потустороннем обеспечении. Ведь как ни говори, но у всех перемещенных туда — отдых вполне заслуженный. Кстати, зачем ты держишь у себя в спальне очаровательную женскую головку, заспиртованную в хрустальной вазе?

— Исключительно для интерьерера. Та прелестная рабыня к этому времени уже давно бы состарилась и превратилась в сморщенную обезьянку, годную разве что только для кухонных работ. А так её аккуратно отделенная в ранней молодости от туловища головка радует мой взор уже много лет. К сожалению, у меня в то время не было достаточно большой хрустальной вазы для сохранения и божественного её тела. Кстати, её очаровательные грудки и почка так же обрели вечность, но в других покоях дворца.

— Эстет...

— А то, Великий! И все-таки, может быть, по рюмочке армянского? Коллекционный! Из подвалов Ереванского винзавода, Великий. Живем-то всего один раз! Но зато каждый день...

Танатос подустал и начал понемногу сдаваться на настойчивые уговоры Сизифа.. Он уже то и дело искоса поглядывал на танцовщицу, и в его поначалу ледяных глазах начали вспыхивать игривые искорки. Сизиф давно отметил это и стал нажимать сильнее:

— Как на вас, Великий, действует сегодняшняя ветреная погода?

— Не скажу, что я так уж метеозависим, но голова потрескивает... Скорее всего, давление падает... И я сегодня... как-то не очень уверен в себе...

— Что вы хотите, на улице просто ураган. Поверьте, коньячок с лимоном поднимет вам давление, и жизнь станет совершенно другой!

Сизиф разлил коньяк по бокалам и бодро произнес тост:

— Как говорили наши мудрые предки: не уверен — не сомневайся! Ваше атлетическое сложение, Великий! Кстати, как крылышки? Не мешают? А то ведь можно и скинуть.

— Спасибо. Только в бане.

Сизиф придвинулся почти вплотную к Танатосу и интимно прошептал ему на ухо:

— У меня во дворце потрясающая! Финская! С сухим паром! И с банщиками женского рода! Пьём за вашу лету-честь, Великий!

— Спасибо. Честно говоря, я больше уважаю славянскую с мокрым паром и крапивным веничком.

— Ради бога! Организуем, хоть с лавровым. За вашу исключительную стойкость и принципиальность, Величайший!

— А тебе не кажется, милейший, что все это напоминает использование должностного лица при исполнении им служебных обязанностей в личных целях?.. А ведь на этот случай есть хороший и очень строгий закон на Олимпе!

— Хороший закон, Великий, и нарушить приятно! Не правда ли?.. Позвольте, я вам освежу бокальчик?.. Тут давеча, Великий, вы интересовались, хороша ли моя любимая половина. Имею их целый гарем, и только горячо любимых и хорошеньких. А сами-то вы как в этом вопросе?

— Холост. И думаю, это надолго. Навсегда!

— О, Великий, я преклоняюсь перед вашей стойкостью! Это же как надо любить всех женщин мира, чтобы решиться навечно остаться холостяком!

— Кстати... этот воробышек... эта маленькая птичка... этот...

— Обязательно, Великий! Всенепременно! Это у меня только для высочайших гостей! Именно в этом ключе и дресировал... Так сказать, дежурное блюдо для Великих! Позвольте пригласить к столу?

— Нет... Нет... К столу не надо... Я предполагаю, что в таком большом дворце найдется...

— Бесспорно найдется, Великий... и с очень удобной и широкой...

— Не надо конкретизировать, мой мальчик... Не надо... Лучше освежи мой бокальчик...

— Ах, если бы вы только знали, Великий, какими делают годы жен! Какой они набираются самоуверенности, настырности, наглости и злости. Краски невесты быстро блекнут, а дети, едва появившись на свет, своими дикими воплями буквально перепиливают брачную кровать!

Заметьте! Ведь даже птицы, и те перестают петь, когда птенцы запищали в гнезде. Только и знают, несчастные, что таскают от зари до зари червяков в клюве!

Танатос нетвердо встал на ноги и пылко произнес, высоко подняв бокал:

— Вот именно поэтому, мой дорогой друг, мужики, умудренные опытом, и не жаждут брака и не дают окрутить себя сразу, связав по рукам и ногам, как в это вляпываются глупые пылкие новички!

— О, как вы правы, Великий! Для продолжения рода необходимы лишь жалкие глупцы с червяком в клюве, одуревшие от весенних чар природы. Но я не сомневаюсь, что уж кто-кто, а мужчина ваших лет, Великий, прекрасно знает, как надо пронести палец мимо обручального кольца!

Сильно охмелевший Танатос бросил портфель на пол и обнял Сизифа. Документы рассыпались по полу, и танцовщица бросилась их подбирать, по ходу демонстрируя свои столь притягательные ягодицы. Танатос поднялся с трона и шатаясь начал помогать ей, то и дело лапая за коленки, грудь и прочие соблазнительные места. Наконец он просто обнял её, и они вместе свалились на пушистый ковер из шкур снежных барсов.

Сизиф захлопал в ладоши и закричал: «Браво!» Танатос с трудом поднялся и, игриво погрозив пальцем танцовщице, пропел:

— Это чуть попозже, моя маленькая и такая аппетитная птичка... Но непременно!.. Непременно!..

Он добрался до трона, пригубил услужливо поданный Сизифом бокал, еще раз лукаво погрозил пальцем девочке и, то и дело запинаясь и забывая слова, обратился к Сизифу:

— Как тебя, мой послественный... подследственный... обзывает мой начальник?..

— Сизиком, Великий.

— Во, во!.. Именно... Если не возражаешь, я тоже тебя буду так же... величать... мой царь Коринфа...

— Буду счастлив как можно чаще слышать это ласкательное имя из ваших божественных уст, Величайший!

— Так вот, Сизик, как-то на Олимпе мне подсунули одну... Ничего с виду... Эдакая клубничка... Все на месте, все при ней... И плетка в руке... Из кожи бегемота. Я даже было уже начал подумывать... Но потом узнал её имя и просто обалдел!.. Понимаешь?.. Просто обалдел... Ты знаешь, как её называли родители? Страшно произнести... Страшно...

— Даже представить себе не могу, Великий!

— Тсс! Чтобы никому!.. Понял? Язык вырву! На ви-той кол посажу! Сварю в смоле!.. Ты понял меня?

— Могила, Великий! Как в цинковом гробу... запаян-ный!..

— Вот то-то!.. А звали её так же, как супругу Великого Зевса! Понял?.. Мегера!.. Теперь тебе понятно, почему у хозяина Олимпа так часто портится настроение? Понял? Но никому чтоб!.. Тсс!.. Ме-ге-пра! Ме-ге-пра!.. Мегерочка... Ха-ха-ха... Но — тсс! Убью, зарежу!.. Ну, каково? Представляешь?! Вот уж поистине была бы сладкая парочка: Танатос и Ме-ге-пра! Бр-р-р!.. Ха-ха-ха!..

Коньяк действительно очень... очень хорош... Где ты его берешь, проказник, сукин сын, негодяй, вор и подлец?! Обожаю...

— В этом лучшем из миров, Великий, мало быть просто человеком, надо везде быть еще и своим человеком! А главное — знать места.

— Поделишься адресочком с другом Тоником?

— Нет проблем, Тоник!

— Вот так мне больше нравится... Тоник — и все! А то — Великий! Величайший! Фу, противно... Без формальностей... Проще надо быть, Сизик! Проще, как дедушка Ленин... Ну, про этого ты еще не знаешь... Этот прохвост со звериными повадками и калмыцкой рожей будет пить кровь много позже... А тебе, Сизик, у нас, то есть в мире теней, где тихо спокойно, елейно, будет хорошо, очень хорошо!.. Уж я об этом позабочусь. Мы тебе хорошенькую кару

подберем... Живи — не хочу... Тебе у меня будет весело. Даже очень весело... Мертвых в мире большинство, и количество их все растёт и растёт! Живых на этом свете становится все меньше и меньше!.. Скоро их совсем не будет... Согласен?

— Как можно не быть с вами солидарным, Великий?

— Ну вот тебе — опять Великий... Запомни: для друзей я Тоник! Понял?

— Усек, Великий, — Тоник!

— То-то...

Сизиф наполнил кубки и, чокнувшись с Богом, осушил его до дна. Танатос последовал его примеру. Сизиф всхлипнул, вынул платок, громко высморкался и заплакал тихим щенячьим воем:

— Мне себя жалко, Тоник. Если бы ты знал, как жалко... Веришь? Я этой жизни отдал свои лучшие годы... Самые лучшие... Обидно... до слез...

— Не реви! Не надо! У нас с тобой еще все впереди... Поверь большому специалисту своего дела: второе дыхание приходит... это я тебе говорю, слышишь? Бог смерти!.. Так вот, оно приходит с последним выдохом! Понял? Будь здоров и не мочись от страха в штаны... Понял?!

— За что я тебя уважаю, Великий Тоник, так это за демократичность! Человек всегда должен оставаться человеком, даже если он выбился в люди! Правильно я рассуждаю?

— Верной дорогой идешь, товарищ!.. Верной!.. А теперь я немного вздремну, Сизик... Немного... У нас с тобой еще большие дела впереди... Понял?

***

Сизиф закончил воспоминания и вновь вернулся к суровой действительности загробного мира. Солдат, раскрыв рот, сидел на бревне, зачарованный, и ошалевшими глазами глядел на старика.

— И куда ты отнес его, Великий?

— В клетку. У меня в соседней комнате стояла огромная золотая клетка. Раньше я держал в ней уссурийского тигра.

— А зачем тебе был нужен уссурийский тигр?

— В обычные дни я пугал им новых, еще свеженьких наложниц. Страх прекрасно возбуждает не слишком горячих девочек и будит в них неумную страсть. А по праздникам развлекал им народ.

— Показывал в клетке?

— Нет. Вначале я запускал к нему в клетку очередного нерадивого придворного, и тигр очень забавно развлекался с ним. Особенно если его недельку не кормили. А потом, уже сытого, выпускал на длинной тонкой веревке побегать в толпу. Придворные хохотали до колик. А это большое дело, когда приближенные довольны тобой. Развлекай и властвуй — старинный как мир и очень верный девиз дальновидных руководителей.

— А как же народ? Эта зверюга наверняка могла поранить нескольких человек.

— Поранить? Ты меня сметишь, служивый! Да он запросто убивал несколько десятков ротозеев, а раненых были сотни! Толпа людей — это сборище идиотов. Эти кретины не только не убегали от моего полосатого, но, ухохатываясь от животного страха, еще и подгалкивали друг друга прямо в лапы зверя. Ты был в Испании?

— Воевал там, Великий.

— Ты видел, как эти идиоты выпускают для забавы на улицы боевых быков, и те, врываясь в толпу, поднимают этих недоделышей на рога под восторги остальных?

— Да, Великий! Я и сам с полными от страха штанами играл с этими бычками в Толедо.

— М-да... Впрочем, я и не сомневался в твоих умственных способностях.

— Ну, и как отреагировал на это Танатос, когда очутился поутру в этой золотой тюрьме?

— Представь себе — очень спокойно, в основном он отсыпался. Конечно, трудно было ожидать, чтобы Великий бог спокойно сидел на цепи и лизал смертному руку.

— И как только ты не испугался совершить такое, Великий?!

— Интересно, а что ты мог бы предложить мне в тот момент? Есть что-нибудь пострашнее смерти?

— Нет, нет! У меня никогда бы на это не хватило способностей. Другое дело — в битве. Там дерешься за свою жизнь мечом, копьём, руками и зубами и не знаешь — ты его убьёшь, или тебя порешит враг!

— И опять заблуждаешься. Частенько как раз те, у кого, казалось, и нет никаких особенных способностей, оказываются способными на все!

— А почему ты раньше не ходил к Зевсу и не объяснил, что не виноват в этой истории с белой коровой Ио?

— Искал заяц у волка правду, теперь его самого ищут.

— Это точно! Я тоже однажды по дружбе рассказал ротному, что видел его бабу с капитаном на гумне... Вот и погляди, какой на спине шрам...

Сизиф уже не слышал последней фразы солдата, он вновь с головой погрузился в воспоминания. Он опять сидел на своем золоченом троне, а рядом стояла клетка с Танатосом, читающим книгу.

***

— Наслаждаешься величием подлеца, Сизик?

— Ты, как обычно, прав, Тоник. Да, наслаждаюсь!

— Наслаждайся, наслаждайся.

— Может быть, ты считаешь, что я делаю это незаслуженно?

— Нет, отчего же. Я этого не сказал. Вполне заслуженно. И человечество тебе этого никогда не простит.

— Ты хотел сказать, Тоник, не простят боги. Так, по моему, твой отряд спасательного олимпийского спецназа несколько запаздывает?

— Запомни: мессия никогда не запаздывает, мессия держивается, и иногда на тысячелетия...

— Скажи честно, разве тебе у меня плохо? Я недостаточно хорошо забочусь о тебе? Ты спишь, и не один, на моем царском диване. Мой, а теперь уже и твой воробышек старается изо всех сил. Тебя кормят из золотой посуды с моего царского стола. Да, амброзии, нектара и птичьего молока, правда, нет, но это дефициты, которые нам, смертным, земными богами просто так не выдаются. Моя библиотека в твоём полном распоряжении. И при всем этом тебе еще у меня плохо?

— Нет, почему же? Ошейник считается удобным, если он не жмет. А как ты себя чувствуешь?

— Я же сказал тебе — прекрасно!

— Если цапле хорошо, значит, лягушке неважно. Закон сохранения настроения в природе. Я все же не очень понимаю, зачем ты отлучил меня от людей? Я всегда прекрасно находил с ними общий язык. Ты когда-нибудь слышал, чтобы во время моей работы возникали скандалы? Все, как правило, проходит в высшей степени интеллигентно, тихо и спокойно. Часто играет музыка, кругом цветы...

— Что тихо — это верно. Этого у тебя не отнимешь! Никто не ведет себя тише блохи, пиявки и клопа, когда они сосут кровь.

Танатос поморщился и снова взялся за книгу. Потом отложил её и продолжил:

— Ну и сравненьца же у тебя, однако. Мой тебе совет, Сизик. И послушай умудренного опытом олимпийского Бога-клерка: не гонись ты за вечной славой, пожалей несчастную старуху! За ней и без тебя гоняются все кому не лень. Нет ничего вечного на Земле, впрочем, как и не бессмертна сама она тоже! Ведь ты же уже не мальчик и прекрасно понимаешь, что Зевс — не тот дяденька, который может простить такую вселенскую глупость, в которую ты, как последний недоумок, ввязался. Даю тебе последний шанс, причем исключительно в благодарность за воровашка.

Сизиф задумчиво расчесал пятерней уже седеющую бороду, окинул взглядом роскошный тронный зал, весело щебечущих у фонтана террасы девочек, зелень дворцового парка за огромным окном, ломящийся от яств и напитков низкий мраморный стол с уложенными вокруг цветастыми подушками. Оглядел стоящих навтытяжку гигантов-стражников и сидящих на корточках пузатых и щекастых евнухов. Вышел на террасу к гудящей толпе, согнанной стражей, дабы все могли в голос славить царя, и велел нубийцам поднести к нему поближе клетку с Танатосом.

— Ты прав, Великий Бог смерти, я, царь Коринфа, великий, непобедимый, мудрый Сизиф, сегодня сделал Величайшему Богу Земли и Неба Зевсу небольшой подарочек!

Эдакий наборчик ложечек с дегтем к его медовой бочке! Так что рассчитывать на его божественную милость, как ты понимаешь, мне уже не приходится! Но люди! Мой народ! Все человечество, прогрессивное и нет, все как один человек от малого до старого встанут спиной и грудью на защиту своего спасителя от смерти, за меня! За великого бессмертного Сизифа!

— Ура! — истошным голосом завопил Танатос и громко запел:

— Мы смело в бой пойдем...

за жизнь Сизифа,
и как один умрем
за мудрого калифа!

Браво! Браво нашему бессмертному герою!

Сизиф презрительно взглянул на узника клетки, демонстративно сплюнул в его сторону и обратился к толпе:

— Пусть ко мне выйдет хоть один человек, который не боится смерти! Пусть найдется хоть один из стоящих здесь смертных, который не хотел бы жить вечно! Пусть хотя бы поднимет руку тот, кто не выступит в мою защиту! Сейчас! Сегодня! Всегда!

Опьяненный собственным величием, величием своего бессмертного подвига во имя народа, своей короткой напыщенной речью, Сизиф торжествующе перевел взгляд на клетку и обратно на толпу.

— Повторяю! Пусть этот человек выйдет ко мне! И мы все посмотрим на это чудовище! На этого вурдалака! На этого вампира! Я жду!

И он встал в позу Наполеона, сложив руки на груди, высоко подняв голову.

И вдруг толпа расступилась, и к его ногам, целуя колени и стопы, с громким плачем припала сморщенная, чуть живая старушка. Сизиф кокетливо тряхнул головой, поднял бедняжку с колен и мягко, с интонациями доброго доктора Айболита пропел:

— Ну, что вы, что вы, мать! Мамочка! Мамурочка! Мамуся! Поднимитесь скорее с коленочек! Я так рад! Так рад! Я просто безумно счастлив, что могу хоть чем-то помочь вам! Солнышко вы наше!

И повернув голову к клетке, он вновь картинно встряхнул головой и, явно адресуя свою речь Танатосу, обратился к толпе:

— Это там, на этом высоком и уже порядком одряхлевшем Олимпе, кое-кто считает, что человек человеку друг. У нас же на Земле человек человеку — друг и Брут! Извините! Я хотел сказать — друг, товарищ и брат! Я прав, мамаша?!

Старушка, пытаясь унять громкие рыдания и утирая ручьем текущие слезы, вновь припала к его коленям и начала причитать:

— Прав он, прав он, люди... У меня было одиннадцать детей. Одиннадцать...

Она протянула Сизифу мятый папирус, продолжая рыдать:

— Вот взгляните, Великий, как их звали.

Сизиф взял папирус и, делая вид, что внимательно читает имена, поставленным актерским голосом произнес:

— Прекрасные имена, мамочка! Прекрасные! Представляю, какие это были замечательные парни! Орлы! Соколы! Герои! Такими сыновьями, мать, может и должен гордиться Коринф! И что же ты хочешь от меня, моя дорогая? Говори, не стесняйся. Я выполню все твои просьбы! Ибо просьба любой матери — для меня непреложный закон!

Старушка встала, подошла к клетке с Танатосом и, вцепившись в золотые прутья клетки, начала их неистово трясти с криком:

— Ирод! Ирод! Убийца! Всех забрал! Всех! Всех подобрал, до единого! Будь ты проклят!

Сизиф укоризненно покачал головой и сурово бросил Танатосу:

— И не стыдно тебе? Всех подобрал! Всех до единого! Я краснею за тебя, бессердечный убийца!

— Хотя бы одного оставил! — голосила старушка.

Сизиф вторил ей:

— Тебе трудно было оставить хоть одного кормильца! Подлец!

Старушка продолжала рыдать:

— Хоть бы одного, чтобы было кому схоронить меня. старую...

Сизиф вторил ей:

- Схоронить её, несчастную!
- Закрывать глаза мои выплаканные...

Сизиф тоже начал всхлипывать:

- Закрывать её старческие выплаканные глаза...

Старушка, тыкая пальцами в список сыновей, причитала:

- Вот хотя бы этого. Или этого...

Сизиф захлопал носом:

- Этого или этого... Негодяй! Боже мой! Какой же ты негодяй! И носят же таких подонков крылья! И не проваливается под ними мать-земля!

Он высморкался, вытер слезы головным платком старушки и обратился к толпе:

- Люди! Кто же из вас сможет спать спокойно под стенания этой безутешной матери?! Кто? Этой несчастнейшей из матерей?! Я рыдаю с ней и с вами, мои люди! Так послушайте меня, вашего Великого Царя! Вашего отца! Вашей матери! Вашего мудрого старшего брата! Отныне этого не будет никогда! Запомните этот день, этот час! Эту минуту! Это историческое святое мгновение! Ни-ког-да!

Это говорю вам я! Великий герой! Величайший царь Коринфа! Отныне смерти в мире нет! Повторяйте хором за мной: Смерти нет! Смерти нет! Смерти нет! Да издохнет её творец, властелин и убийца Танатос!

Толпа с энтузиазмом повторила слова царя-героя.

Сизиф взял старушку за руки, прижал к своей груди и поцеловал в макушку.

- Успокойся, мамаша, успокойся, милая ты моя! Все пройдет. Все! Запомни навсегда мудрые слова своего спасителя и повелителя, царя царей, Сизифа: главное в жизни, мамаша, — это сама жизнь. И я дарю её тебе навечно!

Старушка, целуя руки героя, упала наземь и громко запричитала:

- Отпусти его, прошу тебя! Отпусти его, ирода, на свободу! Умоляю тебя!

Сизиф с недоумением, а скорее, слегка обалдевший от неожиданности, взглянул на старушку и обратился к толпе:

- Народ! Вы слышали, о чем меня просит эта святая женщина? Эта матерная героиня! Эта бессребреница! Эта

мать матерей! Дочь дочерей! Сапожник, портной... Э-э... Извините... Другая на её месте наверняка попросила бы у меня огромную компенсацию за гибель своих замечательных детей! Или, по крайней мере, хотя бы небольшую, достойную её великого горя пенсию! Эта же — нет! Она всем удовлетворена! Она просто-напросто не так уж страстно и, очевидно, что это у неё с самого рождения, не очень любит этот мир! И такое бывает! Редко, я бы даже сказал, очень редко, но... бывает!

Затем обернулся к клетке с Танатосом и уже совершенно другим тоном сказал:

— Ты видишь, убийца, каким милосердным может быть сердце нашего простого человека? Сердце простой матери! Она жалеет его! Как вам это нравится?

Повернулся к Танатосу и воскликнул:

— И при всем при том она еще просит за тебя, негодяй!

Старушка повисла на шее Сизифа. Её ноги висели в воздухе, а голова бессильно уткнулась в его грудь. Кричать она уже не могла, и из её увядшего, искривленного непосильным горем беззубого рта с сипением вылетали не совсем членораздельные звуки:

— Отпусти его. Пусть он, наконец, даст умереть мне. Я больна. У меня уже просто нет сил жить дальше! У меня нет моих детей, ради которых мне бы хотелось жить! Я хочу умереть! Я хочу умереть! Отпусти его! Отпусти!..

И старушка, истово целуя руки отбивающегося от неё Сизифа, с дикими криками поползла за ним на коленях. Упала на землю и начала биться в рыданиях и конвульсиях. Танатос спокойно раскрыл книгу и повернулся спиной к толпе. Сизиф с превеликим трудом оторвал от себя вцепившуюся мертвой хваткой старушку и бледный, обессиленный сел на трон, пробормотав:

— Она не в себе... Она свихнулась от горя... Мамаша, ты действительно очень больна! Тебя нужно срочно лечить, мамаша! Срочно!

Старушка продолжала рыдать, лежа на полу:

— Выпусти его. Выпусти! Пусть он заберет меня... Только меня, меня одну! Ну, отведи меня к нему в клетку. Меня одну! Меня одну!..

Сизиф вытер пот со лба. Подозвал взмахом руки раба, стоящего наготове с чашей вина в руках. Выпил несколько больших глотков и вновь пробормотал:

— Нет, бывают, конечно, исключительные ситуации. Не без исключений же... Вот помню, мой ротный.... Тьфу ты, черт, совсем уже с ума схожу!.. Скоро рюхнусь! Не из той эпохи взял... А ты успокойся, мамаша! Возьми себя в руки! Мы для тебя что-нибудь придумаем в виде исключения! Не реви белугой! Все же мы люди, мамаша... Все человеки... Слава богу, понимаем, что к чему... кто за кем... что почем...

Потом обратился к Танатосу:

— Можешь взять одну? Оказывается, к моему глубокому удивлению, ты все же кому-то из этой земной рухляди еще нужен! На! Забери! Твой кадр! Уважь седины старушки-матери! Я беру ключи...

Танатос нехотя отложил книгу, встал с дивана и подошел к дверце клетки. И, когда тот начал ковыряться в замке, дал ему крепкого щелбана в нос. Сизиф как ошпаренный отскочил от дверцы, вытирая рукавом брызнувшую кровь. Танатос хохотнул и вновь лег с книгой на диван, не обращая внимания на его вопли.

Сизиф взобрался на трон. Придворные начали хлопотать возле царя, стараясь остановить кровь. Подошедший дворцовый врач зажал ноздри рукой и велел принести таз с холодной водой и уксус. Отдышавшись от неожиданности и боли, Сизиф показал обидчику кулак, на что Танатос, хохотнув еще раз, негромко произнес:

— Только сделал мир еще лучше, начинаешь понимать, как он был прекрасен до этой перестройки... В клетке теряешь вдохновение, а смерть без вдохновения... увы... теряет свое воспитательное значение...

Сизиф всхлипнул и, набрав воздух в легкие, произнес, выпятив грудь:

— Значит, насколько я понимаю, ты отказываешься выполнять свой священный служебный долг? Так? Иначе, прости, я не могу квалифицировать твою безобразную выходку! По-моему, ты просто забыл, кто из нас сегодня владеет ситуацией! И это в наше великое время!.. Когда весь наш!.. И вся страна!.. И в едином порыве!.. И нашего Величай-

шего Бога Зевса!.. Это может тебе дорогого стоить, экс-Бог!

— Это кто тебя, дурака, уполномочил снимать с меня божественный сан? Не ты ли сам так решил, придурок?! Я предвкушаю, как ты будешь вопить от настоящей боли, когда наш Великий, Неповторимый и Вездесущий прикажет Богу войны и пыток, извини... дознания как следует поработать с тобой и, наконец, вправить твои глупые бараньи мозги. Поверь на слово, что это будет на несколько порядков покруче моего щечка по носу!

Сизиф жалобно хмыкнул, но, окинув взглядом толпу, не слышавшую негромкие слова Танатоса и, как обычно, привычно вопящую здравицу царю, принял прежнюю царственную позу и обратился к старушке:

— Вот тебе, бабуся, и Танатов день — как любят говорить наши старшие братья славяне. Потерпи, маманя родная! Потерпи, голубка моя красноглазая, прости, ясноглазая. А там глядишь... быть может... я тебе в загробном мире что-нибудь похожее на заслуженный отдых и придумаю. Скажем, ты сможешь прекрасно, не портясь, то есть без микробов, жучков, паучков, червей и смрадного воздуха вечно отдыхать и размышлять о былых земных перипетиях, лежа в удобном гробу глубоко под землей или даже в приличном склепе.

Если же ты любишь деревья, аромат трав, пение птичек, вопли лягушек и трели цикад, я велю повесить тебя на баобабе в том же шикарном гробу, да повыше, так, чтобы слоны не достали. И ты будешь наслаждаться девственной природой, слушая крики краснозадых обезьян и чириканье птичек! Ты же любишь птичек? Не правда ли?

О чем разговор, матушка! В наше-то время? Был бы человек, а уж похоронить-то его — не проблема!

Да и к тому времени еще парочка тысяч дебилов, жelaющих покинуть суету этого мира, отыщется... Так что будешь нежиться в хорошей компании... А пока... Я прикажу приближенным расположить тебя в моих царских покоях. Хоть на старости лет ты поймешь, голубка моя, как удивительна человеческая жизнь, когда она прекрасна!.. Ну да ладно.

Я тут с тобой немного отвлекся от бессмертной тематики, но пора к ней вернуться.

Тоник? Насколько я понимаю, ты и дальше намерен стоять на своих гнусных принципах! Это так?

— Безусловно.

— Да... Человек слова... Эй, приближенный! Сведика, братец, старушеницу к моему личному косметологу и стилистам. Надо ей привить интерес к новой жизни. Пусть бабушку подмажут, подкрасят, паричок ей поигривее подберут на лысую головку. Хорошая косметика — лучший способ дезинформации мужчин. А там, глядишь, и старикана ей подберем из отставников — пенсионеров дворцовой гвардии. О-хо-хо, какая еще конфетка из неё получится. Я это уже вижу... Если её в новом обличьи... да с солдатиком... да еще обоих и на муравейничек уложить... О-хо-хо!.. Учитесь, бездари, что значит царская забота по-коринфски! Или, быть может, вернее будет — по-сизифски?.. Ну, это уж как Бог на душу положит... Ах, как иной раз много значат для обычного человека эти, такие простые... Я сказал бы даже — незамысловатые... красивые слова...

Приближенный, склонив голову, выслушал сентенции царя, но остался стоять.

— Ты почему еще здесь, братец?

— О, Великий, к вам человек.

— Что?.. На сей раз просто... человек?

— Нет, Великий! Скорее, это наш человек!

— Ты меня не пугай! Что? Опять что-нибудь вроде этого... гостя в клетке?..

— Нет, нет, Великий. Это придворная дама.

— Хороша?

— Да вроде бы у неё все на месте...

— Не понял?! Вроде бы... Или на месте?

— У неё все и спереди, и сзади, как у моей третьей жены, Великий.

— Кларисы, что ли? С той, с которой я лет пять назад осчастливил тебя, проведя с ней твою первую брачную ночь?

— Да, да, Великий, именно...

— Помню, помню... Уж тут муравейник точно не был нужен... Проси.

Сизиф поерзал на троне, принимая величественную позу. В зал вошла хорошо одетая, молодая, красивая, слегка полноватая женщина. Подойдя к трону, она пала на колени, доползла до стоп Великого и припала к ним, страстно лобызая. Сизиф, изобразив смущение, попробовал её поднять. Но это оказалось не в его силах. Женщина обхватила его голени руками, и чтобы оторвать её, понадобилась помощь двух огромных чернокожих стражников. Сизиф еще раз скромно вздохнул и с интимными интонациями в голосе почти прошептал:

— Не надо так горячо, так страстно, моя дорогая... Не спеши... У нас еще все впереди... огненная ты моя!.. Считай, что перед тобой не великий гражданин планеты всей, а самый обыкновенный, почти незаметный, ничем не примечательный с виду бессмертный греческий герой! Умный, сильный, честный, страстный, бескомпромиссный... Короче, как я уже сказал, — самый обычный гениальный мужчина...

Он приложил руки к груди, затем широко раскрыл их, как бы показывая всем присутствующим — вот что значит настоящая слава...

— Вот она, настоящая, трепетная, простенькая, ненавязчивая человеческая признательность герою!

Наконец нубийцам удалось оттащить женщину от трона. Она оттолкнула их, сняла висящий на шее огромный рубин и протянула его Сизифу. Сизиф принял подарок как должное и, небрежным жестом надел его на шею, спрятал под одежды.

— Это вам, Великий!

Женщина склонилась в глубоком поклоне. Сизиф скроил якобы не понимающую, в чем дело, физиономию.

— Это вам, Великий, — повторила женщина.

— Мне? А я было подумал, что...

— Вам! Вам! Наш герой! — пролепетала она скромно.

Сизиф взглянул на неё и спросил сурово:

— Это как прикажете понимать? Взятка в рабочее время и при моем народе, в открытую? Да вы знаете, любезная, что за это может быть в наше антикоррупционное время? Страшно подумать!..

Или, может быть, это чистосердечное признание моих выдающихся заслуг? И, наконец, как бы несколько запоздалый подарок к прошедшему дню моего рождения?

Женщина вновь потупила взор и нежно прошептала:

— Так обычно в нашей семье, Великий, встречаются с легендарными...

— Как вы сказали, милочка, с легендарными? Приятно слышать. Какое верно найденное слово: ле-ген-дар-ный... Прелестное слово. Да, как ни говори, но велик, могуч и богат наш великий греческий язык. Язык Сократа, Демосфена, Эзопа и Овидия! Спасибо, дорогая, за скромный дар вашей прекрасной, широкой, полнокровной, упругой, манящей взор груди... Э-э, виноват, души! Дайте я вас обლობызаю.

Сизиф протянул руку ладонью вниз, и женщина страстно припала к ней. Сизиф поправил камень на груди и бросил в зал:

— Когда камень за пазухой, руки свободны для объятий. Кстати, какой прелестный семейный обычай. Я надеюсь, что со временем из него выйдет замечательный пережиток.

Он вновь принял торжественную позу на троне и обратился к женщине:

— А теперь, милая, ты можешь смело и решительно, не боясь ничего и никого, громко, не сдерживая себя и свои чувства и желания, не стесняясь, говорить и говорить слова глубокой человеческой благодарности за мой героический, беспримерный подвиг на благо всего прогрессивного, и даже не очень, человечества! И ничего не бойтесь, милая, здесь все свои! Смерти больше нет и не будет ни-ког-да! Ура! Ура Великому Сизифу! Вашему герою и царю! Ура! Ура! Ура! Я надеюсь, мой народ поддержит меня!

Толпа дико заорала «Ура!», и Сизиф, утирая слезы счастья и умиления, блаженно откинулся на троне:

— Я вижу слезинки в твоих глазах, моя милая. Не надо! Прошу тебя! Не надо принимать мою огромную, заслуженную, беспримерную славу так близко к сердцу! Своему чистому маленькому сердечку. Поверь мне, человеку умудренному громадным, всеобъемлющим, многолетним опытом, — это для него и его сосудов небезопасно!

Сизиф победоносно поглядел на Танатоса и молча развел руки — мол, вот так! И эта тащится от меня, а что поделаешь?.. Танатос ухмыльнулся и, не отрываясь от книги, буркнул:

— При таком бешеном головокружении небо легко может стать булыжной мостовой...

Женщина, продолжая всхлипывать, вновь припала к коленям Сизифа и, пытаясь поймать его взгляд, снова запричитала:

— О, Великий из Великих! Величайший из Величайший! О, бессмертнейший из бессмертнейших! О, герой из героев! О...

Сизиф остановил её мягким жестом, погладил по голове и бережно поднял под локти:

— Достаточно, дорогая. Здесь все свои. Им все это известно. Теперь — обычные человеческие слов, понятные и доступные каждому из присутствующих. Скажу тебе как на духу: ведь подкупает не сама по себе лесть, а то, что ты её достоин! К великому сожалению, да что тут таить, ведь здесь, в нашем с тобой окружении, далеко не все... Далеко!.. Не владеют словом так, как им владеем мы с тобой, моя грудастая душечка. И где же это ты, любопытно, мой цыпленочек, вырастила такую сладенькую грудку? Такую прелесть? И какая консистенция! С ума сойти! После нашей с тобой, надеюсь, взаимно понятной и конструктивной беседы зайди-ка, котеночек, к моему главному еврею, и пусть он запишет тебя ко мне, причем буквально на завтра, на детальный осмотр.

Поверь мне, моя белочка, что и в этом вопросе таких специалистов, как я, надо еще ох как поискать.

Женщина встала, горделиво окинула взором приближенных и толпу и уже менее плаксивым тоном запричитала вновь:

— Спасибо! Спасибо вам, Великий, за вашу чуткость, доброту и невероятную, ни с чем не сравнимую скромность! Могу ли я, ничтожнейшая из ничтожных, невиднейшая из невидных...

Сизиф остановил её жестом:

— А ныне бессмертная трудящаяся Ближнего Востока! Продолжай...

— ...А ныне бессмертная Востока... просить вас об одолжении?..

Сизиф тяжело вздохнул и взглянул на Танатоса:

— Вот увидишь, Тоник! Сейчас она будет добиваться моей любви в кратчайшие сроки. Буквально немедленно! Буквально! Будет умолять поскорее осмотреть её... Ощупать... Обласкать... Подарить ей мою страсть! Моё мастерство в любви... Ах уж мне эти женщины!..

А ведь взгляни на меня! Вроде ничего особенного из себя... Всё, как у всех мужчин... и в тех же местах... И такого же... Так нет! Все! Все до единой!.. То есть буквально какой-то сумасшедший дом. Как будто они все сговорились...

Женщина начала рыдать еще громче.

— Вот тебе пожалуйста!.. Что я говорил? Причем проводил разъяснительные беседы. И не с одной? Мол, все мужики совершенно одинаковы, только зарплата у них разная. Бес-по-лез-но!.. Вы мой! Только мой! И все тут!

Шепотом, полным интима, Сизиф продолжил:

— Не реви! Успокойся, мой зайчонок, моя лисичка... Я же не сказал тебе нет! Более того, я завтра же, завтра... Ты слышишь меня?..

Он вытер ей своим носовым платком глаза и обратился к Танатосу:

— Вы представляете себе, что в таких вот случаях делается с моей главной женой? При виде такого... она обычно хохочет до упаду. Хотя, замечу вам из личного опыта, хохот жены еще совсем не говорит, что она от природы наделена чувством юмора...

Сизиф принял величественную позу на троне и обратился к женщине:

— Продолжай в том же духе, радость моя. Погрей сердце папочки Сизифа.

Женщина перестала выть и обычным, будничным тоном, хрипло и грубо произнесла:

— Великий! Опусты ты этого убийца! Дай подохнуть моему дяде, этому старому похотливому козлу, будь он трижды проклят, сволочь! Без его наследства мне надо будет или лезть в твою паршивую койку, или идти на панель!

Женщина снова завывла истошным голосом и начала хватать обалдевшего от удивления Сизифа за ноги.

— Вот тебе, бабушка, и... Тьфу, ты... Это я уже производил... Нет, как ни говори, но в наш страшный век самого большого уважения заслуживает карманный вор — у того хотя бы умеренные запросы...

Он попытался оторвать от себя вопящую истошным голосом женщину, но все его усилия оказались тщетными, и пришлось звать на помощь могучих стражников-нубийцев, которые тоже проделали эту операция не без труда.

— Пошла вон, идиотка! Провинциальная дура! Тротуарная шлюха! Сучья кровь! Мерзкая крыса! Гоните её в шею! В шею! Дайте ей полсотни плетей и выбросьте на помойку!

Нубийцы уволокли орущую брыкающуюся женщину, которой дважды удалось вырваться из их могучих рук и броситься к клетке с Богом смерти. Танатос, казалось, не обратил никакого внимания на эту шумную сцену. Он медленно перевернул страницу, сделал глоток вина из золотого бокала и, закусив его сливой, удобнее устроился на диване. Сизиф утер разгоряченное потное лицо большим шелковым платком и зло бросил в сторону клетки:

— Извини, Тоник, за слово «тротуарная», достала, подлюга вониючая... Достала героя! Я понимаю, что печатное слово — это большая сила, но непечатное иной раз все же сильнее! Я не секунды не сомневаюсь, что эта курвина дочь теперь на каждом углу будет вопить, что моим каменным сердцем надо мостить мостовые!

Танатос перевернул очередную страницу и негромко обронил, как бы ни к кому не обращаясь:

— Будет, если переживет плети...

Сизиф сделал вид, что не слышал этой реплики, и, знаком подозвав приближенного, тихо зашептал ему на ухо:

— Желающие нормально высказаться еще есть?

— Очередь, Великий!

Сизиф встал с трона и важно обратился к толпе и приближенным:

— Конечно, пора бы закрыть прием на санитарный час и проветрить помещение после... Но давайте все же при-

мом еще парочку, и не больше, людей... Действительно наших людей, для снижения произведенного отрицательного эффекта, который очень существенно испортил политическую атмосферу наших дружественных взаимоотношений с Богом потустороннего мира, отдыхающим в своей... обители.

Произнося последнюю, фразу он бросил многозначительный взгляд в сторону клетки.

— Проси!

К трону важно приблизился мужчина с огромным висячим животом и лорнетом в руке. Сизиф протянул ему руку для поцелуя, тот взял её с той же важностью и стал считать пульс.

— Этот в норме.

Сизиф повернул голову к толпе и разъяснил:

— Этот уважаемый мною и всеми нами человек — мой врач. Личный врач! А, как вы знаете, приближенная к королю пешка всегда входит первой. Этот человек, этот замечательный человек, и я отвечаю за свои слова, — беспредельно честен! Беспредельно! Он честен до такой степени, что, живя практически впроголодь, не берет взяток! Принципиально! Я говорю правду, доктор?

— Истинную, Великий.

— И все же почему? Объясните нам, мой драгоценный, этот удивительный, я бы даже сказал — замечательный феномен. Почему?

— Да просто не дают, Великий, сволочи. А самому вымогать как-то несолидно...

— Да, народец у нас пошел скуповатый, прямо скажем. Скупердяй на скупердяе сидит и скупердяем погоняет! Дрянь людишки! Дрянь! И в кого только они такие... Ну, а моей щедрой царской зарплатой ты, надеюсь доволен?

— Только ею и живу, только ею, Великий, — надеждой на повышение...

— Не будем отвлекаться, мой бесценный...

— Скорее уцененный, Великий.

— На наши сугубо личные, я бы сказал, философские темы, мой любознательный, мы поговорим позже. Сколько ударов пульса вы там насчитали?

— Ровно столько, сколько необходимо для настоящего героя.

— Блестяще. Только так и может быть! Кстати, что это за забавная штука у вас в руке?

— Оптическое стекло, Великий. Подарок великого Архимеда.

— Запомните, мой очарованный, в одной стране не может быть двух великих. Вполне достаточно одного. Надеюсь, вы согласны со мной, моя умница?

— Как всегда, Великий.

— Глядя через эту линзу, вы хотите приблизить меня к себе?

— Скорее отдалить, Великий.

Сизиф грозно приподнялся на троне:

— Я не всегда понимаю ваши неуместные шуточки, мой ехидный! Не соизволите ли объясниться?

— Отдаляю, Великий, чтобы не ослепнуть... от невероятно яркого света, исходящего от вас, Величайший! От мощи вашего ума, героизма и вечной, бессмертной славы!

Сизиф расплылся в улыбке и, обращаясь к Танатосу, произнес:

— Подлец, негодяй, каких свет еще не видел, но чертовски остроумен и крутой специалист своего дела! Как говорится, специалист широчайшего профиля, способен на все. Буквально на все. Я частенько с удовольствием смотрю, как он вспарывает животы и отпиливает конечности, не обращая ни малейшего внимания на истошные крики и не всегда достаточно цензурную брань оперируемых, и думаю: какой блистательный палач в нем пропадает! Какой палач!

Хочу просить его провести курсы повышения квалификации моих катов. Уж больно примитивно они работают со своими клиентами. И чем еще хорош, подлец, умеет очень тонко, увлекательно, а главное — вовремя польстить. Так сказать, подсластить пилюлю. Иной раз бывает так тошно! Так тошно... Заниматься любовью с самыми молоденькими и хорошенькими наложницами и то не хочется. И он в этот момент так похвалит, так подлижет... И как рукой!

Причем я понимаю, что врет же, негодяй, сукин сын, мерзавец! Что все его слова — обычная липкая лесть и я недостойн её! Недостойн! Но... приятно...

Сизиф обратился к врачу:

— А ты не слушай. А то еще возгордишься и начнешь клянчить прибавку к жалованию. Я же вас, паразитов, изучил досконально. Ну, что ты еще хочешь от меня?

— Покажите язык, Светлейший. Боже мой! Сколько же вы вчера приняли на грудь?

Сизиф начал считать на пальцах вначале правой руки, затем перешел на левую.

— Вас разуть, Великий, или сможете уложиться на пальцах только верхних конечностей?

Сизиф еще раз загнул пальцы на правой руке и про бурчал:

— Этим проходимцам-врачам верили бы значительно больше, если бы они жили дольше своих больных и умирали бы от тех же болезней, что и мы.

Затем тяжело вздохнул:

— В общем, много... Тоник, видать, хотел меня спить перед своими выкрутасами, по переводу в другое измерение, но, как видишь, я тут, а он там...

— Да, Великий, основной слабостью крепких напитков является их доступность. Вы доиграетесь до белой горячки, Бессмертный. Позвольте, и простите за вольность, но именно так отныне мне хотелось бы вас величать.

— Валяй. Не сдерживай себя в искренних верноподданных порывах! Это угнетающе может подействовать на твою нежно организованную, тончайшую нервную систему.

У меня есть еще один вопрос. Интересно, и как вы, умный, порядочный, неподкупный человек, расцениваете беспрецедентный, бессмертный подвиг вашего обожаемого патрона?

— Смелость города берет!

Сизиф принял горделивую позу, но врач продолжил:

— Но потом часто не знает, что же с ними делать.

Сизиф возмутился:

— Это вы серьезно?!

Доктор начал хохотать в голос:

— А разве вы когда-нибудь слышали, чтобы я шутил?

Сбитый с толку Сизиф, не зная, как реагировать на выходку доктора, тоже на всякий случай громко рассмеялся.

— Ну а все-таки? Кроме шуток?

— Видите ли, Наш Бессмертный, люди Земли, по своей неразвитости и ограниченности, могут и не оценить в должной мере, по достоинству, все огромное значение вашего беспримерного в истории всего прогрессивного человечества поступка! Не сомневаюсь, что лично вы, Великий, плевать на это хотели с Вавилонской башни! И я ни на мгновение не сомневаюсь, что лично вы сами сделаете это значительно лучше. Да здравствует Великий герой Сизиф! Гип-гип ура!

Толпа и придворные подхватили и заорали дурными голосами здравцу Сизифу.

— Молодец, эскулап! Не зря я тебя кормлю! Вот сейчас это все действительно становится похожим на такую нужную нам и необходимую именно сегодня правду! Ты слышишь, Тоник, что глаголют по-настоящему мудрые уста и как благодарен мне весь простой народ! Что ты скажешь на это?

— При хорошей рекламе и товар не нужен. Ты своими дурацкими выходками мешаешь мне читать. Кончай скорее этот отвратительный базар. Пожалей мои уши.

— Знаешь, Тоник, я никогда не мог понять, когда ты шутишь и когда убиваешь шуткой.

Отсмеявшись над собственной, очень понравившейся самому остротой, Сизиф достал из-за пазухи камень, подаренный неудавшейся наследницей, и протянул его врачу.

— Для тебя я готов изменить некоторые из своих невыблемых принципов. Гордись! Впервые в жизни я оказываю материальную помощь за моральную... Знаешь, Тоник, в чем основной недостаток прирученных? Их надо постоянно подкармливать, чтобы они исправно служили. Эскулап, у тебя ко мне еще есть вопросы? А то теснят государственные дела. Кстати, не забудь после окончания этого чествования поставить мне королевский клистир с благовониями и мылом. После вчерашнего излияния меня чертовски пучит.

— Не излияния, Великий, а обжирания. Готовьте задницу, за мной дело не станет.

Сизиф окликнул Танатоса:

— Тоник, не хочешь получить незабываемое наслаждение? Мой Авиценна ювелирно делает и эту процедуру! Ювелирно! Прочищает даже мозги!

— Для этого надо их иметь, — буркнул Танатос, не отрываясь от книги.

Врач достал толстый фолиант, важно открыл его и медленно, с большим достоинством начал читать:

— Болезнь есть отсутствие здоровья. Согласны?

Сизиф кивнул головой.

— Смерть есть естественный, закономерный конец любого, повторяю, любого живого существа, и в том числе прекращение индивидуального состояния человека. Согласны?

Сизиф, еще не понимая, к чему клонит врач, важно кивнул головой.

— Тогда простите меня за некоторую вульгарность, Великий, но на фига козочке баян?

Сизиф вытаращил глаза и в недоумении уставился на врача:

— Не понял?

— А что же здесь непонятного, Великий? Вы спрашивали мое мнение, я вам отвечаю. Скажите, патрон, вы станете тратить на меня деньги, если наверняка будете знать, что никогда не умрете ни от одной болезни?

— Ни-ког-да!

— Так вот я и говорю: на фига козе баян?

Сизиф побагровел от ярости. Глаза налились кровью. Кулаки судорожно сжались. На скулах набухли желваки. Он соскочил с трона, схватил врача за грудки и завопил, брызжа слюной:

— То есть ты, гнида, осмеливаешься спрашивать меня, ради чего я, рискуя жизнью, добывал человечеству бессмертие? Зачем я рисковал и смертельно рискую сейчас? Зачем я с утра до вечера выкручиваю мозги набекрень, как умо-заклученный, и думаю, что же я скажу разъяренному Зевсу?! Как извернусь на Страшном суде? И за какое место он повесит меня на железный крюк в царстве теней Аида?! И ты, дегенерат, жертва неудачного зачатия, еще осмелива-

ешья усомниться в правильности и необходимости моего бессмертного подвига? Да перед тобой, дубина, стоит второй Прометей!! Да, да! Именно Прометей, но еще более страшный! Ты осмеливаешься спрашивать меня, уже практически человекобога, прав ли я? Нет, тебя, уroda, я не спросил! Прости, ради бога, пожалуйста, убогого человечка, недодельша Сизифа!.. Да я многое и многих повидал на своем веку, но, признаюсь, такого наглого мерзавца еще не видел! Это высшая степень низости! Тоник, ты согласен со мной? Вырастил змею на груди! Вот уж верно: если Зевс хочет наказать человека, он в первую очередь отбирает у него друзей! И он прав! Тысячу раз прав!

Танатос отложил книгу и с улыбочкой иезуита ответил за врача:

— А ты, старик, лучше держи при себе врагов. Уж они-то, поверь мне, куда вернее друзей. Настоящий враг никогда и ни на кого тебя не променяет. По-настоящему хороший и верный враг будет верен тебе до гроба. Он первый бросит горсть земли на твою крышку. Можешь не сомневаться. Уж лучше меня, опять же поверь на слово, этого не знает никто. А самый верный способ обратить друзей в заклятых врагов — это добиться в жизни значительно больших успехов и благ, чем этого смогли добиться они! Кстати, совершить героический подвиг и при этом еще остаться в живых и на плаву — это из той же оперы, дружок. Но боюсь, что последнее тебе, увы, не грозит...

Сизиф мрачно возвратился на трон и вновь обратился к врачу:

— Он прав! Ты слышишь меня, потенциальный висельник? Он тысячу раз прав. Иди и скажи моему личному палачу, что я тобой недоволен.

Врач спокойно закрыл свой фолиант и молча пошел к выходу. Сизиф привстал и крикнул ему вслед:

— Вернись! И верни мне камень! Мне не нужен лекарь, который думает не о здоровье и благополучии человечества, а о своем туго набитом кармане! И быть может, получишь его обратно только тогда, когда сможешь доказать своим неопровержимым поступком, что ты действительно стал моим настоящим заклятым врагом! Понял? Иди! Подонок!

Врач возвратил камень и вновь направился к выходу. Вслед ему неслись проклятия Сизифа:

— Замордую засранца! Отрежу уши, язык... и все остальное! Потом посажу на шершавый кол, смазанный медом с живыми термитами, и ты подохнешь страшной смертью! Обезьяна!

Врач спокойно обернулся и со смешком бросил через плечо:

— Ничего из этого не выйдет, Великий. Я теперь, как и вы, — бессмертный!

— Не радуйся! Уж для этого случая я специально на полчаса выпущу Танатоса из клетки!

— Выпустить-то его несложно, и он будет этому очень рад. Но я с удовольствием понаблюдаю за тем, как вы его водворите в клетку обратно.

Сизиф схватился за голову и застонал:

— На кого теперь можно положиться?.. На кого можно опереться честному человеку в этом страшном, безнравственном, лживом мире?! Людей нет! Остались одни собаки! Одни! Танатос, не отрываясь от книги, произнес:

— Только не вздумай, наш высоконравственный, научить собак разговаривать и думать по-человечески, а не то лишишься и последних друзей!

К трону на коленях подполз приближенный:

— К вам судья, о Великий!

— Прекрасно! Вот уж кто действительно сейчас мне необходим, так это он! Законное правосудие в моем Коринфе еще никогда не подводило ни одну законную власть! Проси.

В зал вошел маленький вертлявый человечек с бегающими глазками. Сизиф радостно протянул ему руку, и судья подобострастно припал к ней в долгом смачном поцелуе:

— Милый человек! Дорогой мой, любимейший дружок и помощник! Брат! Как я рад в эти счастливейшие для человечества часы созерцать твое открытое, честное, неподкупное лицо!

Заслонив собой клетку и стараясь сделать это незаметно, украдкой, Сизиф надел на шею судьи камень, только что отобранный у врача:

— Пожалуй, ты единственное из еще оставшихся честных лиц в моем государстве! И я, как всегда, буду рад слышать твои трезвые правдивые речи и наслаждаться твоим несравненным демосфеновским красноречием. Об одном попрошу тебя, мой кристально неподкупный! Дай я облобызаю тебя, любимый ты мой!

Сизиф протянул ногу, и судья вновь припал к ней с той же верноподданнической страстью.

— Как бы ни тяжела была твоя правда, наша правда, не стесняйся, режь её прямо в морду лица батьке Сизифу! Прямо в его честные глаза! Режь наотмашь, с размаху, со всей силы, не боясь ничего!

Судья, окончательно не понимая в чем дело, низко поклонился повелителю. Сизиф снял с пальца дорогое кольцо и, оглядываясь, не видит ли Танатос, отдал судьбе, и тот ловко бросил его в карман. Затем, встревоженно заикаясь и сильно шепелявя, обратился к Сизифу:

— Страна гудит, Великий! Известие о вашем беспримерном в истории человечества подвиге достигло самых удаленных уголков нашей необъятной родины! Народ ликует от охватившего его счастья даже под угрозой гибели от страшного голода, начавшегося повсеместно!..

Сизиф изобразил на лице легкую приятную улыбку и ласково обратился к судьбе:

— О какой смерти ты говоришь, мой милый? Смерти в солнечном и подлунном мире больше просто не существует! Нет её больше на планете Земля, родной мой! И при нашей с тобой жизни никогда не будет! Она здесь! В этой золотой клетке!

Сизиф ткнул пальцем в Танатоса. Танатос презрительно посмотрел на него и спокойно бросил:

— Не тычь пальцем в Бога. Тебя хотя бы в раннем детстве учили приличным манерам?

Сизиф усмехнулся, бросил презрительный взгляд на судью и, взяв его за грудки, прошипел:

— Ты слышал реплику Бога? Итак, повтори, о чем ты там вначале бубнил?

— Навероятно, но животные не дохнут, даже если их разрубить на части и выпотрошить! Каждая частичка их тела

продолжает жить самостоятельно, и если их вновь сложить... Страшно сказать, но их сердца продолжают биться даже в жареном виде! Люди отказываются есть живые куски мяса — они не перевариваются и шепуршатся в желудке, кишках и даже в горшке! Да, да! Они продолжают жить даже в фекалиях!.. Боже! Это ужасная картина!..

Сизиф вытер пот со лба, разом осушил бокал вина и, совершенно ошарашенный словами судьи, повернулся к Танатосу:

— Великий! Что?.. Происходит?!.. Разве скот тоже на тебе?..

— Увы, на мне все.

Судья, отойдя на безопасное расстояние, продолжал:

— Скошенные злаки не вянут и не сохнут. Мука, едва её вынимают из-под жерновов, опять тут же превращается в зерно!

Он подошел ближе к Сизифу и шепнул ему на ухо:

— И еще. Мне кажется, Великий, что нам трудно будет найти и подвести соответствующую статью в конституции Коринфа на предмет правильного, я бы даже сказал, законного безвременного удержания нашего горячо любимого и всеми почитаемого Бога смерти в этой бессмертной железной обители.

Сизиф поморщился и так же шепотком пропел на ухо судьи:

— Когда ловят миг удачи, не всегда досконально соблюдают правила охоты. Надеюсь, что хотя бы в этом ты согласишься со мной?

— Звучит красиво, Великий. Но боюсь, что к данному делу эту, вне всякого сомнения, светлую мысль не подошьешь. К сожалению, Великий, закон глаголет, что далеко не все, что можно делать безнаказанно, следует делать...

— Ты болтаешь так много и громко, как будто проглотил попугая! Законы пишут люди, а не боги, а это означает, что и в них могут быть ошибки.

Он с опаской взглянул на клетку и пробурчал про себя:

— Иной раз тебе кажется: посеял вечное, доброе и разумное, а глядь, в урожай пожинаешь бурю...

Сизиф подошел к клетке и обхватил руками толстые позолоченные прутья. Танатос отложил книгу и спокойно, с теплой улыбкой спросил:

— Что, герой, тебе тошно? Так походи поставь клистир! Или, может быть, поменяемся жилплощадью? Здесь светло, много свежего воздуха. Из моей хаты с евроремонтом прелестный вид на окрестности Коринфа и двора твоего дворца. Тебя будут кормить так же обильно и вкусно, как и ты меня. Свою малую и большую нужду ты будешь, как и я, не стесняясь, при всех, справлять в этот золотой горшок, оправленный драгоценными изумрудами и гранатами. Ты сможешь по ночам развлекаться со своими великолепными женщинами и читать прекрасные книги из своей богатой библиотеки. Я поговорю с Зевсом, и он даст тебе умереть своей смертью в положенный Книгой судеб срок на этом роскошном ложе.

Мир же вновь обретет свое былое счастье, и люди будут приходить к этой клетке, чтобы в порыве благодарности облобызать твои стопы. Стопы героя, возвратившего миру самое главное в жизни всего земного — смерть! А? Ну, как ты?

Сизиф отошел от клетки, по-братски обнял судьбу за плечи и, отойдя в дальний угол веранды, продолжил с ним начатую беседу:

— Что там творится еще? Говори честно, как на духу. Не скрывай ничего и не бойся палача! Тебе все равно не избежать близкого знакомства с ним...

— Ума не приложу, Великий, как теперь быть с судопроизводством. Мошенники, воры, садисты, взяточники, прелюбодеи стали бессмертными. Как прикажете с ними бороться? Они ничего не боятся, в голос хохочут во время суда и не стесняясь издеваются над правосудием вообще и прокурорами в частности!

— Это как раз просто! Их и не надо убивать! Их надо вечно наказывать. Пытать, топить в колодцах, отправлять в сырые шахты, а затем вешать за шею на палящем солнце для просушки. Впрягать в ярмо вместо быков, снимать с них кожу на барабаны! Представляешь, какой живой звук будет у этих прелестных ударных инструментов! А как красиво

будут выглядеть улицы, когда на каждом фонаре будет висеть, кривляясь в петле, вечно живой хрипящий висельник! А между ними — стоять вкопанные в землю витые кольца с сидящими на них вечно орущими преступниками, молящими бога и царя о помиловании. И заметь, что при том эти сволочи не будут портиться и отравлять воздух городов трупным запахом! Как тебе это нравится?

В общем, масса интереснейшей работы при хорошем полете фантазии специалистов этого дела! Масса! Никогда не надо забывать, дорогой судья, что человек — это единственное живое существо в природе, с которого можно сдирать по несколько шкур! Ты, надеюсь, согласен со мной?

— О, безусловно, Великий! Я счастлив, что живу и буду вечно жить в одну эпоху с вами!

— Я рад этому, мой друг. Я всегда соблюдаю золотое правило: никогда не надо навязывать свое мнение тем, кто с тобой его полностью разделяет! А насчет твоей вечной жизни лично у меня нет такой же, как у тебя, твердой уверенности.

Судья засопел и промямлил едва слышно, про себя:

— Закрывать на все глаза, когда нет другого выхода, — тоже точка зрения.

Сизиф вернулся на трон и уже громко, так, чтобы слышал Танатос, обратился к судье:

— Так к чему же мы в итоге пришли, мой дорогой независимый законник и правдоборец?

Судья безнадежно вздохнул:

— Как всегда, Великий, к такой нужной нам и необходимой именно сегодня правде.

Вы как всегда правы — это раз! Подвиг ваш необходим человечеству, бессмертен и неповторим — это два! И, в-третьих, — вы гений, правдоборец и правдолюбец, а также большой людофил!

Сизиф бросил победный взгляд на Танатоса и, протянув судье ногу для поцелуя, отечески потрепал его по затылку:

— Да, друг мой! Даже если в самом жарком споре, казалось бы, ничего не родилось — поверь, это тоже не так уж и плохо! Это означает, что была жаркая дискуссия!

А нужные нам дискуссии нам очень нужны! И особенно сейчас, когда... Ну, ты, надеюсь, понимаешь, о чем я... Скажи там на дверях, чтобы ко мне больше никого не впускали. Надоели! И пусть гонят в шею толпу этих баранов, что околачиваются во дворе! Я думаю, они сегодня в достаточной мере насладились созерцанием красоты, величия и мудрости своего царя-героя!

Он тяжело вздохнул, пригубил вина и протянул кубок Танатосу:

— Что же делать, Тоник? Похоже, ты оказался провидцем! Завоевать титул героя оказалось делом куда менее трудным, чем удержаться в этом приятнейшем сердцу звании. Чувствую, что мое первое дыхание уже на исходе, а вот второе... что-то задерживается...

— Как видишь, стать титаном — это совсем не просто. Оказывается, для этого надо еще получить согласие у пигмеев.

Но это еще только начало, это только цветочки-лютики. Поверь мне на слово, сейчас они тебя начнут доставать по полной программе. И первым примчится жрец.

— Почему именно он?

— Ты, как тебе дураку кажется, сотворил великое чудо! А тем самым доказал людям, что боги существуют! А разве люди когда-нибудь верили в то, что существует?

Танатос забрался с ногами на диван и, не обращая внимания на героя, вновь углубился в книгу. Сизиф мрачно заерзал на троне. Последняя фраза Бога насторожила его. Вообще, пока, к сожалению, все шло совсем не так, как ему хотелось бы. Народ без подсказки, то есть самостоятельно, не ликовал. Приближенные или пугали, или врали более чем всегда. На светлом безоблачном небе его славы начали медленно, но неотвратно собираться тяжелые грозовые тучи череды сплошных неудач. Он подошел к клетке и попытался обратить на себя внимание Танатоса.

— Башка идет кругом... Как быть? Что делать? Дай совет, Великий!

Танатос, как бы не слыша его, продолжал чтение. Кровь ударила Сизифу в голову с такой силой, что казалось — черепная коробка не выдержит её адского давления и с ми-

нуты на минуту разлетится ко всем чертям. Он крепко стиснул виски ладонями и дико заорал:

— Да брось ты эту проклятую книгу! Поговори с человеком! Тоже мне читатель нашелся! Это тебе клетка или публичная библиотека?

Танатос повернул голову:

— Ну? И что же хочет еще от меня услышать бессмертный герой, кверху дырой?

— Я хочу знать, что ты мне можешь предложить взамен своей свободы?

— Сизик, ты, мне кажется, малость свихнулся в беге по звездной дорожке. Бог не может быть пленен человеком. На то он и Бог. Все может быть ровно наоборот. Ты просто дал мне возможность денек легально сачкануть от своих прямых обязанностей, и я сделал вид, что действительно попал в ловушку. Конечно, было бы приятнее провести эти утренние часы в тихой полутемной спальне с твоим милым пугливым воробышком под бочком, а не на этом шоу-базаре, но зато мне было очень любопытно поглядеть, как без меня мгновенно рушится земной мир.

— Значит, ты мне предлагаешь выпустить тебя, убиенцу, на волю, бахнуть Зевсу в ножки и молить о прощении? Я правильно тебя понял?

— Жизнь, дорогой мой герой, не так проста, как кажется. На самом-то деле она гораздо проще. И не надо ее усложнять никому не нужными телодвижениями. Тебе даже не придется ходить к Зевсу. Мы все премиленько организуем прямо тут же, не отходя от клетки.

— Угу... Утешил... Иду на шашлык — хвастал баран. Так это у вас называется? В общем, с тобой все ясно. Ты как циклоп. У тебя на все одна точка зрения. Ну а я, с вашего позволения, все же чуток пораскину мозгами. Призову на помощь свой богатый жизненный опыт.

Танатос вновь взялся за книгу и повернулся к Сизифу спиной:

— Твое дело. Только прими совет: думая — думай хошенько.

— Ты наверняка сейчас хохочешь надо мной? Так ведь? Ну и черт с тобой! Хохочи хоть до колিক. Тоже мне

шутник нашелся! Висельник! Не бойся — вывернусь! Кому Богом много дано — с того много не взыщешь! Эх, если бы мой жизненный опыт можно было продать хотя бы по себестоимости!.. В Коринфе наверняка бы отпал вопрос о скудости пенсий!

— Так что же тебе мешает, герой? Торгуй себе на здорovie!

Сизиф грустно вздохнул:

— Кому? И за сколько? Покупатели не толпятся в очереди! Может быть, я слишком завысил цену? А? Может, и завысил... А ведь все потому, что наша самооценка нам всегда кажется значительно выше нашей действительной продажной стоимости... Поэтому обычно боишься продешевить...

— А ведь хотелось славы-то? А? Хотелось!

— Хотелось... Ох как хотелось... Да и сейчас хочется...

— Клыки, братец, они всегда вырастают много раньше, чем зубы мудрости. Закон подлости. Лично я-то на тебя не в обиде. Считаю, что ты мне удружил. Устроил маленький отпуск за твой счет. А вот старик Зевс?.. Тут уж как твоя карта ляжет. Так что продолжай, дерзай! Выйдешь в люди — заходи...

Бог хохотнул и вновь взялся за книгу, а Сизиф грустно вздохнув, влез на трон и громко хлопнул в ладоши. Однако в тронном зале по-прежнему стояла тишина, и на его зов никто не откликнулся. Хлопнул громче, однако с тем же успехом. Он удивленно повертел головой и попытался вызвать челядь громким криком. В зале никто не появился. Танатос продолжал чтение, делая вид, что не замечает смятения царя. Сизиф откинулся на высокую спинку трона и тихо произнес, ни к кому не обращаясь:

— Говорят, что тень — самый верный спутник человека. Но даже она покидает его, когда над головой сгущаются грозовые тучи... Ах, если бы жизнь можно было начать заново!.. Но с середины... Можно было бы многое сделать иначе... Многое...

Высокие и тяжелые двери зала с грохотом отворились, и на пороге появился очень пожилой мужчина в тя-

желых дорогих доспехах с мечом и щитом в руках. За ним робко ввалились толпой придворные и танцовщица. Мужчина быстрым печатным шагом подошел к вскочившему навстречу ему Сизифу, крепко обнял его и облобызал.

— Сизиф, дружище, ты ли это, любезный друг мой?! Мой любимый собутыльник и брат! Как я рад тебя вновь созерцать! Обнимать твое крепкое пузатое тело. Целовать тебя в пухлые слюнявые губы! Дышать винным перегаром твоего дыхания.

— Да, это я, Арес! Я, старый ты негодяй и проказник! Я, твой верный собутыльник и шалун в прошлом, и бессмертный герой отныне!

— Узнаю. Узнаю моего друга, зазнайку и хвастуна! Теперь уж не сомневаюсь! Уф, и жара! Выпить есть?

— А то! Спрашиваешь!

— Наливай! А как бабцы? На месте?

— Этого добра хоть завались!

— Отлично! Обязательно завалюсь с одной из них в твоей шикарной спальне, даже не снимая доспехов, но... попозже. Сначала служба, а уж после — удовольствие! Верно я говорю? А, Сизик?!

— А разве Бог войны может быть в чем-то неправ?! Никогда!

— И тут ты прав, братец! Не буду спрашивать, как ты дошел до жизни такой! Буду тебя, по приказу батьки Зевса, брать и наказывать! А этого, который, как обезьяна клетке, освобождать! Тосик-барбосик, ты как там, бедолага, жив?

— Я смерть.

— Ну и шутник ты, сукин сын! Ну и шутник! Я пришел вытащить тебя из клетки, мальчик! Так что держись! Операцией буду руководить лично я! Так что будет и гром, и молния, и ура, вперед, и страху полные штаны!.. Кой у кого!.. Не будем уточнять! Ха-ха-ха!

— Спасибо за помощь, Арик. Тогда я спокоен за исход. Когда операцией начинает руководить сапог, мозгу остается только маршировать.

— Молодец, пацан, хорошо сказанул! Ты, главное, сиди тихо и ни в чем не сомневайся.

Арес достал из кармана штанов противотанковую гранату и через плечо бросил её в толпу придворных. Те в дикой панике с криками ужаса бросились на пол. Арес громко захохотал и, взяв со стола огромный кубок, полный вина, одним махом осушил его.

— Олухи! Чо орете, как стадо свиной во время забоя! Ловить надо, а не падать! Весь карман оттянула, проклятая! А чего её бояться-то? Она же ручная! Это же сразу видно невооруженным взглядом!

И он опять заржал, как голодный мул.

— Если, братишки, за дело берется сам Бог войны, все будет в полном порядке. Уж что-что, а когда будет надо — я не промахнусь!.. Особливо когда несу кружку мальвазии ко рту!

И снова зал огласился диким ржанием. Танатос отложил книгу и подошел к дверце своей тюрьмы.

— Прав, Арик! Главное достоинство Бога — знать свои достоинства! Ну, не тяни, давай, отпирай клетку.

— Спешись, мальчик! Любую военную операцию необходимо вначале хорошенько и, согласно уставу, подготовить. Произвести рекогносцировку, затем артподготовку, подтянуть обозы, а уж потом...

Арес раскрыл свою луженую глотку и начал дико орать:

— Ура! Ура! Ура!

Придворные, тоже робко подвывая, подтянули Аресу.

Бог войны снял шлем и сапоги, помахал в воздухе источающими жуткий аромат портянками и поманил к себе пальцем танцовщицу. Девушка робко подошла. Арес обнял её за талию, пощупал все выступающие места и пробасил, сунув ей в руки портянки:

— Пойди, птичка, к фонтану да пополощи их в холодной водичке, потом хорошенько отожми и принеси папочке Аресу взад! Поняла!

— Ага... — робко пропищала девушка.

— Ну, вот и молодчина, смысленая, значит. А я погляжу, крепкие ли у тебя ручонки. А то дедушка Арес уже не в той спортивной форме пребывает, и на фронте любви у него иной раз случаются и поражения! Поняла?

— Не очень... — пискнула девушка.

— Ничего, в койке объясню тебе это подробнее...

Зал вновь огласился ржанием.

— Кстати, птенчик, ты знаешь, почему у козы грустные глаза?

— Не-е-т... — проблеяла малышка.

— Да потому, что у неё мужик козел! Ха-ха-ха. Смешно, верно?

— Смешно, дедушка Арес.

— А знаешь, почему петухи не любят замороженных кур?

— Нет, дедушка Арес.

— Да потому, что они ноги им раздвинуть не могут! Силенок не хватает!

Арес зашелся в ослином ржании до хриплого кашля, очень довольный своим необыкновенным остроумием. Затем позвал Сизифа и, усадив его рядом с собой на пол, начал душевительную беседу:

— Ну дак как это ты, дружок, так перед Зевсом обфурился? А? Расскажи-ка дядьке Аресу все, как на духу. И как это ты до такой дури дотумкался со своим бараньим мозгом? Ума не приложу! Ты погляди внимательно в зеркало на свой лоб! На нем же всего одна извилина, да и та прямая, как щель в заднице, и идет поперек всего лба! Белены, что ли, объелся? Или, может быть, травкой обкурился? Героем, значит, захотел, дурень, стать. Героем! Тот я чувствую, что из тебя героический запах такой силы и едкости прет, что даже солдатский дух моих портянок его перешибить не может! Герой хренов! «Никто еще из моих соплеменников так высоко не поднимался!» — гордился заяц в когтях у орла. Сейчас у тебя выход только один: сжечь за собой все мосты, чтобы некуда было отступать, и спокойненько сдаться Богу войны, непобедимому дядечке Аресу! Ферштейн?

И запомни, дурик: у нас на Олимпе только один великий и есть — Великий Зевс! Ура-а-а-а!

А вы, челядь, дебилыне придурки, громче кричите! Громче! Еще громче! Старый Зевс малость оглох, может и не услышать!

А ты, Сизик, дурашка, видать, про это забыл!

— Виноват, Аресик, и правда забыл! Когда рыскал в поисках вечной славы, все из башки вылетело! Все начисто!

— Ничего, память-то я тебе на дыбе освежу, как новенькая станет, как у твоего сисястенького воробышка! Верно, цыпленочек?

— Ве-р-но...

Танатос, спокойно наблюдавший эту картинку, сочувственно кивнул головой:

— В лабиринтах славы так легко сбиться с пути и заблудиться... и не только простому смертному...

— Верно говоришь, Тосик, верно. Так что не мучь себя, Сизик, до пыток понапрасну! Не только с тобой случается такое. И что смешно: все при этом сетуют на свою память. Буквально все, с кем я в камере пыток проводил серьезную воспитательную работу. И при этом — никто из них не серчал на свой ум. Герои-то, они в основном на чем прокалываются? На дерьме! Да-да, это я тебе точно говорю по своему многолетнему опыту общения с ними, дураками! Герой, он ведь как себе думает: «Ну уж кто там, не знаю, а уж я-то всегда прав!» И вот тут-то и есть его главный просчет! Тот, кто не ошибается вместе со всеми, считай, уже ошибся! Понял?!

— Понял.

— Значит, правильно я говорю?

— Правильно говоришь, Аресик.

— Тогда, Сизик, гони Аресику ключик от клетки, а то за монтировкой в карету бежать далековато.

— Он вон там, в ларце.

— Что? Так просто в ларце и лежит? У всех на виду? Ну и дела... Воробышек, открой-ка эту штуковинку, крошка. Сизик, а где ключик от ларчика?

— А он без ключика.

— Ну дела!.. Если ларчик открывается просто, значит, в ларчике ничего нет... Ну и что там, моя сладенькая почка?

— Он пустой, дяденька Арес.

— Дяденька Арес — гений! Теперь ты в это веришь, глупый Сизик! Что молчишь? Веришь?

— Угу.

— Сизик, мальчик мой глупый. Козлик мой вонючий. Котик мой облезлый. Зачем ты пытаешься обмануть своего старенького, но дошлого дядю? Это выглядит так некрасиво со стороны. Верно я говорю, моя сексопилочка?

— Ага.

— Угу, ага — вырастут рога. Мало того что это некрасиво — это глупо, Сизик. Зачем ты пытаешься сделать из любимого дяди дурака? Иди ко мне, мой мальчик, мой шалунишка, я дам тебе хорошего пинка в зад. Такого ты не получишь ни от кого на всем Олимпе!

Сизиф робко слез с трона и, постояв несколько секунд, взобрался на него снова. Арес обернул правую ногу портянкой, натянул сапог и, проверив, плотно ли он сидит, сделал несколько пробных тренировочных ударов в воздухе.

— Ну, что там тебя на троне, заклинило или что? Или нафурил полное галифе и прилип к нему? Эдак я весь сапог о тебя изгажу. А сапоги-то, между прочим, натуральная бычья кожа, а не какая-нибудь там солдатская кирза! Таким уж если долбанешь, так долбанешь! Давай, иди, иди сюда поскорее, а то нога уже чешется! А пинок у Бога войны, Ареса, знаменитый! Вот тут-то ты уж действительно высоко взлетишь! Поди, как тот заяц у орла! А то, пожалуй, и еще выше!

Ослиное ржание Ареса заглушили жалостливые вопли Сизифа. Тот сполз с трона и рыдая припал к сапогу Бога.

— Хочу славы! Хочу простой, вечной, огромной, безбрежной славы... Славы хочу!..

— А кто её не хочет, славы-то? Славы, милок, все хотят. Все! Да мало у кого это получается.

Арес развернул стоящего на коленях царя и, примериваясь, сделал назад несколько шагов для разбега.

— Открывай клетку, Сизик.

Сизиф, стоя в позе «локти-колени», повернул голову назад и провыл сквозь льющисися ручьем слезы:

— Скажи, Арес, какая кара грозит мне в царстве теней?

— Какая кара... Та-ак... Припомни-ка, дружок, да точнее, над кем ты громче всех смеялся в последний раз, и тогда я прикину, на что ты при этом можешь рассчитывать!..

***

Сизиф лежал на земле у камня и глядел, как солдат колдует над костром. Рассказ о былом подвиге сильно утомил старика, и он был рад окончанию этой биографической истории. О чем думал солдат, вешая котелок на рогатину, он не знал, впрочем, так же, как и то, мог ли тот думать вообще. Служивый бросил в котелок какую-то траву, которую носил в керамическом горшочке, лежащем в мешке, завязанном у горлышка плотной холщовой тряпичей. Аромат пряности достиг носа старика и приятно защекотал ноздри, возбуждая и без того волчий аппетит. Солдат присел на поваленный ствол, скрутил толстую самокрутку из листьев какого-то дерева и, задумчиво глядя на искры костра, продолжил начатую до исповеди Сизифа тему:

— Ты правильно говоришь. Ну что, если вспомнить, я сделал хорошего людям? Да ничего. Всю жизнь провоевал наемником. И кого только я ни убивал!.. Кто только в меня ни стрелял!.. В общем, равнял, как ты говорил, этот самый кислородный... кислородный... все забываю это мудреное слово...

Сизиф открыл один глаз и просипел:

— Баланс...

— Вот-вот... баланс... И правильно ты сказал давеча: если бы мне отыскать в моей жизни хотя бы одно приличное достоинство, хотя бы самое махонькое, я бы на суде Олимпа мог бы им прикрыться...

— А ты покопайся в своей башке получше. Глядишь, может, чего и найдешь! А главное — не падай духом, расшибешься.

Солдат почесал макушку и произнес с большим сомнением:

— Наверяд ли... я найду... навряд ли... Вот у моего ротного, это которому башку оторвало... Я ведь говорил тебе об этом. Ядром прямой наводкой из пращи... у того, может, что и было... У того-то может быть... а может, и нет...

В небе раздался страшный грохот, и в разрядах молний на землю спустился Зевс.

— Привет, братишки! Все кукуете? Поди с тех пор, как я вас навещал, кости мои все полощете?! То-то у меня с утра уши чешутся.

Сизиф, не открывая глаз, пробормотал с полным безразличием в голосе:

— Кукуем, Великий.

— Ну и молодцы! Главное, ребята, сердцем не стареть! Скучаете?

Солдат, не поднявшись с бревна навстречу Богу, продолжая мешать варево в котелке, прогнусавил:

— С вами, Великий, не соскучишься. Сколько же еще ждать можно. Я же теперича, считай, голышом нахожусь, а на горе ветер студень, особливо по ночам. А советы Сизифовы — они, Великий, не шибко организм греют.

Зевс обернулся к Сизифу и, надев на лицо маску строгого и справедливого судьи, величественно произнес:

— Сизик! Ты что же это, обормот эдакий, до нитки обобрал служивого? Нехорошо это... Некрасиво... Героя войны, ветерана, покойника... Ах, как некрасиво... Мне просто стыдно за тебя! Я краснею!

— Да разве я спору, Великий? Конечно, некрасиво. Зато тепло. Тело-то у меня старое, изношенное, да и в битвах не закаленное, как у солдата. К тому же он со дня на день на ваше, Великий, олимпийское снабжение перейдет, там и приоденется...

— И все же это безнравственно, Сизик! Без-нрав-ственно!..

Сизиф поднялся. Подошел к костру. Достал из-за пазухи деревянную ложку и, зачерпнув варево из котелка, подув, попробовал его.

— Гадость. Чудовищная гадость. Не хочешь ли, Великий, отведать наших деликатесов? Может быть, в личные похлебки служивого возьмешь? А пока размышляешь на эту тему, позволь к тебе обратиться, так сказать, официально.

— Валяй, если иначе не можешь.

— О нравственный из нравственнейших! Не ты ли, создавая этот мир, такое удивительное качество как низость выдал только самым высшим существам? Так что уж не обессудь.

— Учту твоё справедливое замечание, великий и несравненный правдолюб. Учту! Но все же прошу тебя больше этого не делать, мой мальчик. О'кей?

— Как прикажешь, Великий! Просьба Бога не может для простого смертного звучать неубедительно! Ты слышал, служивый? Все остальное, то есть то, чем ты еще не успел расплатиться со мной за мою мудрость, ты можешь оставить себе! Понял?

Солдат в недоумении оглядел свое голое тело и вопросительно взглянул на Бога.

— Не понял? А что остальное-то? Разве что — трусы и кожу?

Сизиф встал в позу царя и напыщенно произнес:

— Честь и совесть, служивый! Солдатскую честь и совесть! Это самое дорогое твое сокровище! Запомни! Запомнил?

— Запомнил.

— Молодец! Ничто на свете лучше, чем они, не согреют твое грешное тело. Ничто! Я прав, Великий?

Зевс зевнул, широко открыв рот. Почесал грудь и сплюнул.

— Ты шпана, Сизик. Когда через парочку тысяч лет я создам город Одессу, ты будешь у меня торговать совестью на Привозе.

— Спасибо, Великий.

Зевс подошел к солдату и отечески погладил его по голове.

— В принципе, на этот раз он прав, служивый. Только высокая мораль и нравственные устои смогут быть тебе реальной поддержкой в этом мире. Только они. Запомни это!

— Так точно, Великий!

— А теперь я открою тебе еще одну очень важную истину. Подставь мне ухо.

Солдат выслушал тайное наставление Зевса и радостно гаркнул во всю глотку, подпрыгнув на месте:

— Так точно, Великий! Служу Олимпу и Зевсу! Ура!

Довольный результатом разговора Бог с видимым удовлетворением потер руки и еще раз громко повторил:

— И помни, служивый, только высокие нравственные барьеры, честность, глубокая порядочность и добродетель имеют еще хоть какую-то ценность и в этом мире!

Затем повернулся к Сизифу и кивнул на солдата:

— Мальчик, кажется, не без способностей. А? Надо будет ему и впрямь подобрать теплое местечко на олимпийской кухне. Он в меру понятлив, и надеюсь, исполнительен! Будет таскать ящики!

— Абсолютно солидарен с тобой, Великий! Славный пацан! Он мне тоже как-то сразу понравился, буквально с первого взгляда. Умеет, подлец, во все вкладывать душу! Этот далеко пойдет. Далеко!..

— Ты прав, Сизиф, думаю, что на этого боевого товарища и героя я смогу положиться. А пока суть да дело, давай, братец, прощаться — вот тебе моя рука.

Зевс протянул руку для поцелуя, и Сизиф самозабвенно припал к ней.

— Ну довольно, довольно, эдак ты мне слижешь всю кожу.

Итак, волею своею и полномочиями, данными мне советом Богов Олимпа, прощаю тебя, греховодник Сизиф! Ты с честью пронес возложенную на тебя кару и не уронил почетного звания первого негодяя Коринфа! Спасибо тебе за это, мой дорогой.

Зевс протянул вторую руку для поцелуя, и рыдающий от счастья в полный голос грешник так же страстно припал к ней.

— Ну а сегодня как следует отоспись, утоли голод из братского солдатского котелка, стряхни пыль с ушей и сандалий, прости, с голых ступней, и приведи себя в божеский вид. Да, и не забудь еще хорошенько обмыть тело, а не то от исходящего от твоей плоти густого аромата завянут розы в моем олимпийском саду. Усек?

— Усек, Величайший! Усек!

— Ну и славненько, а поутру жду тебя к завтраку. А ты, служивый, помни о своем священном долге! И пораньше подгребай на кухню.

Громы и молнии проглотили еще какие-то напутственные слова Зевса, и только когда все несколько поутихло, из небесной выси донеслось, словно эхо:

— Поспеши, служивый... Поспеши...

Пыль осела, и над вершиной повисла удивительная тишина, которую не нарушали ни пение птиц, ни стрекот ци-

кад, ни шорохи сухих листьев под легким дуновением ветерка.

Обалдевший от счастья Сизиф с открытым ртом глядел в небо. Радость от прощения, казалось, раздавила его. Разжижила мозг, лишив сознания и ощущения окружающей действительности. Он то вдруг начинал громко и безудержно смеяться, то горько, почти по-детски рыдать. Солдат с удивлением наблюдал эти эмоциональные всплески, пугаясь их.

— Папаша, успокойся! Так ведь и свихнуться недалеко!.. Ну простил он тебя. Позвал к себе в гости. Эка невидаль!.. Сегодня простил, а завтра два камушка у него катать будешь. У начальников ведь это как? Сегодня гладит, а завтра вон как твой Арес! Рачком поставит да как саданет промеж ягодич кирзой!.. У них же хрен что поймешь!.. Оно слово — олигархи! Вот возьми, к примеру, моего ротного!.. Это которому башку оттяпало аж по самые плечи. Он бывало тоже!..

Сизиф тряхнул головой, поднялся с колен и умоляюще поглядел на солдата:

— Прощу тебя. Умоляю. Хочешь, забери обратно все свои вещи, только заткни пасть со своим ротным! Меня уже не просто тошнит от его имени! Во мне просто просыпается зверь.

— Молчу, молчу. Не хочешь про ротного, и не надо. Я тебе про нашего командира колонны расскажу! Куда там моему ротному. Бывало, вызовет того, поставит по стойке смирно и давай его долбать! И давай!.. А ротный стоит себе... и сплевывает на землю через плечо. У него такая привычка с детства была. А я тебе про его детство еще не рассказывал? Он-то ведь тоже был не пальцем сделанный и... Такой был шепутной!..

Сизиф обнял руками камень и зарыдал. Солдат поглядел на него с жалостью и недоумением:

— Не понял, папаша. Ты чего это опять скис? Я же тебе сейчас не про ротного, которому башку ядром снесло, а про нашего батальонного хочу рассказать. Про то, как он нашего ротного!..

— Которому башку по самые яйца оторвало!!! Слышал я это. Сто раз слышал! И не хочу. Не могу больше

переносить этого проклятого имени!!! Все! Заткнись, а не то не дойдешь завтра до своей кухни! Будь ты трижды проклят, идиот!

— Ну успокойся, старик. Успокойся. Нет, так нет. Только ты зря на ротного так несешь. Ведь если ему башку пришьют к шее, он тоже к Зевсу на Олимп как герой попадет. Я тебя там с ним обязательно познакомлю. И вот увидишь, уж он тебе точно очень даже сильно понравится. А пока давай поближе к котелку. У меня еще последняя баночка тушенки в заначке завалилась. Мне-то теперь, потому как я, считай, уже при кухне, она не нужна, а тебе сейчас в первый раз будет подкрепиться.

— Спасибо, братец, такая радость сердце охватила, что и есть даже не очень хочется.

Сизиф ласково погладил камень, обнял и поцеловал его, затем повернулся к солдату просветлевшим от счастья лицом:

— Ну, вот и докатался. Все! Все! И знаешь, тяга к камню пропала... Не тянет! Веришь, служивый? Клянусь тебе твоим ротным! Не тянет, и все тут! Не то чтобы катить, трогать его, мерзавца, и то неохота!

Он с разбега пнул камень босой ногой и, крича от боли, запрыгал с воем и проклятиями на месте:

— Будь ты проклят, образина! Голь перекатная! Безмозглая тварь!

Пнул камень еще и еще раз. Тот вздрогнул и начал медленно катиться с горы.

— Стой! Стой! Убью! Стой, ублюдок!

Солдат бросился наперерез, перехватил камень, и они вместе остановили его. Сизиф в изнеможении сел на землю, подпер для верности камень спиной и зарыдал.

— Ну надо же! Надо же! Чуть было сам не наделал делов. Спасибо, служивый. Я не пережил бы! Ей-ей! Не пережил бы!

— Да уж поосторожней! А то больно раздухарился от радости-то под конец. Сейчас радость едой заешь, и другое дело будет.

— Спасибо тебе еще раз, братец. Ты уж извини меня, подлеца, ежели что не так было. Это у меня, видать, в крови еще от древних предков засело.

— От обезьян, значит. Бывает. У меня тоже иной раз эти дремучие инстинкты поднимаются. То во сне кажется, что хвост начинает расти. То по деревьям охота ползает с пушистой краснозадой самочкой. Да что там... Свои люди, сочтемся. А ты как поешь, поспи немного. Сон — он все инстинкты сглаживает и, наверное, обезьяньи тоже... А я покамест вещички твои встряхну да проветрю. А как проснешься, приоденешься и почпаем вместе к Богу в рай в ногу. Как ротный учил. Молчу, молчу...

Солдат расстелил одеяло скатки и бережно уложил на него старика, предварительно раздев его догола. Сизиф ему благодарно улыбнулся и заснул с блаженной улыбкой на устах. Солдат встряхнул аккуратно каждую вещичку, снял пылинки и колючки, разгладил и надел на себя. Подошел к камню, погладил его рукой, а затем сильно толкнул. Камень медленно, как бы нехотя, начал катиться с горы.

— Вот и поехали... Вот и поехали... И так до самого низа. А ты поспи, старик. Тебе надо новых сил набраться. Это ведь нелегкое дело — такой камешек обратно в гору закатить. Тут не то что я, тут и ротный, пожалуй бы, не смог... Нет, не смог бы... А старикан вот может. Парадокс! Ну а раз может, пусть тогда себе и катит. А мое теперь дело — жратву на кухне гонять. Эх, и хороша она, наверное, эта олимпийская кухня! Хороша!

Он сложил руки лодочкой и тихонечко прокричал в небо:

— Великий, а Великий! Принимай солдатика! Он твой приказ выполнил!

Затем взял в руки пику, затянул потуже ремень и про-
бормотал про себя:

— А то как же! Как это старик говорил: просьба Бога не может для простого смертного звучать неубедительно!

Он залез в мешок, достал карандаш и замусоленную тетрадь и, мучительно вспоминая слова, сказанные Богом и Сизифом, начал записывать:

«Честность, порядочность и добродетель!»

— Какие замечательные слова велели они мне запомнить. Да-а! Что ни говори, а грамотные и умные люди... Великий Зевс и папаша. Да-а! Вот еще одно вспомнил: высо-

кие моральные барьеры... Тоже красиво звучит. Если случаем ротного найду, обязательно научу его. Только бы ему смерть-сестричка голову пришила к шее... Вот теперь-то уже точно все! Прощай, старик! Прощай! Не поминай лихом. Может быть, на Олимпе еще и встретимся... Вот радости-то будет...

Солдат одернул мундир и пошел, печатая шаг и командуя сам себе:

— Раз, два, три! Честность, порядочность, добродетель! Честность, порядочность, добродетель... Честность, порядочность, добродетель! Раз, два, три...